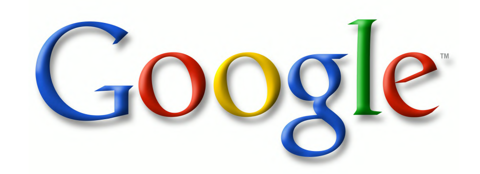
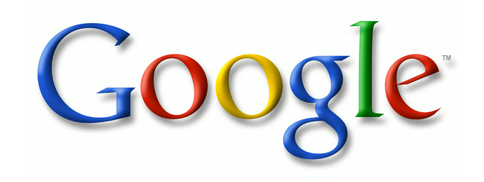
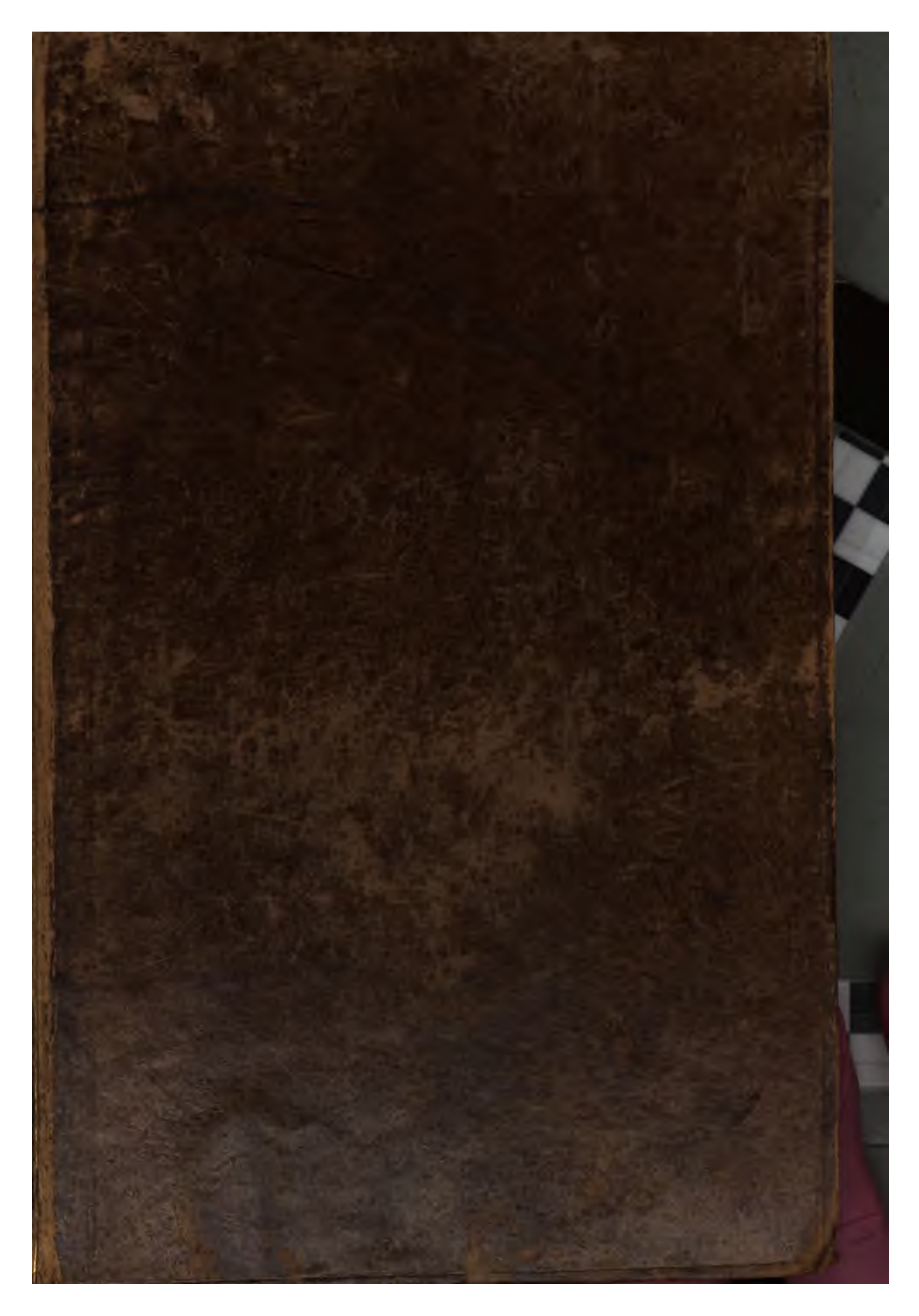



Google



BIBLIOTHÉQUE
DU
PRINCE E. LWOFF.
Arm. 19
Ray. 7
№ 1
БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО университета
Св. Владиміра.
БИБЛІОТЕКА ГЕН.-АДЪЮТАНТА
Дмитрія Гавриловича
БИБИКОВА,
пожертвованная Университету
его дочерью,
ГРАФИНЕЮ КАССИНИ
въ 1898 г.
№ 3111.

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Сочиненіе

Веніамина Бергмана.

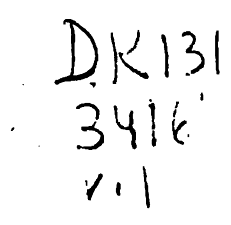
Перевелъ съ Нѣмецкаго Егоръ Аладьинъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Ст. ПЕТЕРБУРГЪ,

въ Типографіи Конрада Вингебера.

1833.



Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ. 29 Декабря 1832 года.

Цензоръ А. Крыловъ.

Изданіе книгопродавца А. Ѳ. Фарикова.

Предисловіе Сочинителя.

Послѣ Вольтера, изъ иностранцевъ, только Клаудіусъ и Галемъ писали Исторію Петра Великаго.

Г. К. Клаудіусъ (Peter der Grosse, 3 Bände. 8. Riga, 1798) не открываетъ намъ ничего новаго; а *Г. А. Галемъ* (Leben Peter's des Grossen, 3 Bände. 8. Münster und Leipzig, 1803) столько же выше своего Французскаго предшественника, сколько и Г. Л. Поссельтъ своею Исторіею Карла XII.

Собственное изрѣченіе Монарха, на счетъ Русской старины: *«какъ могутъ обработать ее иностранцы, когда мы сами не собрали еще у себя объ ней ничего вѣрнаго!»* — можно отнести, по всей справедливости, и къ Его Исторіи.

Нѣтъ, правда, недостатка въ матеріалахъ, писанныхъ частію собственноручно Императоромъ, частію оставленныхъ современниками, съ благодарностію созерцавшими трудный подвигъ Его Геніальной силы. Но изъ всего этого, на Русскомъ языкѣ, извлечено только четыре, частію недоконченныя и неполныя Біографіи:

1.) Исторія Императора Петра Великаго, отъ рожденія Его до Полтавской баталіи, и взятія въ плѣнъ остальныхъ Шведскихъ войскъ при Переволочнѣ, включительно, соч. Ѳеофана Прокоповича. С. П. Б. 1773. (2-е изданіе печ. въ Москвѣ, 1788.)

2.) Житіе и славныя дѣла Государя Императора Петра Великаго, Самодержца Всероссійскаго, изданное

Димитріемъ Θеодози. Венеція, 1772 г. — Второе изданіе напечатано въ С.-Петербургѣ 1774.

3.) Жизнь и дѣянія Государя Императора Петрѣ Великаго, соч. Θедора Туманскаго; — часть 1-я. С. П. Б. 1788.

4.) Дѣянія Петра Великаго, съ дополненіями, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ, и расположенныя по годамъ, Иваномъ Голиковымъ. — Москва 1788 — 1797.

Иванъ Голиковъ, бывшій Курскій купецъ (умершій за нѣсколько предъ симъ лѣтъ), поощренный современниками Петра, В. Н. Татищевымъ и И. И. Неплюевымъ, издалъ сначала 12 томовъ; потомъ собралъ множество подлинныхъ Царско-Императорскихъ писемъ, почерпнулъ многое изъ Московскаго Архива, и съ помощію Демидова, равно другихъ достойныхъ уваженія Россіянъ, напечаталъ въ 18-ти дополнительныхъ томахъ часть приведеннаго имъ въ порядокъ; причемъ, рукопись Крекшина, дневники Желябужскаго и Меньшикова, равно записки Императора о Персидскомъ походѣ, были для Голикова, сколько новыми, столько же и богатыми рудниками.

Хотя Сочинитель предлагаемой здѣсь Исторіи и заимствовалъ большую часть извѣстій изъ книги Голикова; но онъ долженъ признаться, что предшественникъ его безпорядочно набрасывалъ матеріалы, одни на другіе (1), многое повторялъ два или три раза (2), многое перепу-

(1) Точный, Хронологическій порядокъ событій, приказовъ и распоряженій, пренебреженъ вовсе.

(2) Напримѣръ однѣ и тѣже письма Государя найдете вы: въ одномъ изъ первыхъ девяти томовъ Дѣяній Петра Великаго, въ въ одномъ изъ трехъ послѣднихъ тѣхъ же Дѣяній (содержащихъ въ себѣ Царскіе рескрипты, по 1711 годъ), и напослѣдокъ въ дополнительныхъ 18 томахъ.

шалъ противорѣчіями (1), многое списывалъ безъ вниманія, (2) и слишкомъ часто забывалъ, что для Историка нѣтъ отечества.

Въ первой книгѣ, изображеніе Русской старины, много облегчила для меня Исторія Профессора Эверса (Дерптъ, 1816 г. томъ I), а еще болѣе Исторія Карамзина (С. Петербургъ, 1817), равно твореніе Архимандрита Амвросія, о Россійской Іерархіи (Москва, 1807 — 1815. — 6 томовъ).

Черты домашней жизни Великаго Монарха заимствованы: 1) изъ напечатаннаго на Голландскомъ языкѣ сочиненія Секретаря Якова Схельтемы: Russland en de Nederlanden, *Россія и Нидерланды* (Амстерд. 1817, 1818), которое есть не что иное, какъ вновь обработанное небольшое твореніе того же автора, извѣстное подъ заглавіемъ: Peter de Groote in Holland en te Zaandam, *Петръ Великій въ*

---

(1) Особенно замѣтно это у Голикова въ счисленіяхъ, какъ на прим. въ описаніи прежнихъ Государственныхъ доходовъ Россіи: Голиковъ, во вступленіи къ Дѣяніямъ Петра, насчитываетъ ихъ до 5 миліоновъ рублей; а изъ послѣдняго тома дополненій видно ясно, что тогдашніе доходы Государства не простирались свыше 2 милліоновъ рублей.

(2) Докажемъ это двумя убѣдительными примѣрами: 1) Надписью на крестѣ, который воздвигнутъ Петромъ на берегу Бѣлаго моря, въ память избавленія Его отъ кораблекрушенія (С. I томъ, III книгу, 4-ю главу сей Исторіи). Въ оригиналѣ, изъ котораго, какъ Русскій, такъ и Нѣмецкій Біографы заимствовали это произшествіе, находятся слѣдующія Голландскія слова (с. 47): DAT KRUYS MACEN KAPTEIN PITER VAN. A. CHT. 1694; изъ чего, въ Исторіи Голикова, читаешь: otat Kruu maken Piter Acht 1699; 2) Надписью на медали, выбитой по случаю взятія Ніеншанца, которая гласитъ: sic Magnis CeDit, а не такъ, какъ у Голикова (Дѣян. т. II, с. 103): ic maculus ce ule. — Впрочемъ погрѣшности этого рода простительны незнающему языковъ столько же, сколько и Историку Галему, который, на титулѣ своего третьяго тома, неправильно скопировалъ около двадцати Русскихъ буквъ.

Голландіи и Саандамъ (Амстерд. 1814); — 2) изъ *Достопамятностей*, изданныхъ, на Французскомъ языкѣ, Маркграфинею Барейтскою; 3) Rutheania 1807 г. и Анекдотовъ Л. Бачко.

Правильнымъ Хронологическимъ развитіемъ дипломатическихъ сношеній, Сочинитель сей Исторіи обязанъ Коллежскому Ассессору фонъ-Вихману, сообщившему ему, на Русскомъ языкѣ, роспись (вмѣстѣ съ выписками) всѣмъ переговорамъ и договорамъ бывшаго Московскаго Посольскаго Приказа.

Сверхъ того, Сочинитель съ благодарностію вспоминаетъ то участіе, какое принимали въ его трудѣ Лифляндскій Генералъ - Суперъ - Интендентъ Зоннтагъ и Баронъ фонъ - Кампенгаузенъ. Первый сообщилъ подлинныя письма Шведскаго Резидента Кохена къ Рижскому Генералъ-Губернатору Гастферу, съ 1688 по 1693 годъ, а послѣдній Галлартовъ дневникъ.

Послѣдній томъ сей книги знакомитъ насъ съ знаменитыми современниками Петра. — Сочинитель слѣдовалъ здѣсь, преимущественно, двумъ вышедшимъ на Русскомъ языкѣ книгамъ Бантыша-Каменскаго: 1) Дѣянія знаменитыхъ Полководцевъ и Министровъ, служившихъ въ Царствованіе Императора Петра Великаго (Москва 1812—1813), и 2) Историческое собраніе списковъ Кавалерамъ четырехъ Россійскихъ Императорскихъ Орденовъ (Москва, 1814).

Иностранныя вспомогательныя средства Галемъ довольно подробно изчислилъ въ своей Исторіи. — О многихъ другихъ, на Русскомъ, Нѣмецкомъ и Англійскомъ языкахъ, я скажу, при случаѣ, моимъ читателямъ.

Можетъ быть, иные упрекнутъ меня за то, что время и Государство — я, такъ сказать, слилъ съ человѣкомъ и Государемъ; но кто говоритъ о Великомъ Петрѣ,

тотъ не долженъ отдѣлять Его отъ Государства, въ которомъ все создано, приведено въ движеніе, и направлено симъ мудрымъ Монархомъ.

Недостатокъ Фернейской остроты Сочинитель старался вознаградить сжатостью слога, и важнѣйшія произшествія изображать ясно и просто, не пускаясь въ собственные взгляды, и не утомляя читателей этико-политическими разсужденіями. Въ Исторіи прошедшее говоритъ настоящему. Все великое и малое, въ ней получаетъ, поощряетъ и предостерегаетъ. Дѣеписатель не-долженъ сбиваться съ прямаго пути, не долженъ унижать своего творенія до простаго сборника разглагольствій.

Сочинитель желалъ бы, чтобъ трудъ его удостоился вниманія Историковъ; даже хула ихъ будетъ для него пріятнѣе, нежели похвала толпы.

КНИГА ПЕРВАЯ.

РОССІЯ

ДО

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Съ изумленіемъ вступаемъ мы въ кругъ дѣйствій Государя, торговлею, искусствами и науками преобразившаго грубые, дикіе нравы своихъ подданныхъ, побѣдившаго враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, и, величіемъ духа, могуществомъ воли, помрачившаго своихъ предшественниковъ.

Чтобы умѣть оцѣнить Его правила и заслуги, бросимъ взглядъ на предшествовавшій Ему вѣкъ.

Потомки Рюрика, въ теченіе почти семи столѣтій, владѣли, сначала, какъ Великіе Князья, небольшими удѣлами, которые болѣе и болѣе распространялись, на счетъ Половцевъ и Монголовъ; потомъ, какъ Цари, они стали властителями Казани, Астрахани и Сибири; но, вмѣстѣ съ жизнію сына Іоанна Васильевича IV-го, угасла и Рюрикова династія. Честолюбіе Бориса Годунова открыло путь къ возвышенію и гибели не одному похитителю престола. Царскій скипетръ Шуйскаго нуждался въ рукѣ сильнѣйшей. Алчность Сигизмунда, желавшаго утвердить за собою то, что назначено было его сыну, лишила всего обоихъ, и сынъ постриженнаго въ монахи Θеодора Никитича Романова, какъ ближайшій родственикъ Θеодора Іоанновича, принялъ бразды

правленія. Михаилъ Өеодоровичъ (1613—1643), желая быть достойнымъ трона, котораго не искалъ онъ, усмирилъ мятежи внутри Государства, и, сообразуясь съ временемъ, удовлетворилъ Польско-Шведскому любостяжанію, нѣкоторыми пожертвованіями. Алексѣй Михайловичъ (1645—1676) воевалъ противъ Поляковъ и Шведовъ, съ перемѣннымъ счастіемъ, и довершилъ славу своего Царствованія законодательствомъ. Өеодоръ Алексѣевичъ (1676-1682), мощный духомъ, но слабый тѣломъ, оставилъ тронъ и предначертанія свои юному Петру.

Въ первые семь вѣковъ, Владыки Россіи, какъ титуломъ, такъ и самою властію, не много превышали вельможъ своего Государства; послѣдовавшее за тѣмъ раздробленіе онаго на удѣлы, и яремъ Монголо-Татарскаго господства, ослабивъ еще болѣе силы Князей, увеличили вліяніе Бояръ на дѣла общественныя, породили непокорство и мятежи, даже въ то время, когда, завоеваніемъ Казани и Астрахани, вмѣсто Великокняжескаго титула, введено и упрочено въ Россіи титло Царей, когда могущество сихъ послѣднихъ обуздывало уже честолюбіе ближнихъ родственниковъ, и когда только право первородства открывало единственный путь къ трону. Іоаннъ Васильевичъ IV, можетъ статься, былъ вынужденъ заслужить прозваніе *Грознаго*, и не только Борисъ Годуновъ, но и Государи изъ рода Романовыхъ долженствовали собирать сокровища съ Востока и Сѣвера, дабы возстановить рубежъ между Правителями и подданными.

Цари вступали въ бракъ съ дочерьми своихъ подданныхъ: супруги ихъ были: Михаила Өеодоровича изъ дома Стрешневыхъ, Алексѣя Михайловича изъ

дома Милославскихъ, а потомъ Нарышкиныхъ; Θеодора Алексѣевича изъ дома Грушецкихъ и Апраксиныхъ.

Бунты не рѣдко нарушали спокойствіе Царей, которые усмиряли оные, не безъ внутренняго сознанія въ своемъ малосиліи: мятежные Стрѣльцы, напримѣръ, буйствомъ и угрозами подкрѣпляли всегда свои безаконныя требованія объ уменьшеніи налоговъ, о предоставленіи имъ особыхъ правъ торговли, или о казни нѣкоторыхъ, близкихъ къ Царямъ, Бояръ; а между тѣмъ, Стенька Разинъ вторично опустошилъ Южные предѣлы Россіи.

Актъ избранія Романовыхъ на престолъ обязывалъ Московское Государство къ присягѣ, а Монарха къ назначенію по себѣ преемника престола. Коронованіе совершалъ Патріархъ, въ царственномъ градѣ Москвѣ. Супруга Царя называлась Царицею, сыновья ихъ Царевичами, а дочери Царевнами.

Строго воспрещалось безпокоить Царя личными просьбами, пока дѣло просителя не было доложено ему надлежащимъ судебнымъ мѣстомъ.

Если Царь являлся публично, то передъ нимъ мели улицы; свита дворцовыхъ людей и тѣлохранителей сопровождала Его; народъ останавливался на мѣстѣ, или падалъ ницъ, пока Царь и Его свита проѣдутъ мимо.

Государственные доходы, до Петра I, простиравшіеся не свыше двухъ милліоновъ рублей, состояли изъ податей, таможенныхъ и акцизныхъ сборовъ, изъ коронныхъ монополій, по продажѣ: хлѣба, скота, поташа, дегтя, клея, икры, ревеня и мѣховыхъ товаровъ; равно изъ пошлинъ съ записей (по 3 коп. съ рубля), за приложеніе печати къ Указамъ (по 25 коп.), за жалованныя

грамоты, съ большою красною печатью (по $2\frac{1}{3}$ руб.), и проч., включая въ то число и доходы съ коронныхъ имѣній. (1)

Точнѣйшее сравненіе послѣдняго Царскаго и перваго Императорскаго правленій, заключается въ 1-й и 30-й книгахъ сего сочиненія.

(1) *Голиковъ*, Дополн. къ Дѣян. Петра Великаго. Том. III. Только, по ошибкѣ, у Голикова, Государственные доходы исчислены вообще, вмѣсто двухъ, въ пять милліоновъ рублей.

ГЛАВА I.

Россійское Духовенство.

Со времен Владиміра I-го, Россія, принявъ отъ Грековъ ихъ вѣру, письмена и ученость, приняла вмѣстѣ и образъ внутренняго устройства Іерархіи. — Вотъ почему, въ обоихъ Государствахъ (въ одномъ до угнетенія Христіанства Османами, а въ другомъ почти до Петра I-го), санъ и власть духовныхъ владыкъ равнялись съ саномъ и властію Государей.

Русское Духовенство, точно такъ же какъ Греческое, раздѣлялось на черное и бѣлое. Черное, или монашествующее Духовенство, брало верхъ надъ Духовенствомъ бѣлымъ, или гражданскимъ; потому что не только Игумены (¹) и Архимандриты (²), но и всѣ высшіе властители Церкви, какъ то: Епископы, Архіепископы и Митрополиты избирались изъ среды монаховъ (³). Тогдашній образъ мнѣнія способствовалъ обогащенію монастырей; и число удалявшихся отъ міра, равно сила ихъ, возрастали вмѣстѣ съ монастырскими сокровищами.

Еще Леонтій (✝ 1008), преемникъ Михаила (✝ 992), перваго Кіевскаго Митрополита, убѣдилъ Великаго Князя Владиміра I-го, къ изданію Уста-

---

(¹) *Игуменъ*, Правитель, Настоятель, — отъ ἡγουμενος.
(²) *Архи-Мандритъ*. — ἀρχιμανδριτης, верховный пастырь, — отъ μανδρα — монастырь.
(³) *Голиковъ*, — Дѣянія Петра, т. IX. стр. 29, 30.

ва, извѣстнаго подъ названіемъ *Устава по Греческимъ Номоканонамъ*, предоставлявшаго главамъ Епархій десятую часть всѣхъ произведеній земли, скотоводства, звѣриной и рыбной ловли, и проч. Сверхъ того, Уставъ сей, устраняя всѣ свѣтскія власти отъ дѣлъ церковныхъ (именно: бракосочетаній, разводовъ, семейныхъ ссоръ, несоблюденія поста, ереси, колдовства и т. п.), подчинялъ духовному суду не только священниковъ, діаконовъ и причетниковъ церковныхъ, съ ихъ фамиліями, — но даже: повивальныхъ бабушекъ, вдовъ, странниковъ, нищихъ, врачей и лихоимцевъ. — Мѣры и вѣсы, во всемъ Государствѣ, были также поручены смотрѣнію и сужденію Архіерейскому.

»Аще кто преступитъ правила (сказано въ концѣ проклятія, присовокупленнаго Владиміромъ къ сему Уставу), яко же есмь управилъ по святыхъ »Апостолъ и по святыхъ Отецъ, и по первыхъ »православныхъ благочестивыхъ Царей управленію, »и кто имѣетъ поругати и преступити сіи пра»вила, или дѣти мои, или правнуцы, или по тѣхъ »Князи и Бояре, или въ которыхъ городѣхъ На»мѣстницы, или Судьи, или Тіуны, аще имутъ по»ругати и обидѣти тѣ священныя суды, и упра»вы, и доходы, и пошлины церковныя Святитель»скія, или отымати, да будутъ прокляти въ сей »вѣкъ и въ будущій, и отъ святыхъ Апостолъ, и »отъ седьми Соборовъ святыхъ отецъ Вселен»скихъ: глаголетъ бо во Евангеліи своемъ Господь »къ таковымъ: *идите отъ мене прокляти во огнь »вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его.*«

»Аще кто обезчеститъ и разоритъ святый »сей уставъ Апостольскій и отеческій, гнѣвъ Бо-

»жій на себе привлечешъ, и гнѣвъ не прощенъ, и »проклятіе въ сей вѣкъ и въ будущій, яко же во »Евангеліи писано есть, яко съ проклятіемъ таковіи отсылаются отъ Господа Бога во огнь »вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его. (1)

Монахи были однакоже не недостойны всеобщаго уваженія: они осушили болота, воздѣлали дикіе пустыри, проложили дороги и каналы, устроили мѣльницы и фабрики, поощрили скотоводство, торговлю и полезныя ремесла; во время войны, выставляли воиновъ, и сражались сами; въ дни мира способствовали просвѣщенію, соотвѣтсвовавшему ихъ вѣку (2).

Духъ времени, въ бѣдствіяхъ жизни, указывалъ людямъ наказующій перстъ Небеснаго Правосудія, и заставлялъ ихъ искать съ нимъ примиренія, въ пожертвованіи благами свѣта: общественныя богатства расточались на монастыри, и Государи умирали въ монашескихъ ризахъ (3), тогда, какъ Русскіе отшельники, за свое удаленіе отъ свѣта, съ избыткомъ вознаграждали себя свѣтскими наслажденіями. Не было и слѣда монастырскаго смиренія Нравы портились болѣе и болѣе (4).

Спустя двестѣ семдесятъ лѣтъ послѣ Владиміра, (1274) Кириллъ, Митрополитъ Кіевскій, въ соимянномъ Равноапостольному Князю городѣ, созвалъ на соборъ Епископовъ: Новгородскаго, Рос-

---

(1) *Голиковъ.* — Дополнен. Т. III. стр. 209.

(2) *Амвросій.* — Исторія Россійской Іерархіи, — Ч. II. стр. XIII. слѣд.

(3) *Болтинъ.* Замѣчанія на Леклерка, Ч. IV.—с. 249, 250.

(4) Въ Псковѣ, монахи и монахини ходили вмѣстѣ въ одну общую баню. — *Замѣчан.* Болтина на Лекрерка, Ч. I. стр. 301.

тiовскаго, Переяславскаго и Полоцкаго, которые, устранивъ вкравшiяся въ Церковь Еллинскiя злоупотребленiя, постановили: чтобы отъ священнаго сана были отчуждены: жители иныхъ областей, рабы неосвобожденные, граждане неплатящiе дани, господа жестокiе, *ротники* или многоклянущiеся, лжесвидѣтели, мздоимцы, незаконно-женатые, и безграмотные. Iерей долженствовалъ имѣть, по крайней мѣрѣ 30, Дiаконъ 29 лѣтъ отъ рожденiя. Епископамъ строго запрещалось брать съ нихъ что либо, за поставленiе, кромѣ определенныхъ семи гривенъ для крилошанъ. — Духовенству повелѣвалось не проводить, какъ прежде въ праздности и веселiи время отъ Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ, — и избѣгать, вообще, древнихъ языческихъ обычаевъ и сборнищъ. ([1])

Замѣтивъ, что гордость и безнравственность монаховъ возрастаетъ съ ихъ богатствомъ, Iоаннъ Васильевичъ IV запретилъ впредь уступку деревень Духовенству, безъ согласiя на то свѣтской власти ([2]).

Какъ здраво судилъ сей Государь о монахахъ своего времени, и ихъ обязанностяхъ, видно изъ письма его къ Гурiю, Архiепископу Казанскому († 1564), просившему позволенiя учредить монастырскую Семинарiю: »о Боже! коль бы щастлива Руская земля была, коль бы сiи Владыки такiи были, яко Преосвященный Макарiй и ты и »Дiонисiй, и толико пеклися, а не о себѣ только, »а не о богатствѣ, покоѣ, веселiи и лакомствѣ, »не говорю инное; мнози бо болѣе церковь, ея же пасти

([1]) *Карамзинъ.*—Истор. IV. стр. 123—125. Примѣч. 153, 154.
([2]) *Голиковъ.* — Дополнен. III. 120. — *Болтинъ* замѣч. на Леклерка. II. — 250, 251.

и беречи взялися, разоряютъ, великія казны церкви и »монастырей на свои роды и на свои роскоши ис»требляютъ, а нищихъ не питаютъ, странныхъ »не призираютъ; не вопроситъ Господь на суди»щи своемъ, како долго молистеся, како много пос»тистеся, како чиновнѣ въ храмѣ и церкви сос»пѣвасте, аще вся сія добра; а спроситъ, колико »бѣднымъ милости явисте и колико научисте и проч. ([1]).

Но Іоаннъ Васильевичъ, собственнымъ примѣромъ, доказалъ свѣту, что гораздо легче хотѣть дѣлать добро, нежели исполнить это хотѣніе. Сей же самый Государь, своимъ суевѣріемъ, и знаменитый *Стоглавый Соборъ* — принесли просвѣщенію болѣе вреда, нежели пользы. ([2]).

Въ числѣ 100 пунктовъ или главъ, утвержденныхъ помянутымъ Соборомъ, бывшимъ подъ предсѣдательствомъ Митрополита Макарія, († 31 Дек. 1564 или 1565), постановлено: крестное знаменіе творить только указательнымъ и среднимъ перстами, въ церковныхъ ходахъ слѣдовать хожденію солнца, пѣть *Аллилуя* трижды, а не менѣе, не ѣсть колбасъ, не ѣздить съ одною оглоблею (дышломъ), платье шить по старинному, Русскому покрою, и въ особенности, не брить и не стричь бороды.

Ни одна изъ ересей, подвергавшихся церковному проклятію, не казалась духовнымъ отцамъ

([1]) *Голиковъ.* — Дополн. — III. — 214.

([2]) *Голиков.* Дополн. — III. — 57, 59, 220—222.—Полное Историческое извѣстіе о древнихъ Стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ... собр. Протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ (Журавлевымъ). Стр. 36—40. *Амвросій* — I. 413.

столь ужасною и достойною наказанія, какъ бритье бороды.

Даже кровь мученическая, пролитая за Христа, не можетъ загладить сего преступленія: (сказано тамъ): »брадобритіе творящіи человѣчес»каго ради угожденія, противящеся законамъ, не»навидимы будете отъ Бога, создавшаго насъ по »образу своему.« ([1]).

Такъ какъ бывшій, за симъ, новый Синодальный Соборъ (1667) отвергъ помянутыя выше, равно и другія, уважаемыя только Русскими староверами, или суевѣрами, постановленія, то тѣмъ рѣшительнѣе можемъ мы, изъ заключеній *Стоглаваго Собора*, заключить о мракѣ и невѣжествѣ тогдашняго вѣка, хотя тѣ же самые духовные отцы оказали нѣкоторую услугу просвѣщенію тѣмъ, что, за недостаткомъ печатныхъ церковныхъ книгъ, они, для публичнаго богослуженія, допустили вѣрные съ нихъ списки. ([2])

Давно уже чувствовали необходимость въ повѣркѣ и ревизіи церковныхъ рукописей; и одинъ только вѣкъ былъ виною, что не удавались всѣ, предпринимаемыя къ тому мѣры.

Еще за тридцать семь лѣтъ до извѣстнаго всѣмъ Собора 1551 года, Митрополитъ Варлаамъ, желая исправить погрѣшности въ церковныхъ рукописяхъ, вытребовалъ съ Афонской горы, ученаго критика, монаха Максима, который, пользуясь необходимыми вспомогательными средствами, девять лѣтъ трудился въ кельѣ Чудова монастыря, и отмѣтилъ вездѣ столько сокращеній, вставокъ и выпусковъ, что за такое неумѣстное усердіе,

---

([1]) *Голиков.* — Дополн. — III. — 224.
([2]) *Іоаннов* (Журавлевъ) стр. 37, 38.

его, какъ еретика, заключили въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ (┼ 1556). (1)

Глава Русской Церкви, съ 988 года, какъ Митрополитъ, подчиненный Константинопольскому Патріарху, назывался Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руссіи. По случаю нашествія Монголовъ, Кириллъ (┼ 1280), перенесъ свою столицу во Владиміръ на Клязьмѣ; а Борисъ Годуновъ, при Θеодорѣ Іоанновичѣ, сверхъ четырехъ Митрополитовъ (Велико-Новгородскаго, Казанскаго, Рязанскаго и Московскаго), доставилъ санъ, независимаго отъ Константинополя, Патріарха Московскаго, Іову, который, вскорѣ потомъ, былъ сосланъ въ заточеніе Отрепьевымъ. (2)

При Отрепьевѣ, Патріаршій престолъ занималъ преданный католицизму Игнатій; но въ слѣдующемъ году, онъ принужденъ былъ бѣжать въ Римъ. (3)

Мѣсто Игнатія заступилъ Гермогенъ, Митрополитъ Казанскій, знаменитый борьбою съ коварствомъ Поляковъ, одушевленіемъ патріотизма Пожарскаго и Минина, и своею мученическою кончиною за вѣру и отечество. (1612 Февр. 17).

Филаретъ Никитичъ Романовъ, плѣненный Поляками, и возвращенный изъ плѣна новымъ Царемъ — сыномъ, наслѣдовалъ Гермогену. Онъ былъ выше своего званія, какъ правами родителя, такъ и дѣтскою любовію, дѣлившею съ отцемъ тронъ и титла. (┼ 1633, Окт. 1.) (4)

---

(1) Тамъ же ———— стр. 31, 36.

(2) —— — ———— стр. 2, 46.

(3) —— — ———— стр. 42.

(4) Въ Государственыхъ бумагахъ Патріархъ сей именовался, также какъ и Царь, *Великимъ Государемъ.* (Іоанновъ

Согласіе между Патріархами и Царями, не нарушалось при Ирасафѣ (1641), Іосифѣ (1652) и, сначала, при Никонѣ.

Блистательными своими талантами, онъ, изъ простаго званія, возвысился, чрезъ всѣ степени монашества, до сана Архимандрита Новоспасскаго монастыря, а въ 1648 году былъ уже Митрополитомъ Великаго Новгорода, и пользовался уваженіемъ Царя. Новгородъ обязанъ Никону учрежденіемъ четырехъ богадѣленъ, и сохраненіемъ нѣсколькихъ сотъ семействъ, во время бывшаго тамъ голода. Въ смутѣ 1650 года, Митрополитъ сей явилъ новый опытъ своего достоинства: окруженный разъяренною толпою черни, которая осыпала его побоями и камнями, онъ едва былъ спасенъ нѣсколькими благомыслящими людьми, какъ харкая еще кровію, явился вновь среди собравшагося народа, и, даромъ слова, склонивъ его къ раскаянію, водворилъ спокойствіе.

Это смятеніе, окончившееся казнію двухъ, и ссылкою нѣсколькихъ зачинщиковъ, доставило Митрополиту Никону новыя права на признательность Монарха, и, вскорѣ потомъ, упразднившійся Патріаршій престолъ.

Новый Патріархъ началъ правленіе тѣмъ, что многихъ изъ своихъ подчиненныхъ, срамившихъ монашеское званіе лихоимствомъ и безнравственностію, объявилъ недостойными оставаться

с. 46—51). Въ Царской думѣ и при аудіенціяхъ иностраннымъ Посламъ, онъ всегда занималъ первое мѣсто, по правую сторону трона. (Голиковъ, Дополн. III. с. 328). Въ послѣдствіи времени, когда Патріархи вступили снова въ классъ подданныхъ, былъ присвоенъ имъ титулъ *Великаго Господина*.

на семъ поприщѣ, и потомъ созвалъ *Великій Соборъ*, состоявшій изъ всего знатнѣйшаго Духовенства.

Въ Царскихъ чертогахъ, собрались (въ 1654 г.) Митрополиты, Архіепископы, Епископы, Архимандриты и другіе духовные люди. По случаю напечатанія, еще за 90 лѣтъ предъ симъ, Славянскихъ церковныхъ книгъ, Соборъ, снова, разсуждалъ о предпринятомъ уже прежде исправленіи. Изъ Монастырскихъ библіотекъ привезено въ Москву болѣе 500 рукописей; изъ нихъ выбраны годнѣйшія къ употребленію, но самое дѣло оставалось еще долго неоконченнымъ. Никонъ, между тѣмъ, выступилъ первый на поприще, изданіемъ въ свѣтъ своего *церковнаго служебника* (1), дурный пріемъ коего народомъ, за измѣненіе нѣкоторыхъ старинныхъ рѣченій, и прибавленіе въ иныхъ словахъ нѣсколькихъ буквъ (наприм. *Іисусъ* вмѣсто прежняго *Ісусъ*), показывалъ ясно, чего могли ожидать, отъ своихъ современниковъ, Славянскіе критики.

Излишнею, можетъ статься, самонадѣянностію Никона — Дворъ Царскій былъ запутанъ въ интриги и непріятности, прекратившіяся только съ паденіемъ Патріарха.

Никонъ, предавъ проклятію одного изъ Царскихъ любимцевъ (за то, что сей ударилъ Патріаршаго слугу), навлекъ на себя негодованіе Монарха, побудившее честолюбиваго Пастыря оставить Дворъ. Составленный потомъ, подъ предсѣдательствомъ Патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго, Соборъ обвинялъ Никона, въ томъ, что онъ самовольно оставилъ свою паству, проклиналъ вельможъ, называя двухъ изъ нихъ *Иродомъ*

(1) *Голиковъ.* Дополн. III. с. 60.

и *Пилатомъ*, именовалъ нѣкоторыхъ Архіереевъ *Анною* и *Кіафою*, и даже самаго Царя уподоблялъ *Іеровоаму и Озіи*; что проступившихся монаховъ исправлялъ не Христіанскими увѣщаніями, но кнутомъ и палками, и проч. — Обвиненія сіи продолжались и во второмъ засѣданіи. Напослѣдокъ споры окончились, въ Чудовѣ монастырѣ, лишеніемъ Никона Патріаршаго званія. Помня внутреннее свое достоинство, онъ, безропотно, промѣнялъ наружные знаки прежняго сана — на платье простаго монаха,—и высшую изъ духовныхъ степеней, на мрачное уединеніе Ферапонтскаго монастыря, ([1]) 1667, Декаб. 12.), спустя десять лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, послѣ добровольнаго его удаленія отъ Двора. Чужеземные Патріархи находили Никона тѣмъ болѣе достойнымъ наказанія, что онъ монастырь свой (Воскресенскій) назвалъ новымъ Іерусалимомъ, и въ разныхъ мѣстахъ онаго, увѣковѣчилъ имена: Голгоѳы, Назарета, Виѳлеема, Іордана и Галлилеи.

Никонъ не хотѣлъ быть ничѣмъ обязанъ своему прежнему другу, и отвергъ все, что ни предлагалъ ему Монархъ, желавшій облегчить тягостный путь его въ мѣсто заточенія.

Ничто не могло побѣдить твердости этого мужа, ни, даже, самая смерть Царя Алексѣя. Вѣрный своимъ правиламъ, Никонъ противился всѣмъ предложеніямъ новаго Го-

---

([1]) Ферапонтовъ монастырь, въ Новгородской Губерніи, лежитъ въ 636 верстахъ отъ Великаго Новгорода, на Бородавскомъ озерѣ; и основанъ, въ 1398 году Дворяниномъ Ѳеодоромъ Поскочинымъ, названнымъ въ монашествѣ Ферапонтомъ. — *Амвросій*, Т. VI. стр. 849—858.

сударя до тѣхъ поръ, пока Прокофій Возницынъ не былъ посланъ къ Константинопольскому Патріарху, для уничтоженія помянутаго выше приговора, что и послѣдовало 26 Сент. 1681 года— слишкомъ, однакоже, поздно для оскорбленнаго: въ Ярославлѣ (17 Августа), смерть встрѣтила Никона, на обратномъ пути его въ Москву.

Послѣ заточенія Никона, Восточные Патріархи наименовали преемникомъ его Архимандрита Троицко-Сергіевскаго монастыря, Іосафа II, и, по желанію Царя, совѣщавались снова о средствахъ къ устраненію заблужденій, порожденныхъ *Стоглавымъ Соборомъ*.

Сіи, рабски принятыя, сто главъ были причиною раскола, видѣвшаго, въ стараніяхъ Никона исправить текстъ церковныхъ книгъ, упадокъ Православной вѣры, испорченность вѣка, и близкое пришествіе Антихриста. Приверженцы этого раскола прервали всѣ сношенія съ такъ называемыми у нихъ Никоніанцами, и лучше соглашались умереть, нежели пить, ѣсть или молиться вмѣстѣ съ ними. — По этому-то новый Соборъ, признавъ постановленія Стоглава безразсудными и вредными, отринулъ ихъ и уничтожилъ.

Но этотъ шагъ увеличилъ только зло, и защитниковъ старой вѣры довелъ до самоубійствъ и мятежей. Монахи Соловецкаго монастыря (что на Бѣломъ морѣ), обнаруживавшіе, до тѣхъ поръ, ненависть свою къ церковнымъ нововведеніямъ, только изустными выходками, теперь, какъ бѣснующіеся, схватились за оружіе, и выдержали девятилѣтнюю осаду; но, напослѣдокъ, Царскій Воевода Мещериновъ взялъ укрѣпленный ихъ островъ, 22 Января 1676 года, и приказалъ многихъ изъ бун-

шовщиковъ казнишь (повѣсишь за ребра), а другихъ сослалъ въ ссылку.

Соборъ 1667 года не оставилъ, равномѣрно, безъ вниманія ревизіи церковныхъ книгъ, которая, къ чести несчастнаго Максима, и къ чести критики, была окончена.

При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ Духовенство не могло подвинуться впередъ въ просвѣщеніи, потому что преемникъ Іосафа II († 1672, Февр. 17) и Питирима († 1673, Марта 18), Іоакимъ, ненавидѣлъ свѣтлый образъ мыслей Никона, и даже проклялъ, какъ еретика, Придворнаго Царскаго проповѣдника, Симеона Полоцкаго, между прочимъ за то, что онъ согласилъ было Царя на возведеніе Патріарха Московскаго въ достоинство Греко-Россійскаго Папы, а Митрополитовъ: Новгорода, Казани, Ростова и на Крутицахъ (въ Москвѣ), въ санъ Патріарховъ.

Патріархъ созывалъ Соборы, посвящалъ и отставлялъ Архіереевъ, и былъ такъ возвышенъ надъ всѣми прочими званіями, что за малѣйшее словесное оскорбленіе, выдавались ему знатнѣйшіе Бояре; дворяне же средняго класса наказывались тѣлесно.

По смерти главы Церкви, Митрополиты и Епископы, избравъ изъ среды своей двухъ кандидатовъ, представляли ихъ Царю, который одному изъ нихъ вручилъ пастырскій жезлъ, говоря: »Святая, Единосущная Троица, даровавшая намъ Царство, именуетъ тебя Патріархомъ Россіи.«

Духовные Разряды отмѣчали заслуги Духовенства, и примиряли споры, стараясь всемѣрно, чтобы ни одинъ изъ членовъ сего сословія, до

исключенія изъ онаго, не былъ предаваемъ въ руки свѣтской власти.

Не только Протестанты и Католики, но даже Магометане и Евреи, жившіе въ Россіи, слѣдовали свободно своей совѣсти и своему Закону.

ГЛАВА II.

Дворянство и военная сила.

Рюрикъ (862—879), надѣливъ отличнѣйшихъ своихъ Вождей городами и землями, укропилъ тѣмъ ихъ непомѣрное честолюбіе и собственныя свои заботы.

Владиміръ I (980—1015) возвышалъ только мужей, одаренныхъ возвышенными качествами духа. (1)

Названная по имени Ярослава (1017—1054) *Русская правда,* отличала достойныхъ титломъ Князей (2), не упоминая, однако же: принадлежало ли сіе титло цѣлымъ фамиліямъ, или только нѣкоторымъ членамъ оныхъ.

Время Монголо-Татарскаго владычества скудно наслѣдственными титулами, утвержденными уже Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ I (1462—1505). (3)

---

(1) *Несторъ:* »Владиміръ избра изъ нихъ (изъ Варягъ) мужи добры, и смысленны и храбры и раздая имъ городы.«

(2) Это названіе, явственно, происходитъ отъ Славянскаго слова: *княжити*, (господствовать, управлять, повелѣвать), и означаетъ Властителя (Государя). Въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, оно только принятое привѣтствіе, наприм. mlody knez, молодой баринъ. — (*Несторъ*, по Шлецеру. 1. С. 179).

(3) *Болтинъ:* Зам. на Леклер. II. с. 429. — *Голик. Дополн.* III. с. 235 и сл.

граждались окладами и помѣстьями, поступавшими, по смерти владѣльца, обратно въ Казну, если оныя, по уваженію особыхъ заслугъ, не были обращены въ наслѣдственныя имѣнія, или вотчины. Оклады состояли рѣже изъ рублей, но чаще изъ десятинъ земли. (1)

Права тогдашнихъ владѣльцевъ, съ одной стороны, въ отношеніи рабовъ ихъ, были довольно ограниченны; но, съ другой стороны, владѣльцы сіи имѣли столь обширную власть, что не только уставляли сами собою сборъ пошлинъ съ провозимыхъ чрезъ ихъ земли товаровъ, но и съ проѣзжающихъ брали перевозныя, мостовыя и постоялыя деньги, по своему усмотрѣнію. (2)

Высшія мѣста занимали Бояре и Окольничіе.

Бояре.

Названіе сіе, извѣстное еще во время Нестора, вѣроятно, происходитъ отъ слова Bog (борьба, подвигъ). (3)

Бояре (главные блюстители власти въ войнѣ, въ мирѣ и при Дворѣ), были и назывались людьми, ближними къ Монарху. Глава Царства никогда не покидалъ столицы безъ того, чтобы

---

(1) Десятина заключала въ себѣ 2500 кв. сажень; каждая сторона составляла десятую часть версты, или 50 сажень: отъ чего и происходитъ самое названіе десятины. Нынѣ считается въ этой погонной мѣрѣ 2400 кв. сажень: 60 въ длину и 40 въ ширину.

(2) *Голиков.* Дополн. III. с. 244. — *Болтин.* II. с. 476.

(3) Отвергающіе это словопроизводство, по случаю окончанія рѣченія на *ар*ъ или *яр*ъ, забываютъ, что въ Русскомъ языкѣ, еще прежде, извѣстны слова: *Царь, Государь* и проч.

одинъ изъ Бояръ не оставался въ ней его Намѣстникомъ; — и такъ какъ безъ совѣщанія съ Боярами не дѣлалось ничего важнаго, то, обыкновенно, во всѣхъ Царскихъ повелѣніяхъ, употреблялось слово: »*Государь указалъ и Бояре приговорили.*« — Во время публичныхъ аудіенцій, на длинныхъ скамьяхъ, по правую сторону трона, засѣдало знатнѣйшее Духовенство; а по лѣвую Бояре.—Соболиный нарядъ ихъ, блиставшій золотомъ, жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, ихъ высокія шапки, которыхъ не скидали они и въ присутствіи Государей, — все это было смѣсью Сѣверной роскоши съ Азіятскими обычаями. — Въ домахъ Бояръ царствовало великолѣпіе, вмѣстѣ съ простотою: цѣнная серебряная посуда и утвари, не подвергаясь вліянію моды, переходили изъ рода въ родъ. Пока ѣзда въ экипажахъ принадлежала къ исключительнымъ правамъ Двора, Бояре выѣзжали всегда окруженные многочисленною свитою слугъ и *Знакомцевъ*. Сіи послѣдніе, происходя отъ бѣдныхъ благородныхъ фамилій, служили Боярамъ изъ одной только пищи и одежды: принимали съ коней своихъ патроновъ, сопровождали ихъ въ Царскіе палаты, и дожидались тамъ до конца придворныхъ совѣщаній. Жалованье Боярина, смотря по его званію, было различно: напримѣръ, во время несовершеннолѣтія Петра, П. В. Шереметьевъ получалъ 1040, а сынъ его, Борисъ 1150 рублей. Часто присовокуплялись къ этому случайные подарки, какъ то: золотые или серебряные кубки, собольи шубы и драгоцѣнныя матеріи. При Іоаннѣ Васильевичѣ I, считалось у Двора Бояръ отъ 5 до 21, при Василіѣ Іоанновичѣ 25, при Борисѣ Годуновѣ 26, при Отрепьевѣ 41, при Шуйскомъ 31, при Михаилѣ 28, при Алексеѣ 33, при Ѳеодо-

рѣ 24. И въ Патріаршемъ Приказѣ засѣдалъ всегда одинъ Бояринъ, средняго класса, который и назывался Патріаршимъ Бояриномъ.

Окольничіе.

Татищевъ, во введеніи къ Судебнику Царя Іоанна Васильевича, производитъ сіе титло отъ слова *околичность* [1], потому, что Окольничимъ поручались въ смотрѣніе окольности (границы) и Суды пограничные. Между тѣмъ, другіе, съ меньшимъ однако же правдоподобіемъ, ищутъ значенія сего названія и самаго мѣста близь особы Монарха [2]. Подвѣдомственные Боярамъ, въ войнѣ, Окольничіе, въ мирное время, сопровождали чужестранныхъ Пословъ на аудіенціи, занимали высшія должности въ городахъ, и присутствовали при публичныхъ поединкахъ. Жалованье Окольничихъ простиралось отъ 300 до 500 рублей въ годъ каждому. При Іоаннѣ Васильевичѣ I, былъ, сначала, одинъ Окольничій, потомъ число ихъ возрасло до 70; при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ считалось таковыхъ 5, а при Алексеѣ Михайловичѣ 68.

Россійское Дворянство.

По значенію сего слова, можно предполагать, что въ Россіи Дворъ Государей былъ колыбелію того Сословія, которое мы разумѣемъ нынѣ подъ этимъ словомъ; собственно же, называемые такъ, Придворные ведутъ свое начало отъ Іоанна Васильевича I, или, по крайней мѣрѣ, въ его время

---

(1) Продолженіе древней Росс. Вивліоѳ. I. с. 35. *Голиков.* Дополн. III. с. 295—300.

(2) Они производятъ названіе *Окольничаго* отъ слова: *Около.*

число ихъ сдѣлалось значительнѣе. Первыя степени при Дворѣ занимали *Конюшіе* и *Дворецкіе.*

1. *Конюшіе.* Іоаннъ Васильевичъ I, въ 1496 году, учредилъ сей санъ для Боярина Челядина. Конюшій обязанъ былъ, какъ то показываетъ и самое слово, имѣть смотрѣніе за Царскими конюшнями и конскими заводами; хотя, въ послѣдствіи, къ этой обязанности присовокуплялись другія, важнѣйшія гражданскія и военныя дѣла, особливо при Θеодорѣ Іоанновичѣ, который возвелъ въ конюшіе шурина своего Бориса Годунова, назначивъ ему жалованья 12,000 рублей.

2. *Дворецкіе*, значившіе почти то же, что нынѣшніе Оберъ-Гофмаршалы и Оберъ-Гофмейстеры, засѣдали въ Главномъ Дворцовомъ Приказѣ, и имѣли болѣе или менѣе вѣса, смотря потому: принадлежали ли они къ числу Бояръ, или къ числу Окольничихъ. *Дворецкій съ путемъ* (т. е. съ опредѣленнымъ доходомъ), значилъ болѣе простаго Дворецкаго. Въ эту степень жаловались, обыкновенно, Бояре, за особенныя заслуги. Патріархъ имѣлъ также особаго Дворецкаго въ своемъ Приказѣ. За Дворецкими слѣдовали: Стольники, Стряпчіе и другіе младшіе Придворные чины.

Стольники, учрежденные, равномѣрно, при Іоаннѣ Васильевичѣ, получили свое названіе отъ стола Государева, при которомъ они служили по нарядамъ и разрядамъ. Вступая въ сіе званіе, Стольники давали присягу: не портить Царскаго ни кушанья, ни питья ([1]). Возница Государевъ былъ

([1]) Въ присяжномъ листѣ, по которому присягали Стольники, находятся между прочимъ слѣдующія слова: »и »его Государя своего ничѣмъ въ ѣсть[illegible] » »испортити, и зелья и коренья [illegible]

также изъ Стольниковъ. — Стольники молодыхъ лѣтъ и красивой наружности, въ торжественныхъ случаяхъ и при аудіенціяхъ Посдовъ, наряжались въ свиту Государя, и назывались *Рындами* ([1]). Они одѣвались въ бѣлое атласное платье, на головахъ имѣли высокія собольи или черныхъ лисицъ шапки, на плечахъ держали серебряные, съ долгими рукоятками, топорики, и стояли всегда по обѣимъ сторонамъ трона. — Только при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда по правую сторону засѣдалъ родитель его, Патріархъ Филаретъ Никитичъ, при коемъ находились знатные Архіереи, Рынды стояли лишь у лѣвой стороны трона —. Въ походахъ они не отлучались отъ особы Государя, и вмѣстѣ съ своими *Подрындами* или *Поддатнями*, носили Царское оружіе: пищаль, сагайдакъ, стрѣлы, копье большое и малое, рогатину, самопалъ и доспѣхи. Стольники бывали также, въ военное время, Воеводами втораго и третьяго классовъ, какъ-то: Завоеводчиками, Полковыми Судьями, Есаулами, Головами, Товарищами при Боярахъ, Воеводами посылочными, Воеводами у знамя и проч. Въ мирное время, они же опредѣлялись Воеводами въ города, и Судьями въ Приказы. — Михаилъ назначалъ своимъ 117 Стольникамъ жалованья отъ 15 до 215 рублей, и отъ 200 до 750 десятинъ земли. Наталія, при Ѳеодорѣ, имѣла для своей прислуги 102 Стольника;

»дати, и никому дати не велѣти, и дурна и лиха никакого надъ Государемъ своимъ самому мнѣ не учинити, и иному никому учинити не велѣти.« *Голиков.* Дополн. III. с. 266.

([1]) Впрочемъ, Рынды и Подрынды не всегда были изъ Стольниковъ, но иногда изъ Стряпчихъ и Дворянъ. — Голиков, Дополн. III. с. 276.

Іоаннъ и Софія, въ 1686 году, считали таковыхъ въ своемъ придворномъ штатѣ 74; Петръ и Наталія 69, — а вдовѣ Ѳеодора, Марѳѣ Матвѣевнѣ, прислуживали 317 Стольниковъ. Каждый изъ нихъ получалъ около 50 рублей и 350 десятинъ. По Указу Михаила Ѳеодоровича (1627), Стольникъ высшаго класса (или статьи), могъ требовать 10, подводъ, средняго 8, а низшаго 6.

Стряпчіе (Царскіе лакеи), получили это названіе отъ стариннаго Русскаго слова *стряпня*, означавшаго все то, что поручалось этимъ служителямъ Монарха, какъ-то: шапку, рукавицы, платокъ, посохъ, одежду и проч. Стряпчіе служили иногда въ полкахъ, на ряду съ прочимъ Дворянствомъ, иногда особыми ротами. Въ поединкахъ отправляли они, подъ Окольничими, должности секундантовъ и Судей: отъ чего вѣроятно именемъ ихъ называются и нынѣ Русскіе Адвокаты. — Первый Стряпчій, или *Стряпчій съ ключемъ*, равнялся своимъ достоинствомъ съ знатнѣйшимъ Стольникомъ. Жалованье Стряпчихъ, которыхъ при Царевнѣ Софіи считалось 1893, простиралось отъ 15 до 65 рублей, и отъ 200 до 500 десятинъ земли. — Присяга Стряпчихъ была почти одинаковаго содержанія съ присягою Стольниковъ.

Къ знатнымъ Придворнымъ служителямъ принадлежали еще: Кравчіе, Чашники, Казначеи, Постельничіе, Сокольничіе, Ясельничіе, и т. д.

Кравчій или *Крайчій*, завѣдывалъ всѣмъ тѣмъ, что принадлежало къ столу Государеву: бѣльемъ, посудою, напитками и проч. Онъ подавалъ обыкновенно кушанье Монарху. Цари Іоаннъ и Петръ имѣли особыхъ Кравчихъ; при послѣднемъ находился Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, по возве-

деніи коего, въ 1699 году, въ достоинство Боярина, мѣсто его заступилъ ближній Стольникъ Кирила Алексѣевичъ Нарышкинъ, бывшій уже послѣднимъ Кравчимъ въ Россіи. — Городъ Гороховецъ, жаловался всегда во владѣніе Кравчему.

Чашникъ подносилъ, при столѣ, напитки, и долженъ былъ прикушивать ихъ самъ. Окладъ Чашника въ 1616 году, состоялъ въ 200 рубляхъ и 600 десятинахъ земли.

Казначей хранилъ приватную Государеву казну и всѣ драгоцѣнныя вещи. Онъ былъ обязанъ, сверхъ того, завѣдывая Царскимъ платьемъ, сберегать оное отъ волшебства и чародѣйствъ. Казначей Траханіотовъ (1616), получалъ жалованья 200 рублей деньгами, и 500 десятинъ земли.

Постельничій, вступая въ сію должность, давалъ клятву наблюдать все касающееся до Государевой постели, и охранять оную отъ чародѣйства. Подъ его начальствомъ состояли *Спальники*, которые, поочередно, день и ночь сторожили Царскую спальню.

Оружничій, или *Оружейничій,* завѣдывалъ какъ Царскимъ оружіемъ, такъ и Оружейною Палатою.

Ловчій (нынѣшній Оберъ-Егермейстеръ), имѣлъ иногда званіе Окольничаго; *Сокольничій* и *Ясельничій*, завѣдывали всѣми принадлежностями соколиной и ястребиной охоты. ([1])

До Петра I, за Придворными чинами слѣдовали *Дворяне Московскіе,* и за сими *Дворяне городовые.*

([1]) Ясельничіе смотрѣли также вмѣстѣ съ Конюшими, за употребляемыми для ѣзды Государевой лошадьми и за всѣми къ тому приборами. — *Голиковъ.* Дополн. III. с. 303.

Московское, или столичное дворянство ([1]), было наслѣдственное, и раздѣлялось на пять классовъ (или статей), которые, смотря по ихъ степенямъ, имѣли право брать 10, 8, 6, 5 или 4 подводы. Дворяне низшей статьи получали 15, высшей 210 рублей ежегодно, и, сверхъ того, жаловались землями отъ $12\frac{1}{2}$ до 750 десятинъ.

Городовое, или сельское Дворянство ([2]), во время мира, отправляло разныя службы въ небольшихъ городахъ, а во время войны, выставляло въ поле небольшіе отряды. Жалованье городовыхъ дворянъ простиралось отъ 6 до 12 рублей, и отъ 75 до 100 десятинъ.

По Приказу Государеву, дворяне мѣняли блескъ Двора, городскія суеты и спокойствіе сельской жизни — на опасности войны, — и обязывались являться въ назначенное мѣсто, съ повелѣннымъ вооруженіемъ и спутниками. ([3]).

При Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, каждый помѣщикъ долженъ былъ ставить, со 100 четвертей земли, одного коннаго человѣка въ полномъ вооруженіи; а при Борисѣ Годуновѣ одного же со 100 десятинъ.

Царское войско выступало въ походъ, обыкновенно, весною, и, снова, расходилось по домамъ осенью. Вредныя послѣдствія такого распорядка, побѣжденныя счастливо при Іоаннѣ Васисьевичѣ, ожили опять въ царствованіе невоинственнаго Θеодора Іоанновича. По этому-то Польскіе Послы, во время мирныхъ переговоровъ, 1586 года, осмѣлились сказать: »каковъ Царь Θеодоръ Іоанновичъ своимъ

(1) *Голиков.* Дополн. III. с. 257 — 260, 281.

(2) Тамъ же. — с. 252 — 257.

(3) Тамъ же. — с. 339.

»прирожденьемъ, мы то вѣдаемъ; есть въ немъ »набожество, а противъ непріятелей стоять нѣть »его, столько и людей нѣтъ; а кто и есть, и тѣ »худы, и строенья людямъ нѣтъ, и въ людяхъ ва»шихъ во всѣхъ рознь!«—Дѣйствительно, воинское искуство Поляковъ и Шведовъ побѣждало Царскія арміи, и тѣмъ легче, что военные чины въ Стрѣлецкихъ полкахъ, составлявшихъ главное Русское войско, были слишкомъ мало уважаемы. (¹)

(¹) Это мы можемъ видѣть изъ двухъ челобитныхъ, (*Голиков.* Дополн. III. с. 358—361), поданныхъ дворянами Глѣбовымъ и Даниловымъ, въ 1683 году, къ обоимъ тогдашнимъ Царямъ. Помѣщаемъ сіи челобитныя здѣсь подлинникомъ:

а.) »Царемъ Государемъ и Великимъ Князьямъ Іоанну «Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу, всея Великія и Ма»лыя и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ, бьетчеломъ хо»лопъ вашъ Никита Даниловъ сынъ Глѣбовъ. Въ прош»ломъ Государи во 190 году, по Вашему Великихъ »Государей Указу, въ смутное время, взять я холопъ »вашъ по неволѣ въ Полковники къ стремянному полку; »а предь Государи 190 году, отъ выѣзда прародителя »моего, сродники мои Глѣбовы въ такомъ чину не бы»вали: по Вашей Государской милости, были сродники »мои въ Послѣхъ, и въ Рындахъ, и въ Полковыхъ Вое»водахъ, и въ Вашихъ Великихъ Государей имянныхъ »посылкахъ, и въ Вашихъ Великихъ Государей похо»дѣхъ, у Вашихъ Государскихъ знаменъ Воеводами и въ »Окольничихъ. И нынѣ сродники мои по Вашей Вели»кихъ Государей милости, въ Думныхъ Дворянѣхъ и въ »комнатѣ, а братья мои меньшіе нынѣ Воеводами въ »Вашихъ Великихъ Государей Государскихъ городѣхъ. »Милосердые Государи, Цари и Великіе Князи Иванъ »Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Ма»лыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы! пожалуйте меня »холопа своего, за крови и за смерти, и за многія служ»бы сродниковъ моихъ, и за мои холопа Вашего служ-

Содержаніе войска стоило въ военное время не много болѣе, чѣмъ въ мирное. Младшіе Воеводы должны были довольствовать своихъ людей собственнымъ иждивеніемъ. Царь пособлялъ только бѣднѣйшимъ незначительными денежными суммами, и, кромѣ Стрѣльцовъ, платилъ жалованье однимъ иностраннымъ офицерамъ.

Въ числѣ воиновъ были люди отчаянные, называвшіеся *Нахалами*, и нѣчто похожее на нынѣшнихъ Партизановъ, которыхъ именовали тогда *Налетами*. — Каждая отдѣльная толпа полага-

»бишки, велите Государи челобитье мое записать, »чтобъ Государи нынѣшняя моя Полковническая служ»ба мнѣ холопу вашему и дѣтишкамъ моимъ и сродни»камъ, и впредь отъ иныхъ родовъ была не въ упрекъ »и не въ укоризну, и съ моею ровною братіею не въ »случай. Цари, Государи смилуйтесь.«

б.) »Царемъ Государемъ (какъ и въ первой челобит»ной), бьетчеломъ холопъ Вашъ Акинфишко Ивановъ »сынъ Даниловъ. Въ прошломъ Государи во 190 году, »по Вашему Великихъ Государей Указу, взятъ я хо»лопъ Вашъ въ Полковники по неволѣ къ стрѣльцамъ »въ стремянной полкъ въ смутное время, какъ учини»лося на Москвѣ побіеніе Бояромъ и Полковникомъ, и »я, холопъ Вашъ, Вашему Великихъ Государей Указу, »не преслушникъ, а у меня холопа Вашего по Вашей »Государской милости отъ выѣзда прародителя моего »у стрѣльцовъ роду моего не бывалъ ни кто, и я хо»лопъ Вашъ Вашею Государскою милостію, былъ Вое»водою не въ одно время. Милосердые Государи, Цари »и Великіе Князи Иванъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣ»евичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодерж»цы! пожалуйте меня холопа своего, велите Государи »челобитье мое записать, чтобъ мнѣ и сродникамъ мо»имъ отъ иныхъ родовъ, нынѣ и впредь не въ попрекъ »и не въ поносъ и не въ укоризну, нынѣшняя моя Пол»ковническая служба была. Цари, Государи смилуйтеся.«

лась на заступленіе Святаго, изображеннаго на знамени; но болѣе страхъ, нежели честь, удерживалъ ихъ вмѣстѣ: потому что и самые Воеводы подвергались тѣлесному наказанію. Бѣжавшій дворянинъ наказывался: въ первый разъ побоями, во второй лишался 50 десятинъ изъ жалованныхъ ему земель, а въ третій отнималось у него все остальное. — Отличныя заслуги награждались золотыми цѣпями, медалями и деньгами.

Большіе обозы съ сухарями, мукою и другими предметами продовольствія, слѣдовали за Русскою арміей; не всегда однако же спасали ее отъ недостатковъ.

Въ числѣ болѣе или менѣе обученныхъ воиновъ, занимали первыя мѣста: Дѣти боярскіе, Жильцы и Стрѣльцы.

Дѣти Боярскіе (1). Это названіе дано имъ, вѣроятно, потому, что въ военное время они находились при Боярахъ, составляя ихъ стражу. — Въ Боярскіе дѣти поступали, частію люди знатныхъ, даже Княжескихъ, добровольно унизившихся фамилій, частію возвышались дѣти людей средняго Сословія. — Они пользовались правами дворянства, получали земли, селили на нихъ оброчныхъ крестьянъ, и передавали ихъ иногда въ наслѣдство своимъ потомкамъ; кромѣ того они были обязаны: въ

На обѣихъ сихъ челобитныхъ, помѣченныхъ Думнымъ Дьякомъ Θедоромъ Леонтьевымъ Шакловитымъ: первая 12 Января, а вторая 25 Февраля 191 (1683) года, написаны одинаковаго содержанія резолюціи, что: »Государи пожаловали, о томъ челобитьѣ его велѣли записать »въ розрядѣ въ книгу, и впредь того никому никогда »въ упрекъ и въ укоризну ставить не велѣли, и проч.«

(1) *Голиков.* Дополн. III. с. 244 — 252.

назначенное время и мѣсто являться съ показаннымъ вооруженіемъ, и приводить съ собою извѣстное число воиновъ, изъ которыхъ составлялись небольшіе отряды, или *десятни* ([1]), называвшіеся по именамъ тѣхъ городовъ и уѣздовъ, съ которыхъ они были собраны. Число Боярскихъ дѣтей было столь значительно, что 2,000 таковыхъ сопровождали, въ 1583 году, Князя Елецкаго къ Лифляндскимъ границамъ. Царь Іоаннъ Васильевичъ, въ 1550 году, поселилъ близь Москвы 1000 Боярскихъ дѣтей, давъ каждому изъ нихъ во владѣніе земли отъ 50 до 100 десятинъ.

Жильцы ([2]). Татарскіе набѣги сдѣлали сихъ осѣдлыхъ жильцовъ для Москвы необходимыми. Они, однако же, сохранили свое названіе и послѣ владычества Татаръ. Жильцы составляли не только охранное столичное войско, но, сверхъ того, употреблялись въ разныя посылки и въ дальніе походы; развозили Государевы Указы, и получали жалованья отъ 10 до 82 рублей, и отъ 150 до 500 десятинъ земли.

Стрѣльцы ([3]). Начало сего войска находимъ мы въ походахъ Царя Іоанна Васильевича, употреблявшаго его не только для воинскихъ предпріятій, но и для исполненія своихъ грозныхъ повелѣній. При Алексѣ Михайловичѣ число Стрѣльцовъ простиралось до 40,000, изъ коихъ едва 15,000 (называвшихся Московскими), охраняли Дворъ и столицу. — Простые Стрѣльцы, кромѣ одежды и обуви, получали по 7 рублей въ годъ деньгами, по 6

([1]) Десятнями назывались не 10 человѣкъ, но всѣ наряженные, съ какого либо города и уѣзда, на войну люди.

([2]) *Голиков.* Дополн. III. с. 260 — 262.

([3]) Тамъ же — с. 355 и слѣд.

четвертей ржи, и по столько же овса. Оружіе ихъ составляли ружья стариннаго манера, т. е., безъ замковъ, съ фитилями и подсошками, да копья. — Стрѣлецкіе начальники назывались прежде Головами, Полуголовами, Пятисотниками, Сотниками и Пятидесятниками. Въ послѣдствіи времени, названія сіи замѣнились иностранными чинонаименованіями. Со временъ Псеудо - Димитріевъ, сила Стрѣльцовъ (какъ нѣкогда Преторіанъ въ Римѣ), возрасла до того, что отъ нихъ не мало терпѣла самая общественная безопасность. Противясь нововведеніямъ Никона и Морозова, Стрѣльцы стѣсняли, между тѣмъ, Государственные доходы, присвоивъ себѣ право безъакцизной, безпошлинной торговли внутренними произведеніями и иностранными товарами.

Алексѣй Михайловичъ издалъ новый Воинскій Уставъ, составленный по образцу Венгерскаго Устава; но Стрѣльцы были опять противъ этой новости, — и военное преобразованіе началось со вновь набранныхъ рекрутъ и иностранныхъ Офицеровъ. Такимъ образомъ, составился новый семитысячный корпусъ, доказавшій на дѣлѣ, во время войны съ Польшею, превосходство Европейскаго воинскаго искусства; но обратившій на себя столько же вниманія, какъ и *Низамъ-Хедидъ* у Турковъ. Остатки сего преобразованія сохранились только въ Бутырскомъ солдатскомъ полку.

Въ судахъ, вмѣщавшихъ отъ 40 до 60 человѣкъ, Русскіе, еще съ давнихъ временъ, преплывали Черное море, по дѣламъ торговымъ и военнымъ; но *Греческій огонь*, положилъ конецъ этому плаванію ([1]). — Не смотря на то, что Іоаннъ Василье-

([1]) *Карамзинъ*. I. с. 239, 485, 486.

вичъ IV (1581), выписывалъ Голландскихъ корабельныхъ мастеровъ и матросовъ въ Архангельскъ, Алексѣй Михайловичъ былъ первымъ основателемъ верьфи, не далеко отъ Москвы, на Окѣ, въ селѣ Дѣдиловѣ, гдѣ Голландскій корабельный мастеръ, Капитанъ Бутлеръ, построилъ одинъ военный корабль (Орелъ), и нѣсколько мѣлкихъ судовъ, отправленныхъ по Волгѣ въ Астрахань, и дошедшихъ до Каспійскаго моря. Бунтовщикъ Стенька Разинъ (1667) истребилъ эту флотилію; а смерть Царя разрушила предначертанія къ заведенію таковой же на Бѣломъ морѣ, для чего были уже приглашены вновь корабельные мастера. (1)

Оружіе Русскаго воина, служившее ему для обороны, было: панцырь, шлемъ и щитъ; въ нападеніи употреблялись: обоюдо-острый мечь, стрѣлы и пищали; звукъ трубъ, возбуждая мужество, призывалъ къ бою. (2)

Всѣ гражданскіе и военные Начальники назывались Воеводами. Главный, или Старшій Воевода, бывалъ изъ Бояръ, Окольничихъ или Стольниковъ.

Грамоты или повелѣнія отъ Государя, писались въ войско такъ: »Старшему Воеводѣ N. N. и всѣмъ Воеводамъ.« Точно также и донесенія къ Царю Старшаго Воеводы были не отъ одного его лица, и заключались словами: »и всѣ Воеводы челомъ бьютъ.«

---

(1) *Голиков.* Дополн. III. с. 101, 156.
(2) *Карамзинъ.* III. с. 63 и примѣч. 68.

ГЛАВА III.

Судъ, судебная власть и законодательство.

Мирные договоры Великихъ Князей съ Византійскимъ Дворомъ доказываютъ, что въ Россіи существовали издавна законы, имѣвшіе немалое сходство съ законами Германскихъ народовъ того времени.—Кровавая месть и денежныя пени преслѣдовали виновныхъ. (1.)

Въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ, однако же, образъ мыслей выше уже своего вѣка:—денежная пеня (*вира*) не заглаживала смертоубійства; имѣніе умершаго иностранца обращалось въ собственность его родственниковъ; — и даже, принятое образованными націями—*береговое право*—отвергалось Русскими законами.

Законы сіи, въ послѣдствіи времени, сдѣлались полнѣе: сперва, духовными учрежденіями Владиміра, а потомъ, дарованною Новгородцамъ, отъ Ярослава, *Русскою Правдою* (2).

Ярославовъ законъ освящаетъ месть и кровь за кровь; дозволяетъ побоями платить за побои; налагаетъ денежную пеню: за вырванную или остриженную бороду вчетверо болѣе, нежели за

(1) *Несторъ*, по Кенигсбергскому списку, С. 27 — 32.

(2) *Голиков.* Допол. III, с. 374. — *Татищев.* Истор. I. С. 89. — Продолженіе древней Россійской Вивліоѳики, I. С. 9 — 16. — I. Ewers, I. 106.

отрубленный палецъ; за украденную лошадь, оружіе или одежду по 4 гривны; за уведеннаго раба или рабыню 12 гривенъ; за собаку, сокола или ястреба 3 гривны, и проч.

За убіеніе чужой лошади, за уничтоженіе межеваго знака, и за ограбленіе пчелинаго улья, виновный платилъ 5 золотыхъ гривенъ: столько же назначалось и за обезчещеніе Боярской жены или дочери. Обезчещеніе монахини стоило 100 гривенъ.

Кровосмѣсители платили отъ 30 до 100, изобличенные же въ Содомскомъ грѣхѣ 12 гривенъ, и, сверхъ того, подвергались церковному покаянію.

Каждый отецъ семейства оставлялъ, по своему усмотрѣнію, имѣніе свое дѣтямъ; мать получала равную съ ними часть (кромѣ того, что отказывалъ ей мужъ), и лишалась оной, вступая вторично въ бракъ. Она имѣла право пещись о своихъ малолѣтныхъ дѣтяхъ, и могла собственно принадлежащее ей имущество отдать другимъ родственникамъ.

Вѣкъ Монголо-Татарскаго владычества имѣлъ сильное вліяніе какъ на нравы и образъ мыслей, такъ равно на законы и судопроизводство въ Россіи: — въ этотъ вѣкъ родились казни болѣе кровавыя: приговоры воровъ къ висѣлицѣ или клейменію, и наказаніе Государственныхъ преступниковъ кнутомъ.

По соединеніи воедино Удѣльныхъ Княжествъ, Іоаннъ Васильевичь IV, изданіемъ, въ 1542 году, *Судебника*, желалъ, устранивъ Монголо - Татарское своеволіе, на твердыхъ основахъ возста-

новить въ Государствѣ права и правосудіе. Онъ преобразовалъ прежніе законы, сообразно своему вѣку, дополнилъ ихъ и исправилъ; въ сомнительныхъ же случахъ—установилъ судебные поединки: бойцы, въ полныхъ доспѣхахъ, выступали на мѣсто битвы, но, вмѣсто всякаго другаго оружія, употребляли, большею частію, палки.

Это новое узаконеніе осуждало къ денежнымъ пенямъ за побои и ругательства, смотря по роду и состоянію обиженнаго; признавало лжесвидѣтелей достойными кнута, кромѣ платежа за протори и убытки. Тяжбамъ о дворянскихъ вотчинахъ назначался трехлѣтній, а о Царскихъ—шестилѣтій срокъ.

Судебникъ былъ, въ послѣдствіи времени, обогащенъ новыми постановленіями, относительно формы производства дѣлъ, монастырскихъ имѣній, и проч.

Предшествовавшія царствованію Алексѣя Михайловича безпокойства и безпорядки, побудили сего Монарха составить новую законную книгу, извѣстную подъ названіемъ *Уложенія.*

Уложеніе трактуетъ, между прочимъ, о присягахъ, договорахъ, ростовщикахъ, пошлинахъ, наслѣдствахъ и т. д.

Здѣсь находимъ мы, что многое сказано опредѣленнѣе, многое учреждено лучше: — приведемъ въ примѣръ 10-ю главу, коею предписывалось иностранныхъ кредиторовъ должника удовлетворять прежде кредиторовъ туземныхъ. — Однако же, поспѣшность въ составленіи Уложенія много повредила сему полезному труду.

Татищевъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ Судебнику, и Болтинъ, въ замѣчаніяхъ на Леклерка, какъ

знатоки дѣла, судятъ строже объ этомъ трудномъ предметѣ.

Судебникъ давалъ Судьямъ право: наказывать за увѣчье, по своему разсужденію, смотря, однако же, на родъ увѣчья, и на лице оскорбленнаго; — *Уложеніе*, за увѣчье и побои, удвоило только денежную пеню, установленную за безчестье, не обративъ на то вниманія: рукою, палкою, или плѣтьми битъ обиженный, не выколонъ ли у него глазъ, не переломлена ли рука или нога? — *Судебникъ* предписываетъ приводимаго съ поличнымъ вора не пытать, а прежде собрать справки объ его образѣ жизни; — *Уложеніе*, напротивъ того, признаетъ пытку необходимою, во всѣхъ случаяхъ, и чрезъ то, изъ средства къ открытію истины, при запирательствѣ закоренѣлыхъ преступниковъ, обращаетъ ее въ средство вымучивать ложныя показанія: ибо ничто, даже собственное признаніе преступника, не освобождало его отъ истязаній. — Приведенный предъ судей воръ винился, но сего было не довольно: его надлежало пытать, дабы вывѣдать, не сдѣлалъ ли онъ, прежде, какого либо преступленія, хотя никто не доносилъ о томъ, хотя не было и малѣйшаго повода къ подозрѣнію. Такой законъ дѣлалъ, часто, изслѣдованіе преступленія несравненно тягостнѣе самаго наказанія, какое заслуживалъ виновный. (1) Законъ о безчестіи распространялся на всѣ сословія въ Государствѣ, отъ Патріарха и Бояръ до послѣдняго простолюдина, и опредѣлялъ степень

(1) Даже должники понуждались къ платежу долговъ своихъ пыткою, что называлось *правежемъ*, — особливо, когда честность ихъ была сомнительна. — *Голиков.* Дополн. III. с. 428.

наказанія, по степени того лица, которому нанесено безчестіе *непригожими словами;* но вездѣ существо преступленія означено неопредѣленно: „*а будетъ кто обезчеститъ словомъ Патріарха,* „*Епископа . . . . . . А будетъ кто обезчеститъ* „*гостя, Боярскаго человѣка, крестьянина . . . .* „*А будетъ кто обезчеститъ непригожимъ словомъ* „*чью жену или дочь . . . .*" Но нигдѣ не истолковано: въ чемъ состоитъ это словесное безчестіе, и что значитъ это непригожее слово? . . Такимъ образомъ, законъ сей могъ быть понимаемъ различно: каждое грубое, жесткое, неучтивое или не довольно учтивое слово, сказанное по неосторожности или по незнанію, могло казаться ябедникамъ и пристрастнымъ судьямъ *непригожимъ словомъ,* могло быть сочтено безчестіемъ, и влечь за собою предписанное наказаніе. За убійство сына или дочери, Уложеніе подвергало виновнаго только церковному покаянію, и заключенію на годъ въ тюрьму; а за нюханіе и продажу табаку, или за держаніе онаго въ домѣ — предписывало бить кнутомъ, пороть ноздри, рѣзать носы, ссылать въ дальніе города, и конфисковать имѣнія. — Достопримѣчателенъ законъ Василія Іоанновича Шуйскаго, обязывавшій помѣщиковъ не препятствовать своимъ, совершеннолѣтнимъ, служителямъ и служанкамъ вступать въ законные браки. Уложеніе забыло объ этомъ мудромъ законѣ.

Никонъ дополнилъ Царское Уложеніе своею *Кормчею книгою*, относящеюся болѣе къ дѣламъ духовнымъ.

Въ совокупное царствованіе Іоанна и Петра, Уложеніе дополнено еще новыми постановленіями,

извѣстными подъ названіемъ *Новоуказныхъ Статей*, опредѣлявшихъ, между прочимъ, за способствованіе къ побѣгу разбойнику, пени 50 рублей; а за укрытіе разбойнической шайки — столько же копѣекъ.

Пеня за безчестіе, между высшимъ Дворянствомъ и Духовенствомъ, зависѣла совершенно отъ воли Царя; но граждане, забывшіеся предъ высшимъ Дворянствомъ, Архіереями, и членами монастырей, равно, Стольники и прочіе незначительные дворяне, за оскорбленіе Архіереевъ подвергались тѣлесному наказанію. — Бояре, Окольничіе, Думные Дворяне, платили обиженнымъ Архіереямъ отъ 200 до 400 рублей; отъ 5 до 100 классному Духовенству (100 Царскому Духовнику, 50 извѣстному Протопопу, и 5 безмѣстному Священнику: столько же полагалось и монахинѣ); между тѣмъ, какъ низходящее отъ Стольника Дворянство получало, въ безчестье, сумму, равняющуюся Царскому жалованью, или довольствовалось тѣмъ, что бѣднѣйшихъ обидчиковъ наказывали тѣлесно, — и что духовные, съ колѣнопреклоненіемъ, просили прощенія. — Обиженная женщина получала вдвое противъ своего мужа, незамужняя дочь ея вчетверо, находящійся не на службѣ сынъ — вполовину.

За увѣчье ногъ, рукъ, ушей и губъ, за поврежденіе носа, или за выбитіе глаза, виновный платилъ 50 рублей пени, а сверхъ того, подвергался иногда и тѣлесному наказанію; — изувѣченный крестьянинъ, однако же, не могъ требовать болѣе 10 рублей.

Смертною казнію наказывались: богохульники, еретики, соблазнители къ чужой вѣрѣ, Го-

сударственные измѣнники, дѣлатели фальшивыхъ бумагъ и монеты, убійцы и зажигатели, церковные тати, равно, обыкновенные воры, попавшіеся въ третій разъ, и уличные грабители, пойманные во второй разъ; также насиловавшіе женщинъ. Отсѣченіе головы—было удѣломъ большей части изъ сихъ преступниковъ; немногіе попадали на висѣлицу. Костеръ ожидалъ богохульниковъ, еретиковъ и зажигателей. Дѣлателямъ фальшивой монеты вливали въ ротъ растопленный металлъ. Мужеубійцы зарывались, по шею, живыми въ землю. Государственные измѣнники, вмѣстѣ съ жизнію, лишались и своего имущества.

Первый грабежъ или воровство, сверхъ вознагражденія убытковъ, наказывались потерею одного уха; а несправедливый судебный приговоръ, клятвопреступленіе, поддѣлываніе напитковъ или бумагъ, и сводничество — кнутомъ.

Богатство могло спасать многихъ преступниковъ отъ наказаній; — но не спасало Государственныхъ измѣнниковъ: по одному восклицанію: «*знаю за нимъ Государево слово и дѣло!*» — они предавались суду. Доноситель долженъ былъ, однако же, доказать свое показаніе.

Дѣлами о Государственной измѣнѣ, и вообще дѣлами, касавшимися до совѣсти, завѣдывала *Тайная Канцелярія*, существовавшая въ Москвѣ, вѣроятно, еще прежде Царя Алексѣя Михайловича, и переведенная, потомъ, въ Преображенское. ([1]).

Тѣлесныя наказанія и заключенія въ тюрьму сдѣлались чаще, чѣмъ денежныя пени.

([1]) *Голиков*. Дополн. III. с. 140, 141, 402.

Право ближайшаго родства было правомъ къ наслѣдованію родовыхъ имѣній; изъ онаго исключались только дѣти незаконнорожденные, или прижитые съ четвертою женою. — Выкупъ таковыхъ имѣній былъ дозволенъ въ теченіе 40 лѣтъ. Съ смертію послѣдней отрасли какой либо фамиліи, родовое имѣніе оной поступало въ Казну.

Жалованныя за службу помѣстья могли переходить къ сыновьямъ или родственникамъ пожалованнаго, только съ Царскаго соизволенія.

Иноплеменные народы управлялись собственными своими правами. Впрочемъ, наслѣдства кочующихъ ордъ, равно и древнихъ обитателей Сибири — заключались въ ихъ стадахъ, въ орудіяхъ звѣриной и рыбной ловли.

Только на общественныхъ рынкахъ производившіяся о продажѣ и залогѣ сдѣлки, утвержденныя свидѣтелями или Правительственною Особою, почитались законными.

Долги безъ документовъ считались недѣйствительными. Неимущіе должники обязывались работать на своихъ кредиторовъ: — годовое возмездіе, за сіи работы, простиралось отъ 2 до 5 рублей.

Должники, пришедшіе въ упадокъ по несчастнымъ обстоятельствамъ, могли представлять за себя порукъ, и, въ такомъ случаѣ, имѣли право требовать отсрочки на три года.

По Уложенію судопроизводство отправлялось въ Россіи, исключая Украйны, удержавшей за собою свои древнія постановленія.

Важнѣйшими Правительственными мѣстами, при вступленіи на Престолъ Петра I, были: *Верховный Тайный Царскій Совѣтъ* и *Разправная*

Золотая Палата. — Первый, называвшійся также и *Большою Думою*, имѣлъ свои засѣданія, составлённыя изъ Окольничихъ и Думныхъ Дворянъ, въ Царскомъ Дворцѣ. — Нерѣдко въ засѣданіяхъ сихъ присутствовалъ и самъ Монархъ. — Вторая, члены коей были дворяне и граждане, завѣдывала уголовными дѣлами, и рѣшала ихъ, какъ предпослѣдняя инстанція.

Сверхъ сихъ, двухъ верховныхъ судилищь, въ столицѣ было еще множество другихъ присутственныхъ мѣстъ, называвшихся *Приказами.* — *Государственный Посольскій приказъ* — вѣдалъ дѣла всѣхъ чужестранцевъ, жившихъ въ Россіи, и всѣхъ иноплеменныхъ подданныхъ Россійскаго Государя. *Приказъ большія казны* управлялъ Государственными доходами. *Казенный дворъ* имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ только собственно Царскую казну. *Разрядной* Приказъ, или, просто, *Разрядъ*, уравнивалъ повинности и службы дворянъ, въ Провинціяхъ. *Иноземской*—завѣдывалъ всѣмъ, относившимся до иностранцевъ, находившихся въ Русской службѣ. — Приказы: *Стрѣлецкій, Казачій и Казанскаго Дворца* управляли Стрѣльцами, Казаками и Татарами. *Бронной Приказъ* заготовлялъ брони, шлемы, сабли, луки, стрѣлы, самопалы и прочія оружія. *Пушкарской* завѣдывалъ артиллеріею и всѣми принадлежностями къ оной. *Дворцовой Приказъ* снабжалъ Дворъ и Придворныхъ жизненными потребностями. *Судной Дворцовой* — давалъ судъ и расправу въ дѣлахъ дворцовыхъ чиновъ и людей. — Московскій, Новгородскій, Владимирскій и Сибирскій Судные Приказы — были верховными судилищными мѣстами тѣхъ отдѣльныхъ областей.— Приказы: Помѣстный, Земскій, Ямской, Печатной

Холопій, Каменной, Аптекарскій, Патріаршій и Монастырскій — соотвѣтствовали своимъ наименованіямъ.

Во всѣхъ сихъ мѣстахъ, чиновники, называвшіеся тогда приказными, и составлявшіе особый классъ людей, между Дворянствомъ и Мѣщанствомъ, могли достигать дворянскихъ степеней. Низшіе изъ приказныхъ назывались *Поддьяками* или *Подьячими*, высшіе: Дьяками, Думными Дьяками и Думными Дворянами.

Дьяки, которыхъ иностранцы неправильно сравниваютъ съ Канцлерами, хотя и не имѣли классическаго образованія, но многіе изъ нихъ составляли бумаги съ такою точностію, порядкомъ и ясностію, что оныя могли бы служить образцемъ и нынѣшнимъ дѣловѣдцамъ.

Поддьяки раздѣлялись на три класса: на молодыхъ, среднихъ и старыхъ. Изъ старыхъ Подьячихъ производились въ Дьяки, изъ Дьяковъ въ Думные Дьяки. Санъ сихъ послѣднихъ былъ довольно значителенъ: при Петрѣ I, Думный Дьякъ Украинцовъ былъ посыланъ въ Константинополь, для заключенія мира.

Двѣ Царскія печати (одна для утвержденія всякихъ Указовъ, а другая, которую прикладывали къ жалованнымъ грамотамъ), хранились сперва у Думнаго Дьяка, а въ послѣдствіи были поручены Думному Дворянину.

Жалованье Думныхъ Дьяковъ, при Михаилѣ Θеодоровичѣ, составляло 200, а позднѣе 300 рублей. Думные Дворяне получали менѣе.

Въ 1686 году состояло на службѣ 9 Думныхъ Дьяковъ и 7 Думныхъ Дворянъ; въ послѣдствіи

ГЛАВА IV.

Торговля и торговое состоянiе.

Война познакомила Русскихъ съ Греками, и, можетъ быть, это недружественное знакомство, еще до Рюрика, было основою дружественной мѣны произведенiй природы и искусствъ, между двумя сосѣдственными народами. — Богатства Византiи текли въ Кiевъ ([1]) и Новгородъ-Великiй. — Дикiй Сѣверъ отдавалъ мѣха, воскъ, пеньку, дерево и медъ — за серебро, золото, шерстяныя и шелковыя матерiи ([2].)

Для торговли съ Грецiей, Русскiя суда ходили по Черному морю, и Государи Россiйскiе договаривались съ Государями Греческими, обезпечивая, взаимно свободу судохозяевъ, ихъ содержанiе, и возвратный путь въ отечество; — между тѣмъ Казань промѣнивала Татарамъ: сѣдла, посуду, ножи, топоры, иглы, моржевые зубы, и мягкую рухлядь — на рогатый скотъ, лошадей и войлоки, — принимая, также, шедшiе изъ Индiи пряности, драгоцѣнные каменья и жемчугъ.

Iоаннъ Васильевичъ IV, распространилъ торговлю на Сѣверѣ; особенно, когда Британскiе мореходцы (1553) открыли путь къ Архангельску, — не смотря на то, что своекорыстная политика

([1]) *Адамъ* Бременскiй называлъ этотъ городъ красою Россiи, и вторымъ Константинополемъ. II. Гл. 13. Карамзинъ. 490.

([2]) Nestor Regim. p. 59.

иностранцевъ препятствовала, по возможности, усиліямъ Россіи . . . Шведы, напримѣръ, въ 1586 году, — возбранили этотъ путь Англичанамъ, возбранили даже подвозъ воинскихъ снарядовъ.

Хотя открытіе, еще ранѣе, и только при Алексѣѣ Михайловичѣ начавшееся обработываніе желѣзныхъ и мѣдныхъ рудниковъ, близь Печоры (равно, въ послѣдствіи, 1672 г., и въ Уральскихъ горахъ), дѣлало эту политику, нѣкоторымъ образомъ, безполезною; но выгода внѣшней торговли,—по незначительному добыванію изъ сихъ рудниковъ метала, и по недостатку въ людяхъ, знающихъ горную часть и оружейное ремесло,—все еще оставалась въ рукахъ иностранцевъ, особенно Англичанъ, которые подвозили въ Россію, тайно, даже запрещенные воинскіе снаряды, и чрезъ то пользовались въ торговлѣ непомѣрными преимуществами,—тѣмъ болѣе, что хитрая Елисавета, отличнымъ снисхожденіемъ своимъ, умѣла льстить честолюбію Бориса Годунова.

Англичане имѣли право привозить и складывать свои товары безпошлинно, какъ въ портахъ Бѣлаго моря, такъ и внутри Государства; — спасенные, при кораблекрушеніяхъ, товары, возвращались имъ обратно.—Англичане не платили никакихъ податей, и, пользуясь всегда безостановочнымъ выѣздомъ изъ Россіи, обязывались только давать о томъ знать Посольскому Приказу.

Убіеніе Карла I, и гнѣвъ Алексѣя Михайловича на Кромвеля—были причиною тому, что помянутыя привиллегіи Англичанъ перешли въ руки Голландцевъ, съ тою только разницею, что сіи послѣдніе платили пошлины и другія повинности.

Желаніе Царя Алексѣя Михайловича возвысить Русскую торговлю — доказывается Посольствами сего Государя: въ Испанію, Францію, Италію, Голландію, и даже въ Персію; равно войнами его съ Швеціею, имѣвшими цѣлію возстановленіе древняго торговаго пути чрезъ Ніеншанцъ.

Отъ 30 до 40 Голландскихъ и другихъ иностранныхъ кораблей приходили каждогодно къ Архангельску. — Они привозили сукна, полотна, бумагу, стекло, медикаменты, пряности, вино, краски и проч., а увозили съ собою рыбу, клей, поташъ, жиръ, смолу, деготь, корабельный лѣсъ, цыновки, юфту, сало, мыло, щетину, мягкую рухлядь, пеньку, ленъ, и другіе предметы торговли. — Такъ какъ вывозъ превышалъ всегда привозъ, то излишекъ сей вознаграждался золотомъ и серебромъ (наприм. въ 1671 г.) слишкомъ на 60,000 червонцевъ.

Внутренняя торговля много терпѣла отъ угнетенія національной дѣятельности. Преимущества, коими пользовались иностранцы, Тажожни въ городахъ и деревняхъ, права помѣщиковъ: требовать, по своему произволу, пошлины, мостовыя деньги и другіе поборы, монополіи Казны, которая остающіяся у нее, иногда негодныя или поврежденныя, произведенія нерѣдко навязывала туземнымъ купцамъ, — свобода, позволявшая всякому, и Стрѣльцу, и крестьянину, производить торгъ: — все это составляло цѣпи, удручавшія торговлю. — Крестьянинъ, бывшій въ то же время и купцомъ, нерадѣлъ о свойственныхъ ему сельскихъ занятіяхъ; — обиженный купецъ — не имѣлъ средствъ продолжать своихъ занятій съ успѣхомъ. — Между тѣмъ, Русскіе торговцы полу-

чали: кожи изъ Польши; лошадей, ковры, шелковыя матеріи, камлотъ, сафьянъ и драгоцѣнные камни изъ Турціи; равно сырой шелкъ изъ Армеменіи. Въ то же время, Русскіе мореходцы, въ двумачтовыхъ судахъ, переплывали Каспійское море, и вымѣнивали, на мѣха и мѣдь, а болѣе на червонцы: Персидскія и Индѣйскія матеріи, шали, повязки, ладанъ, нефть, индиго и сарачинское пшено.

Караваны, привозя изъ Китая шелковыя матеріи, плисъ, нанку, рубины, топазы, ревень и и чай, наполняли сими предметами торговли обширные анбары, не только въ Китай-городѣ (въ Москвѣ), но также въ Ярославлѣ, Вологдѣ, Устюгѣ, Калугѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Смоленскѣ.

Прежде введенія въ употребленіе монетъ, цѣнность товаровъ опредѣлялась различнымъ образомъ. Греки употребляли для сего рогатый скотъ. Древніе Руссы имѣли въ обращеніи мѣховыя и кожаныя деньги: *векоши, ногаты, куны и рѣзаны* ([1]). — Прежніе толкователи Россійскихъ законовъ полагали, что четыре *рѣзана* равнялись одной *векоши* (бѣличьему мѣху), и четыре *ногаты* составляли одну *куну*. — Но новѣйшій Русскій Историкъ считаетъ въ гривнѣ 20 *ногатъ*, или 25 *кунъ*, или, наконецъ, 50 рѣзановъ ([2]).

([1]) Такія кожаныя деньги, существовавшія въ пятнадцатомъ столѣтіи, а можетъ статься и позже, по описанію Карамзина, были четырехъугольныя, различной величины, и съ различными знаками. Многія, вѣроятно, состояли изъ звѣриныхъ мордокъ, отъ чего и назывались *мордками*. Въ началѣ XVI столѣтія Герберштеннъ писалъ: ante monetam proboscide et auriculis asprcolorum utebantur. Тоже самое утверждаютъ Ніештедтъ, Стриковскій и Гванини.

([2]) *Карамзинъ* II. прим. 78, 79.

Такъ какъ эти гривны могли быть въ одной цѣнѣ съ древними Германскими *марками*, — ибо, по законамъ Ярослава, воръ присуждался къ тремъ гривнамъ, а по стариннымъ Шведскимъ законамъ, къ тремъ маркамъ пѣни ([1]), — то, вѣроятно, прежняя серебряная гривна, вѣсила, наравнѣ съ маркою, полфунта. Впрочемъ, курсъ той и другой монеты, по временамъ, упадалъ и возвышался.

Доказательствомъ того, что и другія Германскія деньги были небезъизвѣстны въ древней Руси, служатъ упоминаемые Несторомъ, въ 885 году, *шляги* или *шиллинги*, которыми Радимичи платили свои подати.

По случаю торговыхъ и судоходныхъ связей Россіянъ съ Греками, можно предполагать, что въ Россіи, кромѣ гривенъ и шиллинговъ, были извѣстны золотыя и серебряныя Греческія монеты.

Монголо - Татарское господство надъ Россіею, съ именемъ *теньга*, отъ котораго заимствовано Русское слово: *деньги*, ввело въ употребленіе мѣлкія золотыя Азіятскія монеты, на которыхъ изображались лебеди, павлины, тигры, львы и человѣческія головы, — сначала, съ однѣми Татарскими, а потомъ, съ Татарскими и Русскими надписями.

Россійскій гербъ, изображавшій всадника, поражающаго *копьемъ* дракона, былъ, въ послѣдствіи времени, родоначальникомъ серебряныхъ *копѣекъ*. Цѣнность ста копѣекъ равнялась цѣнности одного рубля, который, можетъ статься, былъ вырубаемъ изъ серебра.

Рубли, упоминаемые еще въ мирномъ договорѣ

([1]) *Карамзинъ*, *II* — 355.

Великаго Князя Георгія Даниловича, въ 1321 году ([1]), были, сначала, продолговатые (около 3 вершковъ длины и ½ вершка ширины). Вѣсъ каждаго изъ нихъ простирался отъ 20 до 22 золотниковъ, и вполовину менѣе при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ ([2]). — Алексѣй Михайловичъ, первый изъ Русскихъ Государей, приказалъ чеканить круглые рубли, или, по крайней мѣрѣ, полурубли.

Изъ золота дѣлались только медали, а изъ серебра копѣйки, полукопѣйки, четверть-копѣйки и алтыны; между тѣмъ, какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ вошли, было, въ употребленіе мѣдные рубли, равнявшіеся вѣсомъ и формою рублямъ серебрянымъ. — Предполагали, что эти мѣдные рубли будутъ имѣть ту же самую цѣнность, какъ и серебряные; но, упадая въ курсѣ мало по малу, они, послѣ семилѣтняго обращенія въ Государствѣ, (1663) изчезли вовсе ([3]).

Чтобы добывать болѣе золота и серебра, таможенныя пошлины взимались, преимущественно, иностранными монетами; впрочемъ, возвышеніе и пониженіе цѣнности монетъ сихъ зависѣло отъ самаго Купечества.

Русскіе не знали еще векселей, а состояніе дорогъ въ Государствѣ подавляло внутреннюю торговлю; провозъ товаровъ былъ однако же довольно дешевъ, наприм. отъ Москвы до Вологды (428 верстъ), брали 4 копѣйки съ пуда зимою, и 15 копѣекъ лѣтомъ; — провозъ водою стоилъ по 15 копѣекъ съ пуда отъ Вологды до Архангельска ([4]).

([1]) *Карамзин.* Истор. IV. стр. 182, 414.
([2]) *Карамзин.* Истор. VIII. стр. 42, 44.
([3]) *Голиковъ* Дополн. III· стр. 64, 65.
([4]) Ewers, I. s. 505.

Къ почтовой гоньбѣ назначались казенные крестьяне, которые, за нѣсколько копѣекъ на водку, возили Царскихъ Чиновниковъ, и другихъ проѣзжихъ, какъ и обыкновенные извощики, по найму.

Два раза въ недѣлю, отходила изъ Москвы въ Ригу Нѣмецкая почта, учрежденная, въ 1668 году, Бояриномъ Ордынымъ - Нащокинымъ ([1]). — Почтовой платы взималось по 10 копѣекъ съ каждаго золотника. — Получаемыя въ Москвѣ письма, Посольскій Приказъ удерживалъ нѣкоторое время у себя, съ тою цѣлію, что бы новости были извѣстны въ городѣ позже, нежели при Дворѣ.

Собственно - купеческое Сословіе раздѣлялось на три гильдіи, или сотни, именно: на *Гостей*, на *Суконную* и на *Черную* сотни. — Каждая изъ сихъ сотень подраздѣлялась на три класа: большой, средней и меньшей статей.

Гости, т. е., оптовые чужеземные торговцы древнихъ временъ, составили, въ послѣдствіи, особое Сословіе, къ которому принадлежали и многіе туземные купцы. — Гости пользовались большими преимуществами: сіе доказывается, между прочимъ, пожалованною, въ 1659 году, Гостю Аѳанасію Ѳедотову грамотою, въ которой сказано что: » 1) дозволялось ему, какъ со всякими то»варами, кромѣ заповѣдныхъ, такъ и безъ това»ровъ, ѣздить въ пограничные иностранные горо»да.—2) Во всѣхъ городахъ, никакое Судебное Мѣсто, »его дѣтей, племянниковъ и прикащиковъ не судило, »и судъ надъ ними самъ Монархъ предоставилъ се»бѣ, или первому своему Вельможѣ. — 3) Ежели по »суду доходить будетъ до крестнаго цѣлованія, то

([1]) *Бантышъ Каменскій* — Дѣянія знаменитыхъ Полководцевъ и Министровъ, — т. II, стр. 235, 236.

»Гость и дѣти его отъ онаго освобождались, а »вмѣсто ихъ цѣловали крестъ его люди. — 4) Отъ »всѣхъ податей, какія платятъ Черной Сотни куп-»цы, онъ освобождался — 5). Въ домахъ его, въ Мос-»квѣ и по другимъ городамъ, никакого постоя не »ставилось, ничего съ оныхъ въ казну не плати-»лось, и лѣтомъ печей, въ домахъ тѣхъ, не печата-»лось.—6) Питья про себя держать, варить безъявоч-»но и безъ пошлинъ ему позволялось. — 7) Подводъ »у него въ городахъ и въ пути ни на какія нужды »не отнималось. — 8) За перевозы чрезъ рѣки, мо-»стовыхъ и проѣзжихъ пошлинъ и мытовъ съ не-»го, дѣтей, племянниковъ, людей и съ товаровъ »его брать не повелѣвалось, и нигдѣ никакихъ о-»становокъ дѣлать запрещалось. —9) Во всѣхъ го-»родахъ и земляхъ Россійскихъ, на прикащиковъ его »никакихъ Государственныхъ службъ не налагалось; »подмоги брать, обидъ и задержанія дѣлать, и ка-»кихъ либо убытковъ причинять запрещалось.— »10) Безчестья гостю платилось 50, а дѣтямъ и »племянникамъ его по 20 рублей.« — Привиллегія сія заключалась слѣдующими словами: »А жити »имъ въ нашемъ Царскомъ жалованьѣ на льготѣ, »и впокоѣ; а кто его чрезъ сію нашу жалованную »грамоту изобидитъ, и имъ быти отъ Насъ Ве-»ликаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя »Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Рос-»сіи Самодержца, въ опалѣ.« ([1]). — Титло Гостя до-ставляло богатства, значительность и вліяніе на всю торговлю, даже до Персіи и Индіи; но Гости только оптомъ могли продавать свои товары.— Почетнѣйшіе изъ сего званія (равно изъ другихъ торговыхъ Сословій), въ уваженіе особенныхъ за-

([1]) *Голиков.* Дополнен. III. с. 434 — 436.

слугъ Государству, назывались *Именитыми Людьми*, и были почти равны дворянамъ.

Купцы Суконной Сотни торговали шелковыми и шерстяными матеріями; они имѣли право ѣздить, съ товарами и безъ товаровъ, за границу; немногіе, однако же, изъ нихъ пользовались этимъ правомъ.

Купцы Черной Сотни производили въ Россійскихъ городахъ и деревняхъ, мѣлочной лавочный торгъ.

Изъ Гостей избирались Головы Купечества, а изъ другихъ классовъ сего Сословія таможенные и прочіе казенные Сборщики. — Каждый, однако же, обязанъ былъ платить подати, по мѣрѣ своего достатка и промысла.

ГЛАВА V.

Земледѣліе и промыслы.

Въ Россіи, при неограниченномъ Самодержавномъ Правленіи, народъ пользовался всегда гражданскою свободою. Рабами были единственно крѣпостные холопы, потомки людей купленныхъ, военноплѣнныхъ или закономъ лишенныхъ вольности. Въ XI вѣкѣ они не имѣли у насъ ни гражданскихъ, ни человѣческихъ правъ (какъ нѣкогда и въ древнемъ Римѣ): господинъ могъ располагать ими какъ собственностію, какъ *вещію;* могъ своевольно отнимать у нихъ жизнь, никому не отвѣтствуя. Но съ XVI вѣка, уже одна Государственная власть смертію казнила холопа, слѣдственно уже *человѣка*, уже гражданина, покровительствуемаго закономъ. — Вообще судьба сихъ природныхъ рабовъ не казалась имъ тяжкою: ибо многіе изъ нихъ, освобождаемые по духовнымъ завѣщаніямъ, немедленно искали себѣ новыхъ господъ, и шли къ нимъ въ кабалу или въ новую крѣпость, — не для того, чтобы не находили способа жить своими трудами, но для того, что любили домашнюю легкую службу и безпечность: рабъ - отецъ не заботился о многочисленномъ семействѣ, не боялся ни старости, ни болѣзни. Законъ молчалъ о должности господъ: общее мнѣніе предписывало имъ человѣколюбіе и справедливость; тираномъ гнушались, какъ безчестнымъ гражданиномъ; никто

Земледѣліе процвѣтало наиболѣе въ плодоносныхъ странахъ Украйны. Климатъ и тучные луга оной способствовали скотоводству. Избытокъ въ домашнихъ птицахъ доказывался низкими на нихъ цѣнами. Пчеловодство составляло особенную охоту Мордвы и Башкировъ; жители Украйны и приволжскіе поселяне также извлекали свои выгоды изъ этого мирнаго промысла. — Большія рѣки доставляли бѣлугу, осетровъ, равно другіе сорты большихъ и малыхъ рыбъ. Между тѣмъ рыбари сѣверные занимались ловлею китовъ и тюленей. — Въ обширныхъ лѣсахъ добывались цыновки, смола и деготь; — въ другихъ мѣстахъ выдѣлывались свѣчи, мыло и кожи. — Изъ многолюдныхъ Провинцій—каковы, напримѣръ, Ярославская и Курская — ежегодно приходили въ столицу тысячи дюжихъ работниковъ, преимущественно: каменщиковъ, каменосѣчцевъ и плотниковъ. Безъ долговременнаго обученія, они были искусны въ своемъ дѣлѣ; весну и лѣто посвящали трудамъ, а къ зимѣ возвращались на родину — наслаждаться плодами своей дѣятельности.

Въ Южной Россіи, плодородная почва до того благопріятствовала земледѣлію, что въ Астрахани (съ 1613) начали растить виноградъ. — Между тѣмъ, вкусъ и прибытокъ — надоумили жителей разводить въ огородахъ капусту, огурцы, лукъ и спаржу. Въ садахъ Коломенскомъ и Покровскомъ, въ 1634 году, впервые разцвѣли на Руси розы.

Въ Сѣверной части Государства, равно въ Витебской, Полоцкой и Могилевской Провинціяхъ, воскъ и ленъ составляли прибыточный промыслъ.

Азіятская любовь къ искусствамъ господствовала въ большихъ городахъ, и, безъ сторонняго

изученія, изъ рукъ Русскихъ дѣлателей—выходили многія порядочныя вещи, напримѣръ: красивые наметы, разныя сѣтки, шелковые и шерстяные пояса, патронташи, обтянутые чернымъ плисомъ, и вышитые серебромъ или золотомъ; трости, выложенныя перломутромъ, и плѣти, оправленныя мѣдью и слоновою костью.

Въ Россіи существовали двѣ бумажныя и двѣ стеклянныя фабрики. Тульскіе желѣзные заводы, которыми сначала пользовались только поверхностно, выдѣлывали полосовое желѣзо, чугунъ и сталь. Туземные мастера доставили Царю Михаилу 1000 ружей, 234 пищали, и Ярославскіе висячіе замки были уже извѣстны ([1]).

([1]) Ewers. — I. 491 — 499.

ГЛАВА VI.

Искусства и Науки. (1)

Морскія торговыя сношенія съ Греціей, переселили на дикій, Русскій Сѣверъ не однихъ Вѣропроповѣдниковъ, но равно Ученыхъ и Художниковъ.

Введенное въ Россію Богослуженіе, требовало вмѣстилищь Святыни, а заимствованная отъ Грековъ роскошь—требовала великолѣпныхъ зданій, въ Греческомъ вкусѣ. — Для сооруженія оныхъ нужны были каменьщики и Зодчіе; для позлащенія церковныхъ главъ—мастера золотыхъ дѣлъ; для изготовленія колоколовъ и подсвѣчниковъ—литейщики, и живописцы для украшенія храмовъ образами: симъ послѣднимъ искусствомъ, въ концѣ XI-го столѣтія, чрезвычайно славился Святый Олимпій.

Во времена Ярослава были уже въ Россіи отличные пѣвчіе; равно извѣстно было употребленіе барабановъ, трубъ, свирѣли и лютней.

Изъ стѣнъ Кіевопечерскаго монастыря, еще на зарѣ Россіи, возсіяла слава мудраго Нестора. Его-то любви къ родинѣ обязано потомство *Русскимъ Лѣтописцемъ*, который доведенъ самимъ Несторомъ до 1110, и былъ продолжаемъ Сильвестромъ, Епископомъ Переяславскимъ, а послѣ него двумя неизвѣстными до 1203 года (2). — *Уставъ Церковный* на-

(1) Большая часть сей главы заимствована изъ Исторіи Г. Эверса, стр. 126 — 129. 245 — 251. 508 — 520.

(2) Доселѣ полагали, что Несторъ дѣятельно участвовалъ и въ составленіи Патерика; но извѣстный Ар-

черпанъ до 1035 года. *Бесѣды о монашествѣ* появились послѣ Нестора; а *Вопросы къ Новгородскому Епископу Нифонту* въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія.

Одинъ изъ Русскихъ Игуменовъ, бывшій съ Балдуиномъ въ Крестовыхъ походахъ, писалъ о Палестинѣ.

Еще при Владимірѣ I, были устроены для страждущихъ больницы; но, по Греческому обыкновенію, больныхъ лѣчили преимущественно монахи, простыми домашними средствами, или, давно уже употребительными на Сѣверѣ, горячими банями.

Изъ временъ смутныхъ, мы, съ особеннымъ уваженіемъ, должны вспоминать о Великихъ Князьяхъ: Всеволодѣ I, который зналъ пять иноземныхъ языковъ (1078—1093); о Владимірѣ II (1113 — 1125), незабвенномъ по оставленному имъ духовному завѣщанію, и о Всеволодовомъ сынѣ, Константинѣ, имѣвшемъ въ своей библіотекѣ болѣе тысячи Греческихъ книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя, по его приказанію, переведены на Русскій языкъ. Сверхъ того сей Князь извѣстенъ еще какъ Исторіографъ своихъ предковъ.

Сказки и преданія старины, сохранившіяся еще понынѣ въ устахъ народа, исполненныя живыхъ вымысловъ, становятся въ рядъ съ Героическою пѣснію о походѣ Игоря на Половцевъ (1189); но столь бодро воспрянувшій отъ варварства духъ народа—внезапно впалъ снова въ прежнее усыпленіе, и оставался въ немъ все время трехвѣковаго владычества Монголо-Татаръ.

хеологъ К. Калайдовичъ совершенно опровергъ сіе мнѣніе. (Записки и Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, часть I, стр. 55—75.)

Но и въ это роковое время не вовсе пренебрегали тѣмъ, что служило къ блеску и великолѣпію Великихъ Хановъ. Монахъ Карпиній хвалитъ (1247) находившагося при Монголо-Татарскомъ Дворѣ Россіянина Кузьму, за искусно выдѣланный имъ изъ слоновой кости тронъ, украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями. — Сербскій монахъ Лазарь сдѣлалъ (1404) для Царской столицы башенные часы. — Первыя серебряныя и мѣдныя руды (извѣстныя гораздо ранѣе туземцамъ) разрабатывались двумя Нѣмецкими рудокопами, въ окрестностяхъ Печоры (1491); но добытаго изъ сихъ, — а можетъ статься и изъ другихъ рудниковъ, — золота достало только на вычеканеніе одной монеты, съ изображеніемъ Св. Николая, которую Великій Князь Іоаннъ III подарилъ дочери своей Θеодосіи ([1]).

Счисленіе (или такъ называемая *Счетная-мудрость*); перешло въ Россію изъ Азіи: нѣкто Спиридонъ Строгоновъ вывезъ, первый, изъ Орды (въ половинѣ XIV столѣтія) Арабскія цыфры, введеніе коихъ въ употребленіе хотя и облегчило ариθметическія выкладки, но задержало ходъ самой Науки.

Монастырская ученность трудилась надъ Легендами, переводила Писанія Святыхъ Отцовъ, ревностно подвизалась противъ раскольниковъ, изъясняла Еврейскія слова Библіи, и, напослѣдокъ, предприняла ревизію церковныхъ книгъ. Максимъ Грекъ, прибывшій съ Аθонской горы, былъ человѣкъ способный къ такому труду; но самый трудъ сей затѣянъ былъ рано для своего вѣка.

Отечественная Исторія многимъ обязана Святому Симеону, Епископу Суздальскому, и Іоанну, Іерею Нов-

---

([1]) Истор. Карамзина, VI. стр. 213, 213.

городскому, изъ сочиненій коихъ Митрополитъ Кипріанъ († 1406) почерпнулъ свою *Степенную Книгу*, — между тѣмъ, какъ другіе баснословили объ Александрѣ Великомъ и Римскихъ Императорахъ.

Распространившееся всюду зло, которое, въ началѣ шестьнадцатаго столѣтія, обнаружилось и въ Россіи: именно — скорбутъ и ядъ венерической болѣзни, сдѣлало необходимыми врачей, каковы были: Люевъ, Арнольфъ (или Арнольфи), Бомель, Эльмесъ и Джамесъ Френчманъ, который основалъ, вѣроятно, первую въ Москвѣ аптеку [1].

Русское образованіе, свергнувъ, напослѣдокъ, яремъ Монголо-Татарскаго владычества, нашло себѣ опору въ Польшѣ, какъ нѣкогда находило оную въ Греціи; и языкъ Латинскій снискалъ въ Россіи такое же уваженіе, въ какомъ прежде былъ языкъ Греческій: въ концѣ семнадцатаго столѣтія, Царь Ѳеодоръ и четверо Русскихъ Дворянъ говорили по Латинѣ.

([1]) Исторія Медицины въ Россіи, соч. *Рихтера*. Часть I, стр. 274 — 338. — Врачи, сначала, привозили лѣкарства съ собою; но скоро нашли оныя и въ новомъ своемъ отечествѣ, или извлекали ихъ изъ разводимыхъ аптекарскихъ огородовъ, т. е., ботаническихъ садовъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ (если еще не Борисъ Годуновъ) учредилъ такъ называемый Аптекарскій Приказъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ Бояръ. Но такъ какъ большая часть народа довѣряла болѣе простымъ домашнимъ средствамъ, нежели лѣкарствамъ, и нашептыванію старухъ болѣе, нежели искусству врачей, — то сіи послѣдніе и получали, постоянно, свое содержаніе отъ Двора. — Между тѣмъ, изъ Аптекарскихъ книгъ того времени видно, что приходы и расходы всѣхъ аптекъ простирались, ежегодно, до 10.000 рублей.

Послѣ Іоанна Васильевича III, — который, чрезъ посредство Италіянскихъ зодчихъ, воздвигъ снова въ Кремлѣ древній Успенскій соборъ (1479) и церковь Св. Арангела Михаила, равно обвелъ Кремль, вмѣсто деревянной, каменною стѣною съ башнями, — (¹) Василій Васильевичъ II украсилъ столицу многими каменными зданіями.

Живопись успѣвала наиболѣе въ изображеніи религіозныхъ предметовъ.

Литье металловъ производилось въ особенномъ Литейномъ дворѣ, гдѣ выливались пушки и колокола огромной величины; самой большой изъ сихъ послѣднихъ, вылитый въ 1654 году, вѣсилъ 11,000 пудовъ.

Музыка хотя и была угнетена Никономъ, повелѣвшимъ даже сжечь всѣ музыкальные инструменты (въ томъ предположеніи, что музыка развращаетъ нравы), но Ѳеодоръ Алексѣевичъ вызвалъ въ Москву Польскихъ пѣвчихъ, которые ввели въ Россіи восьмигласные, двѣнадцатигласные и двадцатичетырехъ-гласные концерты, и научили Русскихъ пѣть по нотамъ; прежнее же означеніе тоновъ, Греческими буквами, было уничтожено.

Драматическое Искусство получило свое начало въ Кіевѣ, при Митрополитѣ Петрѣ Могилѣ (1637 — 1647). Семинаристы представляли духовныя драмы, которыя, въ позднѣйшіе годы, были переводимы съ Польскаго языка Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и другими.

Царь Алексѣй Михайловичъ ввѣрилъ управленіе драматическими увеселеніями Боярину Артемону Сергѣевичу Матвѣеву; дворовые его люди,

---

(¹) Ист. Карамзин. VI. стр. 71 — 75.

вмѣстѣ съ иностранными комедіантами, увеселяли Дворъ даванными въ селѣ Преображенскомъ представленіями, причемъ играли на органахъ и другихъ инструментахъ ([1]).

Русскіе стихи, писанные, по образцу Польскихъ, въ тринадцать слоговъ, безъ соблюденія мѣры и безъ женской риѳмы, прославляли преимущественно событія изъ отечественной Исторіи. Такъ Симеонъ Полоцкій, въ своемъ *Разноцвѣтномъ вертоградѣ* и *Россійскомъ орлѣ,* воспѣлъ (1628 — 1680) добродѣтели Царей: Алексѣя и Ѳеодора.

Не только въ Малороссіи (т. е. въ Кіевѣ, Черниговѣ и Новгородѣ-Сѣверскомъ), но и въ Москвѣ находились типографіи. Въ Острогѣ на Волыни, по распоряженію Князя Константина Константиновича, издана первая печатная Библія (1551); но еще ранѣе появились: въ Краковѣ — Молитвенникъ и Псалтырь (1491), въ Молдавѣ — Евангеліе (1512), и въ Прагѣ (1519), переведенный Скориною изъ Вульгаты, Пентатейхъ ([2]).

([1]) Въ розрядныхъ запискахъ 1676 года (Голиков. Дополнен. къ Дѣян. П. В. т. III. стр. 155 — 156) находимъ мы слѣдующее: »Была комедія въ Преображенскомъ; »тѣшили Великаго Государя иноземцы, какъ Алоферна »Царица Царю голову отсѣкла, и на органахъ играли »Нѣмцы, да люди дворовые Боярина Артемона Сер»гѣевича Матвѣева. Тогожъ году другая комедія тамъ же, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, и въ орга»ны играли, и на фіолахъ, и въ инструменты, и тан»цовали. Въ третіе тамъ же тѣшили Великаго Госу»даря на заговѣнье Нѣмцы, и люди Артемона Сергѣе»вича, на органахъ, и на фіолахъ, и на инструментахъ, »и танцовали, и всякими потѣхами разными.»

([2]) *Карамзинъ*, I. Примѣч. 488 и слѣд. — Ewers, I. — 514 — 515.

Еще въ 1588 году, учреждена была въ Кіевѣ Духовная Школа, а въ 1655-мъ, въ Москвѣ, въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, основана Академія Словесныхъ Наукъ. Сія послѣдняя, Царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ, съ помощію возвратившагося изъ Палестины монаха Тимоθея, преобразована (1680) (3) въ Славяно - Греко - Латинскую Академію, для преподаванія Грамматики, Риторики, Піитики, Логики (называвшейся *Философіею Разумительною*) и Теологіи. Запрещалось учить только Магіи, подъ опасеніемъ безпощаднаго сожженія на кострѣ, и принимать въ Учители иновѣрцевъ.

Василій Бурцовъ написалъ, въ 1637 году, для Россійскаго юношества, азбуку; Мелетій Смотрицкій (1648) сочинилъ Славянскую Грамматику, а Кирилъ-Помбо-Берюнда составилъ Славяно-Россійскій Словарь, напечатанный сперва (1627) въ Кіевѣ, а потомъ, въ находящемся близь онаго, Купейничемъ монастырѣ (1663).

Для Теологовъ появился, въ 1665 году, Славянскій переводъ, сочиненнаго Митрополитомъ Петромъ Могилою, *Истиннаго ученія о вѣрѣ*, а въ 1681—1683, изданы въ Москвѣ: *Духовный обѣдъ* и *Духовная вечеря*, Симеона Полоцкаго, равно въ 1682 Духовныя увѣщанія Патріарха Іоакима къ раскольникамъ.

Изъ отечественныхъ Дѣеписателей, монахъ Кантавасій и Князь Θедоръ Ивановичъ Кемскій описали дѣла Новгородскія до 1549 года; трое неизвѣстныхъ издали: первый — *Царственную Книгу* съ 1533 по 1553; второй — *Лѣтопись о многихъ мятежахъ и о раззореніи Московскаго Государства* съ 1584 по 1655, а третій, съ согласія Патріарха Никона, подробную хронику до 1630 года. Особен-

наго вниманія заслуживаютъ: Лѣтописецъ Князя Симеона Курбскаго, въ которомъ онъ, съ чрезвычайною смѣлостію, судитъ о Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ; Описаніе завоеванія Казани, сочиненное Княземъ Андреемъ Курбскимъ, и Исторія Стрѣлецкаго бунта 1682 года, составленная монахомъ Медвѣдевымъ; но все это осталось въ рукописяхъ.

Философіею занимались тогда весьма мало; но польза Математическихъ Наукъ, вѣроятно, была уже дознана давно: Борисъ Годуновъ, приглашая для обученія своего сына, къ Русскому Двору, Англійскаго Математика Джона Дея, назначалъ ему жалованья 11,000 рублей въ годъ.

Въ 1682 году появилось, въ Москвѣ, на Русскомъ языкѣ, собраніе ариѳметическихъ таблицъ, подъ названіемъ: *Легкій Щетъ, или задачи обыкновеннаго щета рѣшать скоро;* въ 1686, изданъ Астрономическій Календарь, для познанія восхожденія и захожденія солнца, а въ 1697-мъ, переведено Фронсбергерово: *Ученіе объ употребленіи Военностроительнаго Искуства.*

Составленный, по повелѣнію (1599) Бориса Годунова, Чертежъ Россійскаго Государства, исправленный, въ 1627 и 1680 годахъ, означалъ южными и восточными границами Россіи: Крымъ, Черное море, Каспійское море, Аральское озеро и рѣку Обь.

Мѣдный глобусъ, присланный въ подарокъ Алексѣю Михайловичу отъ Генеральныхъ Штатовъ, былъ поставленъ въ самомъ верхнемъ покоѣ высочайшей Кремлевской башни; но вовсе не былъ употребляемъ.

наставники народа сами не умѣли читать ([1]), и знатнѣйшіе въ Государствѣ люди не могли даже подписать своего имени, почему таковые, въ случаѣ надобности, вмѣсто подписи, намаравъ ладонь чернилами, прикладывали оную къ бумагѣ ([2]).

Иностранцы обвиняли Россіянъ въ сластолюбіи, пьянствѣ, жестокости и въ несоблюденіи святости супружескаго союза: мужья мѣнялись женами, а Донскіе казаки продавали ихъ, или отдавали въ залогъ на извѣстный срокъ, въ продолженіе коего составляли онѣ собственность заимодавца, и по несостоятельности залогодателя могли быть первыми удерживаемы у себя, или уступаемы другому.

Женскій полъ, по Татарскому обычаю, былъ удаленъ отъ обхожденія съ мужчинами; даже Царь Алексѣй Михайловичъ дозволилъ врачу посѣтить

»ти. Воеводы же пытавъ ихъ велѣли жечь, а жогъ »тотъ же арапъ своимъ мастерствомъ. А какъ ста»ли ихъ жечь, и туто слетѣлися сорокъ и воронъ ве»ликое множество, и покамѣстъ ихъ жгли, и какъ ихъ »пережгли, они всѣ изчезли. — Царь же того арапа по»жаловалъ, а Царевичевыхъ Татаръ достальныхъ »велѣлъ Государь перевести къ Москвѣ, и устроити »по городамъ номѣстьями и кормами. А на пыткахъ »тѣ Ведуны сказывали, что портили Царевича, и Ца»рицъ и Татаръ, пили изъ нихъ изъ сонныхъ кровь. »(стр. 15 — 16).«

([1]) Когда Царь Іоаннъ Васильевичъ IV, присутствуя на Стоглавномъ Соборѣ, изъявилъ свое негодованіе, что Священники мало смыслятъ, а многіе и читать не умѣютъ, то бывшіе на Соборѣ отцы отвѣчали Царю: »*чтожъ намъ дѣлать, когда нѣтъ у насъ лучшихъ!*« (*Голиков.* Дополн. III. стр. 430).

([2]) Отсюда, вѣроятно произошло употребительное и нынѣ Русское выраженіе »*руку приложить.*«

больную свою супругу неиначе, какъ въ темной комнатѣ, и ощупать пульсъ сквозь шелковую матерію. Напослѣдокъ, Софія Алексѣевна первая начала являться публично; примѣру ея послѣдовали другія Царевны, и даже Царица Наталія Кириловна.

Высокомѣрные противъ низшихъ себя, и уклончивые предъ высшими, даже, люди первѣйшихъ сословій въ Государствѣ (какъ и всѣ Азіатцы) имѣли столь мало уваженія къ самимъ себѣ, что, перенося рабскія тѣлесныя наказанія, не почитали ихъ безчестіемъ.

Грубость нравовъ укрощалась Царскими Указами, опредѣлявшими за бранныя слова тѣлесное наказаніе и ссылку въ Сибирь, и обуздывавшими пьянство, ограниченіемъ числа питейныхъ домовъ.

Наравнѣ съ величайшими преступленіями противъ правилъ нравственности, осуждалось, по Уложенію Царя Алексѣя Михайловича, нюханіе и куреніе табаку; но время, само собою, вскорѣ изгладило сей неосновательный законъ, и Карлъ Говардъ, Графъ Карлиль, бывшій Посломъ при Царскомъ Дворѣ (въ 1663 и 1664 годахъ), разсказываетъ, что онъ видѣлъ самъ, съ какою жадностію Русскіе употребляли это запрещенное зелье: они наполняли онымъ большіе рожки, и, по Персидско-Турецкому обычаю, курили табакъ черезъ воду, до такой степени, что часто падали безъ чувствъ, но скоро вставали опять веселы — и превозносили свойство табачнаго дыма, который, по ихъ словамъ, очищаетъ голову (1).

(1) Это мнѣніе распространилось тогда и въ другихъ мѣстахъ Европы: вотъ что говоритъ о табакѣ Мольеровъ Сганарель (Don Juan, Act I. S. 1.): »il purge les cerveaux humains.«

Въ Россіи считалось тогда мало городовъ, и населеніе оныхъ, кромѣ столицы, было весьма незначительно. Въ Великомъ Новгородѣ и Псковѣ считалось по 20,000; въ Астрахани 10,000 жителей. Низкіе домы столицы рѣдко были каменные. Знатные украшали стѣны комнатъ вызолоченными или разрисованными кожами; но эта блестящая наружность скрывала только неопрятность и нечистоту. Столы отличались многочисленностію дурно приготовленныхъ блюдъ. Впрочемъ, еще при Владимірѣ I, были въ употребленіи серебряныя ложки.

Знать щеголяла въ Польскихъ кафтанахъ: эти кафтаны были, большею частію, штофные или атласные; кушаки и шапки стоили дорогой цѣны. Придворные Сановники, въ торжественныхъ случаяхъ, получали отъ Двора парадные кафтаны, которые, по окончаніи церемоніи, отбирались у нихъ обратно. Мужчины подстригали волосы на темѣ; женщины прикрывали ихъ шапочками, или кокошниками, а богатыя дѣвицы носили ихъ плетешками, подъ золотою сѣткою. Румяна и притиранья были во всеобщемъ употребленіи. Черные зубы почитались принадлежностію красоты обоихъ половъ.

Англійскій Посолъ Говардъ жаловался на претерпѣнныя, будто бы, имъ оскорбленія, именно: что Царскій Приставъ, встрѣтивъ его на мосту въ Архангельскѣ, хотѣлъ идти по правую сторону Посла, и, по случаю произшедшаго отъ сего спора, заставилъ его, со всею свитою, ждать съ утра почти до вечера, пока не пришло отъ Воеводы приказаніе, чтобы Приставъ шелъ по лѣвую руку Посла. При въѣздѣ въ Москву, Говардъ встрѣтилъ новыя непріятности: посланный на встрѣчу ему Думный Дьякъ требовалъ, чтобы Посолъ

вышелъ изъ саней для выслушанія привѣтствія, изъ чего произошелъ снова продолжительный споръ. Наконецъ рѣшено было, чтобы Посолъ и Дьякъ вышли изъ саней въ одно время; но сей послѣдній повисъ на рукахъ служителей своихъ, и ступилъ на землю послѣ Англичанина. Въ квартирѣ своей Посолъ нашелъ присланный отъ Царя обѣдъ, но безъ столоваго бѣлья и серебра. Самые переговоры изумляли его мѣлочами.

»Духъ людскости распространился среди при»дворной жизни съ тѣхъ поръ, какъ введены были »при Дворѣ драматическія представленія, равно »Украинскіе и Польскіе танцы. Кромѣ того уве»селяли Царя, въ часы его досуга, придворные »шуты и карлы. Ежедневныя Европейскія произ»шествія казались уже довольно важными для Дво»ра: велѣно было переводить постоянно, на Рус»скій языкъ, одну Нѣмецкую газету, которая од»накоже не отклонила Дворъ отъ ошибки, со»стоявшей въ томъ, что въ 1667 году Россій»скому Посольству, назначенному въ Испанію, вру»чена была довѣрительная грамота къ Королю »Филиппу IV, скончавшемуся за два года предъ »тѣмъ.—Любимѣйшимъ препровожденіемъ времени, »для всѣхъ состояній, считалась шашечная игра; »многіе любили также играть въ кости; карты »вовсе не были извѣстны (1).«

Иностранцы (особенно Нѣмцы и Голландцы) жили сообразно своимъ обычаямъ, и пользовались свободою вѣроисповѣданія; они занимались торговлею и ремеслами; многіе служили въ войскѣ, но не могли вступать въ гражданскія должности, до тѣхъ поръ, пока оставались въ своей вѣрѣ.

---

(1) Ewers, I. 526 — 527.

Къ чертамъ Русскаго характера принадлежали: закоренѣлость въ старинныхъ нравахъ и обычаяхъ, потому только, что эти нравы и обычаи были старинные, — національная и фамильная гордость, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и привязанность къ вѣрѣ и отечеству, — гостепріимство, вѣрность и правота. (1).

(1) *Голиков.* Дополн. III. 488 — 489. »Естьли Посолъ или »гость (купецъ), задержанъ будетъ въ чужой землѣ, »или полоняникъ посаженъ будетъ подъ стражу (ска- »зано въ Царскомъ указѣ 1558 года), и по своей волѣ »Посолъ, гость или полоняникъ, поцѣлуетъ крестъ »на томъ, что ему не убѣжать, а послѣ убѣжитъ въ »свою землю, таковымъ предписывалось, чрезъ всю ихъ »жизнь, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ ѣсть »по единожды, и то только хлѣбъ съ водою; по втор- »никамъ и четвергамъ по два раза тожъ; а по субо- »тамъ и воскресеньямъ по дважъ раза варенье, по безъ »масла (и мяса?), и дати при смерти дары (т. е. прі- »общить Святыхъ таинъ), и заключено сими словами: »*буди всѣмъ вѣдомо*, *лучше бы умерти*, *а креста не цѣ- »ловати; занеже крестному цѣлованію* (нарушенію при- »сяги) *покаянія нѣтъ*, *то есть смертный грѣхъ* « — Даже несдержаніе просто даннаго слова почиталось величайшимъ стыдомъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

1672 — 1689.

ГЛАВА I.

Рожденіе и воспитаніе Петра Великаго.

Царь Алексѣй Михайловичъ, въ первомъ бракѣ, имѣлъ за собою Марію, дочь Окольничнаго Ильи Даниловича Милославскаго (16 Января 1648), а во второмъ Наталію, дочь Дворянина Кирилы Полуехтовича Нарышкина (22 Января 1671) ([1]). — Плодомъ прежняго, слишкомъ двадцатилѣтнаго союза, было довольно многочисленное семейство; но державныя надежды Монарха умирали, такъ сказать, въ двухъ единственныхъ, слабыхъ здоровьемъ, сынахъ его: Ѳеодорѣ и Іоаннѣ, пока Геній - хранитель Россіи не управилъ вторымъ выборомъ Государя.

Царь, посѣщавшій иногда Думнаго Дворянина Артамона Сергѣевича Матвѣева, увидѣлъ у него однажды дочь Нарышкина, полюбилъ ее, и предложилъ

([1]) Этотъ день означенъ вѣрнѣе у Малыгина (Зерцало Россійскихъ Государей, С. П. Б. 1794, стр. 88) и въ журналѣ: Русскій Вѣстникъ N. 12, стр. 261 и слѣд., нежели у Ѳеодози: въ житіи Императора Петра I.—Голиковъ (Дѣян. т. I. стр. 258) слѣдовалъ Ѳеодози — и также ошибочно показалъ днемъ бракочетанія Государя 25 Января. — Въ 7179 - 1671 году, Пасха, по Русскому лѣтосчисленію, была 23 Апрѣля: почему 22 Января 1671 (какъ простаго года) приходилось также въ Воскресенье; слѣдовательно 25 была среда, день постный, а въ такіе дни свадебъ не вѣнчали. Впрочемъ, ошибка сія легко можетъ быть объяснена небреженіемъ переписчика, смѣшавшагося въ числительныхъ букахъ: В (2) и Е (5).

ей свою руку ([1]); но, соблюдая старинный обычай, созвалъ ко Двору шестьдесятъ благородныхъ дѣвицъ, и избралъ изъ нихъ избранную уже его сердцемъ.

Бракосочетаніе совершенно великолѣпнѣйшимъ образомъ; а въ предпослѣдній день Мая, 1672 года, праздновано рожденіе Царевича Петра Алексѣевича ([2]).

Хотя о мѣстѣ рожденія его и не упоминается ни въ какомъ актѣ; но по этому-то самому мы и должны согласиться съ Миллеромъ въ томъ, что Петръ родился въ столицѣ, а не въ селѣ Коломенскомъ и не въ потѣшномъ дворцѣ Измайловскомъ ([3]).

---

(1) *Голиковъ* (Дополн. т. III. 130 — 137) слѣдуетъ въ этомъ показаніи Профессору Штелину, а Штелинъ словамъ Графини Марьи Андреевны Румянцовой, внуки Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева.

(2) Опыты трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, Москва, 1780, часть V. стр. 89, — по розрядной запискѣ: »1672, Маія въ 30 день, въ четвертокъ, на память »Преподобнаго отца Исакія Далмацкаго, за полтре»тья часа до дня, по благодати Всесильнаго Бога, Ве»ликому Государю Царю и Великому Князю Алексѣю »Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Рос»сіи Самодержцу, родился сынъ, Благовѣрный Государь, «Царевичь и Великій Князь, Петръ Алексѣевичь, всея «Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи. «

(3) Мальгинъ (стр. 521 — 522) старается опровергнуть доводы Миллера, о рожденіи Петра I въ Москвѣ, премущественно тѣмъ, что въ помянутое время года, Царица для разрѣшенія отъ бремени, вѣроятно, могла избрать спокойнымъ мѣстомъ одинъ изъ ближайшихъ загородныхъ дворцовъ; но этому мнѣнію Мальгина противорѣчитъ то, что новорожденный во второмъ часу дня былъ уже принесенъ въ Московскій Успенскій соборъ, а не въ Коломенскую или Измайловскую церковь.

Осчастливленный рожденіемъ сына, Царь, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ, переходилъ съ молитвою изъ храма въ храмъ, разлилъ радость свою по всему Государству, и самое бѣдствіе претворилъ въ веселіе, простивъ неимущимъ казенныя недоимки, искупивъ изъ темницъ содержащихся за частные долги, освободивъ приговоренныхъ къ смертной казни, и разсыпавъ щедрою рукою подаянія въ больницы и богадѣльни. Три дни продолжалось торжество, сопровождаемое пушечиою пальбою, колокольнымъ звономъ и молебствіемъ по всей Москвѣ.

Къ числу отличеныхъ Сановниковъ того времени принадлежали Нарышкинъ и Матвѣевъ, которые, по случаю рожденія Царевича, возведены въ достоинство Окольничихъ (1).

Какія ожиданія долженъ былъ возбудить во всѣхъ новорожденный Царевичь, можно уже видѣть изъ астрологическихъ бредней, бывшихъ доступными слуху того вѣка. Симеонъ Полоцкій, духовный Ораторъ и Поэтъ — но въ тоже время и Царскій Астрологъ — наблюдалъ, будтобы, планеты въ часъ рожденія, или даже въ часъ зачатія Петра Алексѣевича, и, по явившейся близь Марса весьма свѣтлой звѣздѣ, предсказалъ, что Царевичу опредѣлено быть героемъ, побѣдителемъ и наслѣдникомъ престола (2).

(1) Нарышкинъ, бывшій до замужства своей дочери бѣднымъ дворяниномъ, сдѣлался въ это время владѣльцемъ 90,000 душъ крестьянъ.

(2) Что подобныя Астрологическія выходки существовали тогда въ Европѣ, доказываетъ сохранившійся и понынѣ (въ С. Петербургѣ въ Императорской Акаде-

Въ день Святыхъ Апостолъ Петра и Павла (29 Іюня), новорожденный крещенъ въ Чудовѣ монастырѣ, Патріархомъ, и былъ принятъ отъ купели братомъ своимъ, Царевичемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ и теткою Царевною Ириною Михайловною (¹).

Въ семъ году, который достопамятенъ завоеваніемъ Каменецъ - Подольска Турками, дипломатическіе переговоры Глинскаго (31 Марта) подтвердили прежніе трактаты 1667 и 1670 годовъ: Русскій Государь, вступаясь за Поляковъ, вооружался противъ Турокъ, а Татарскій Ханъ долженствовалъ быть побужденнымъ къ миру, и къ изгнанію отъ себя бунтовщика Дорошенки. Въ

міи Наукъ) отвѣтъ ученаго мужа *Іоанна Георга Гревіуса* на письмо *Николая Гейнзіуса* (отъ 1 Іюля 1672), бывшаго Посланникомъ Нидерландскихъ Штатовъ въ Москвѣ. »Quae tempore (пишетъ Гревіусъ отъ 9 Апрѣ»ля 1673 г. изъ Утрехта), quo princeps juventutis Ruthe»niae Petrus Moscvae in lucem editus, accidisse, et ex »cursu stellarum observata fuisse scribis, astrologi nostri, »et quotquot vaticiniis inhiant, ac futurorum praedictis »student, tanquam omina memoratu digna diligenter no»tarunt; hoc addito, eadem nativitatis die Regem Galli»arum Rhenum, Turcarum au tem Imperatorem Tyram, »cum exercitu trajecisse; illum inde quatuor provincias »foederati Belgii, hunc vero Podoliam et Caminaecum de»belasse; eoque magis ominatores nostri, qui ex certo »siderum positu, et rebus alibi eodem tempore gestis fa»ta hominibus pandere et praedicere praesumunt, hario»lantes: neonatum puerum olim bellicosum, inclytum »ac hostibus infensum evasurum.«

(³) Dumont, corps diplomatique T. VI. p. 165 — Koch. hist. des traités de paix, III. p. 144. — Theatr. europ. II, p. 66 и слѣд.

томъ же году (Іюня 29) Казацкимъ Гетманомъ въ Малороссіи избранъ Иванъ Самойловичь ([1]).

Воинственный духъ Царевича обнаружился вскорѣ. Въ третье тезоименитство Его, одинъ купецъ поднесъ Ему маленькую саблю, и Петръ принялъ ее съ величайшею радостію, не обративъ вниманія на другіе подарки ([2]).

Алексѣй Михайловичъ, похищенный смертію (30 Января 1676) слишкомъ рано для сего сына, ввѣрилъ юность Его Боярину Кирилу Полуехтовичу Нарышкину, Окольничимъ: Петру Ивановичу Прозоровскому, Ѳедору Алексѣевичу Головину и Гаврилѣ Ивановичу Головкину ([3]).

Совокупная попечительность матери и дѣда бодрствовала надъ сыномъ и внукомъ; придворныя интриги не могли имѣть вреднаго вліянія на Его характеръ, какъ утверждали то ошибочно нѣкоторые иностранные Писатели.

Возвышеніе Нарышкиныхъ возбудило зависть въ Милославскихъ. Вступленіе Ѳеодора Алексѣевича на престолъ было для нихъ торжествомъ: они поспѣшили удалить отъ Двора Матвѣева и Нарышкина.

Оставшись безъ подпоры, Царица Наталія Кириловна удержала при себѣ придворный штатъ свой, и пользовалась всѣми Царскими преимуществами; кроткое сердце ея скорбѣло только объ удаленіи родныхъ. Уваженіе, какое оказывалъ сей Царицѣ Ѳеодоръ, доказываетъ чистоту ея характера.

([1]) *Туманскій*: Россійскій Магазинъ, III. стр. стр. 3 стр. 213. — Scherer annales de la petite Russie, II. — 137.

([2]) *Голиковъ*, Дѣянія Петра, I. стр. 138, по запискамъ Коммисара Крекшина.

([3]) Тамъ же, стр. 139.

Съ 12 Марта 1677 года, въ должность Наставника къ Петру Алексѣевичу поступилъ Дьякъ Челобитеннаго Приказа, Никита Моисеевичъ Зотовъ. Преподавъ царственному воспитаннику своему основныя правила Закона и другихъ знаній, Зотовъ заставлялъ его, такъ сказать, созерцать Исторію въ разкрашенныхъ картинкахъ: симъ способомъ событія и дѣла героевъ тверже запечатлѣвались въ памяти Царевича, и въ немъ болѣе и болѣе возбуждалась жажда къ ученію.

Зотовъ, посланный 15 Августа 1680, вмѣстѣ съ Стольникомъ Тяпкинымъ, въ Крымъ; для заключенія съ Ханомъ двадцатилѣтняго перемирія (которое и состоялось въ Радзинѣ 5 Іюня 1681), можетъ статься, имѣлъ право считать это, повидимому казавшееся отличіемъ, порученіе изгнаніемъ отъ Двора; но благодарный питомецъ не забылъ удаленнаго отъ него Наставника, и когда, напослѣдокъ, принялъ въ свои руки бразды Правленія, то опять призвалъ его къ себѣ (¹).

По настоянію Польскаго Посла, Михайла Черторыжскаго (²), въ 1678 году, 100,000 Русскихъ, подъ командою Григорія Ромодановскаго, вступили въ лагерь у Бушина, но несчастливо сражались (въ Августѣ) при Чигиринѣ, противъ Великаго Визиря Коры Мустафы; почему и былъ къ нимъ посланъ новый Воевода.

Въ двадцатилѣтнемъ перемиріи, Порта отказалась отъ своихъ притязаній на Украйну.

(¹) Опыты Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія и проч. часть V. стр. 27 — 118.

(²) Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam descripta a. B. L. F. Tannero (4 Norinb. 1684) p. 43, 106.

ГЛАВА II.

Петръ Алексѣевичъ избранъ Царемъ, и устраненъ снова.

Смерть Федора (27 Апрѣля 1682) открыла духу партій обширное поле дѣйствій.

Милославскіе, имѣя всю власть въ рукахъ своихъ, пользуясь благорасположеніемъ Царевны Софіи Алексѣевны, и подстрекаемые ею, нисколько не сомнѣвались въ побѣдѣ.

Нарышкины, неимѣвшіе ни путеводителя, ни силы, всю надежду свою возлагали на десятилѣтняго отрока; но этотъ отрокъ былъ — Петръ Алексѣевичъ.

Одно старинное преданіе говоритъ, что младшій Царевичъ былъ назначенъ преемникомъ престола самимъ братомъ своимъ, который сообщилъ о семъ приближенному къ нему Боярину Ивану Максимовичу Языкову, бывшему отъявленнымъ противникомъ Нарышкиныхъ. — Языковъ старался всячески отклонить Царя отъ сего намѣренія, и, напослѣдокъ, убѣдилъ его вступить въ супружество съ Марѳою Матвѣевною Апраксиною (16 Февраля 1682).

Достовѣрно или нѣтъ преданіе сіе, но сравненіе Іоанна съ Петромъ, и ожиданія народа были въ пользу меньшаго брата.

Извѣстясь о кончинѣ Ѳеодора, народъ,..въ двухъ Царевичахъ, привѣтствовалъ взошедшее вновь для него солнце. Патріархъ Іоакимъ просилъ самихъ братьевъ: рѣшить, кто изъ нихъ долженъ принять Царскій скипетръ и державу?

Такой вопросъ, натурально, долженъ былъ изумить всѣхъ: ибо въ немъ скрывалось желаніе видѣть на престолѣ другаго, а не перворожденнаго Царевича. Іоаннъ Алексѣевичъ, казалось былъ самъ проникнутъ важностію словъ сихъ, и добровольно отказался отъ Царскаго величія, въ пользу брата своего Петра, »*потому, что* (какъ говорилъ онъ) *у него здравствуетъ мать его, Царица Наталія Кириловна.*«

Отзывъ сей Іоакимъ сообщилъ собравшимся предъ дворцомъ всѣхъ сословій чинамъ, которые единогласно воскликнули: »да будетъ по избранію всего Московскаго Государства всѣхъ чиновъ людей, Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ, всея Россіи Самодержцемъ, Благовѣрный Государь Царевичь Петръ Алексѣевичъ!» (1-2).

(1-2) Оставшіеся, по Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, члены Царской фамиліи, кромѣ двухъ вдовствующихъ Царицъ, были слѣдующіе:

I. *Отъ Алексѣя Михайловича:* 1) Іоаннъ Алексѣевичъ, род. 27 Августа 1666. — 2) Петръ Алексѣевичъ, род. 30 Мая 1672. — 3) Евдоксія, род. 18 Февраля 1650. — 4) Марѳа, род. 26 Августа 1652. — 5) Софія, род. 7 Сентября 1657. — 6) Екатерина, род. 27 Ноября 1658. — 7) Марія, род. 18 Января 1660. — 8) Ѳеодосія, род. 7 Іюня 1662. — 9) Наталія, род. 22 Августа 1673.

II. *Отъ Михаила Ѳеодоровича:* 1) Анна, род. 14 Іюля 1630. — 2) Татьяна, род. 5 Января 1636.

Въ Московскихъ Архивахъ находятся, о семъ избраніи на Царство Петра I, два одинъ другому нѣсколь-

Наталія, содѣлавшись, чрезъ сіе чрезвычайное возвышеніе своего малолѣтнаго сына, Правительницею Государства, послѣдовала чувству благодарности, и, призвавъ снова ко Двору Артамона Матвѣева, возвратила ему достоинство Боярина и всѣ почести; но добродѣтельный вельможа сей только немногіе дни наслаждался торжествомъ своей невинности.

ко противорѣчащіе акта: одинъ (въ Посольскомъ Архивѣ) утверждаетъ, что старшій Царевичь предоставилъ свое право меньшему брату; а другой (въ Разрядномъ Архивѣ) не упоминая о семъ, говоритъ только, что Петръ былъ избранъ народомъ. Мы старались согласить обѣ сіи извѣстія. См. Опытъ Трудовъ Вольнаго Россійскаго собранія, V. — 122.« — Къ сему примѣчанію Автора, мы присовокупимъ другое примѣчаніе: »Во II томѣ *Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи*, стр. 384, помѣщено объявленіе (Манифестъ), изъ котораго видна справедливость записокъ Разряднаго Архива, что Петръ былъ избранъ народомъ, и что всѣ присягали ему не 10 Мая, а въ самый день избранія его на Царство, и кончины Ѳеодора Алексѣевича, т. е. 27 Апрѣля. Стрѣльцы присягали также. Записки Разряднаго Архива, очевидно, заимствованы изъ помянутаго объявленія, изданнаго 27 же Апрѣля, а записки Посольскаго Архива согласны съ актомъ, обнародованнымъ 26 Мая 1682 года, послѣ переворота, произведеннаго Царевною Софіею. Въ актѣ семъ объявлено о совокупномъ вступленіи на Престолъ Іоанна и Петра, и о порученіи ей управлять Государствомъ. (Полн. Собр. Закон. Росс. Имп. томъ II, стр. 398). Послѣ сего легко понять: почему сей актъ умалчиваетъ объ избраніи Петра на Царство, и о присягѣ Стрѣльцовъ, почему причиною уступки Престола Іоанномъ брату выставлено только то, что Мать Петра, Царица Наталія Кирилловна здравствуетъ, и почему, наконецъ, несходны оффиціальныя записки двухъ Архивовъ.« Изъ Соч. *К. П. Массальскаго.*

Присяга въ вѣрности совершена была, съ обычнымъ торжествомъ, 10 Мая ([1]), но вскорѣ потомъ уничтожена противною партіею.

Честолюбіе и желаніе снискать громкое титло Правительницы, а можетъ статься, и оскорбленное право первородства единоутробнаго брата, влекли Софію Алексѣевну къ Царскому трону, отъ котораго удаляло ее избраніе нероднаго ей брата. Блескъ, которымъ она должна была пожертвовать, и безрадостные дни, видѣвшіеся ей въ будущемъ, ввели честолюбивую Царевну въ связь съ Милославскимъ, котораго тревожили тѣ же самыя опасенія.

»Нарушеніе наслѣдственнаго права (говорила она собравшимся членамъ знатнѣйшаго Духовенства, Дворянства и Гражданъ) »легко можетъ по»дать поводъ къ ужаснымъ смятеніямъ и безпо»рядкамъ; почему, было бы лучше возвести на »царство обоихъ братьевъ вмѣстѣ.«

»Немощный Іоаннъ Алексѣевичъ« (возразилъ Патріархъ), »обойденъ потому, что здоровое »сложеніе его брата подаетъ бо́льшія надежды: »уже принесена присяга избранному Царю, и та»кое неслыханное въ Россіи двоецарствіе не толь»ко безполезно, но даже опасно.«

Это послужило сигналомъ къ насильственнымъ мѣрамъ, произведеннымъ въ дѣйствіе Стрѣльцами.

Софія обѣщала прощеніе всѣхъ преступленій, содѣланныхъ въ послѣдніе дни царствованія Θеодора; а Милославскій, Сунбуловъ, Циклеръ, Петровъ, Озеровъ и другіе, старались, между тѣмъ, воспламенить Стрѣльцовъ своими вымышленными разсказами.

([1]) Мы уже сказали выше, что присяга сія была 27 Апрѣля. *Переводч.*

Списки обреченнымъ на жертву лицамъ, которыхъ называли измѣнниками, розданы были по полкамъ, и Стрѣльцы возбуждены къ возобновленію безчинствъ, которые казались уже потушенными безвременною уступчивостію, при умерщвленіи девяти Стрѣлецкихъ Полковниковъ.

15 Мая, рано утромъ, толпы мятежниковъ прибѣгаютъ въ Знаменскій Монастырь, служатъ съ водосвятіемъ молебенъ объ успѣхѣ своего кроваваго предпріятія, берутъ образъ Богоматери, чашу освященной воды, и — при звонѣ набатныхъ колоколовъ, при звукѣ барабановъ — вламываются въ Кремль, подступаютъ къ Царскимъ чертогамъ, требуя выдачи Матвѣева и Нарышкиныхъ, которыхъ обвиняли въ мнимомъ убіеніи Царевича Іоанна. Тщетно стараются удержать преступныхъ, показавъ имъ обоихъ царственныхъ братьевъ. Стрѣльцы не вѣрятъ собственнымъ глазамъ своимъ, колеблются, кажутся укрощенными, — но вдругъ ярость ихъ воспламеняется снова. — »Хотя и не умерщвленъ Царевичь нынѣ (кричатъ они), но впредь умерщвленъ отъ Нарышкиныхъ быть можетъ!«

Стрѣльцы пускаются на новыя безчинства; въ это время выходитъ къ нимъ изъ дворца Начальникъ Стрѣлецкаго Приказа, Князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, называетъ ихъ бунтовщиками, осыпаетъ угрозами, и велитъ разойтися по домамъ. Но разъяренные не помнятъ своего долга; они, съ неудовольствіемъ, вспоминаютъ только прежнюю строгость Князя, схватываютъ его, и бросаютъ, съ Краснаго крыльца, на копья стоящихъ внизу товарищей, которые изрубили его

въ куски. Такая же участь постигла и несчастнаго Матвѣева.

Не удовольствовавшись сими двумя жертвами — толпа врывается во внутренность Царскихъ чертоговъ, извлекаетъ оттуда многихъ найденныхъ несчастливцевъ, и повторяя при каждомъ вопросъ: »братцы, тотъ ли это?« сбрасываетъ къ стоящимъ внизу сообщникамъ.

Такъ пали: Афанасій Нарышкинъ, братъ Царицы, Князья: Михаилъ Черкасскій ([1]), Григорій и Андрей Ромодановскіе, Бояринъ Иванъ Языковъ, Стольникъ Ивановъ и многіе Члены Царской Думы.

Кравчій Өедоръ Петровичъ Салтыковъ, котораго приняли за Нарышкина, отъ страха лишился языка, и былъ, такимъ образомъ, изрубленъ по ошибкѣ.

Восмидесятилѣтній старецъ Князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, ѣхавшій въ каретѣ, былъ остановленъ на улицѣ нѣсколькими Стрѣльцами (которые, передъ родителемъ, оправдывались въ убійствѣ сына), принужденъ былъ отворить убійцамъ свой погребъ и, сказавъ, въ силь-

---

([1]) »Сумароковъ, въ описаніи Стрѣлецкаго бунта, на стр. 31 говоритъ только, что Князь сей защищалъ Матвѣева; о смерти же его не упоминаетъ. А *Древней Россійской Вивліоѳики*, въ ч. VII, стр. 421 — 482, сказано, что 8 Іюля 1682 г. Князь участвовалъ въ крестномъ ходѣ изъ Успенскаго Собора къ церкви Казанскія Божіей Матери, и 13 числа сопровождалъ обоихъ Царей въ Троицко-Сергіевскій монастырь. Изъ сего должно заключить, что въ І-м. томѣ *Дѣяній Петра Великаго*, откуда вѣроятно заимствовалъ и Бергманъ свое показаніе, Князь Черкасскій неосновательно, включенъ въ число убитыхъ, а можно полагать, что онъ былъ только раненъ.«

номъ огорченіи, несчастную пословицу (*щука умерла, а зубы остались цѣлы*), навлекъ на себя погибель.

Въ спискѣ обреченныхъ на смерть жертвъ, стояло также имя *Даніила Гадена* ([1]), котораго не могло спасти и то, что онъ давно уже принялъ Греко-Россійскую вѣру; — его чародѣйству приписывали болѣзнь умершаго Царя, и подозрѣніе тѣмъ сильнѣе падало на сего безвиннаго несчастливца, что въ домѣ его видѣли морскихъ полиповъ и высушенную змѣиную кожу. Стрѣльцы убили Гаденова сына за то, что онъ не хотѣлъ или не могъ сказать имъ: гдѣ былъ въ то время отецъ его; равно лишился жизни и Голландскій врачь Гудменшъ ([2]), котораго сочли за Гадена; напослѣдокъ нашли сего послѣдняго, и повлекли его къ дворцу.

Стрѣльцы угрожали зажечь Царскіе чертоги, если имъ не выдадутъ Ивана Нарышкина, который скрывался въ деревянныхъ покояхъ Царевны Мар-

---

([1]) По показанію Рихтеровой Исторіи Медицины въ Россіи, т. II. стр. 322, этотъ Гаденъ, происхожденіемъ изъ Польскихъ Жидовъ (а не изъ Голандцевъ), прибылъ въ Москву Фельдшеромъ, тамъ крестился, и, въ послѣдствіи, Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ возведенъ на степень Доктора Медицины. Въ Curieusen Geschictskalender, 8. Leipz. 1698, §, 87, повторяется сказка объ отравленіи Ѳеодора, посредствомъ яблока, и это приписывается Гадену.

([2]) Схельтема называетъ этого врача Goedmesch (Gutmesch, добрый человѣкъ), и считаетъ его Голландцемъ, потому, что одинъ Янъ Гудменшъ, при Алексеѣ Михайловичѣ, былъ посланъ отъ Генеральныхъ Штатовъ, Хирургомъ въ Россію, гдѣ, пожалованный Царемъ Алексѣемъ въ Доктора, лишился жизни во время Стрѣлецкаго бунта..

ѳы Алексѣевны. — Желая отклонить исполненіе сей угрозы, страдалецъ оставилъ свое убѣжище, пріобщился Святыхъ Таинъ, и былъ выведенъ къ бунтовщикамъ Наталіею и Софіею.

Нарышкина и Гадена пытали: первый долженъ былъ сознаться въ томъ, что онъ покушался на жизнь Царевича Іоанна, но онъ не сознался, и не могъ ни въ чемъ сознаться; отъ втораго хотѣли исторгнуть показаніе, что онъ виновенъ въ смерти Царя Ѳеодора: Гаденъ, въ смертельномъ страхѣ, произносилъ несвязные отвѣты. — Веденный при допросахъ протоколъ былъ изорванъ, оба объявлены виновными — и изрублены на мѣстѣ.

Сіи ужасы продолжались три дня сряду; кровопролитіе было услугою Стрѣльцовъ духу партій; грабежъ и воровство не имѣли здѣсь мѣста; но въ теченіе этихъ трехъ дней 67 человѣкъ лишились жизни.

Одинъ только Стрѣлецкій полкъ, называвшійся, по мѣсту своего квартированія у Сухаревой башни, Сухаревымъ полкомъ, не участвовалъ въ бунтѣ, изъ уваженія къ своему Пятисотенному Василію Бурмистрову и Пятидесятнику Ивану Борисову.

Когда укротилась ярость бунтовщиковъ, они подступили къ Думѣ, и предавъ въ руки лишеннаго силы Правосудія прочихъ обвиненныхъ въ измѣнѣ, восклицали: »да здравствуютъ Царь Іоаннъ, Царевна Софія, и Царевичъ Петръ!« (1).

---

(1) *Голиков*. — Дѣян. — I. — 146 — 162; Дополнен. IV. — 1 — 17.

ГЛАВА III.

Коронованіе обоихъ Царей, 23 Іюня 1682 (1).

Во время трехдневнаго мятежа, партія Нарышкиныхъ казалась совершенно уничтоженною: старецъ Кирилъ Полуехтовичъ былъ принужденъ принять монашество, и отосланъ въ Кириловъ монастырь. Наталія оставалась одна съ своимъ малолѣтнымъ сыномъ, не находя нигдѣ и ни въ комъ защиты противъ опасностей.

Прежде нежели наступилъ 25 день Іюня, назначенный для коронованія обоихъ Царевичей, Софія, вмѣстѣ съ сообщниками убійства, возсѣдала уже за Царскимъ столомъ, обратила въ Казну помѣстья убіенныхъ въ Москвѣ, между 15 и 18 Мая, Бояръ, и роздала бунтовщикамъ монастырскія сокровища, до которыхъ прежніе Цари касались только въ самой крайней нуждѣ, или которыя грабили только разбойники, подобные Отрепьеву. Въ память столь знаменитаго подвига Стрѣльцовъ, Царевна приказала воздвигнуть, на Красной площади, каменный столбъ, и на желѣзныхъ доскахъ, утвержденныхъ наономъ, написать имена погибшихъ за свою мнимую измѣну, а въ похвальныхъ грамотахъ объявила поборниковъ мятежа — защитниками престола.

(1) Бергманъ, слѣдуя Голикову, пишетъ ошибочно, что вѣнчаніе Царей было 23 Іюня. Оно совершено 25 Іюня 1682 года.

Домогаясь, шакимъ образомъ, снискать любовь къ себѣ Стрѣльцовъ, Софія повелѣла, между шѣмъ, дѣлать въ Успенскомъ соборѣ пригошовленія для шоржества двойственной коронаціи.

Древнія Царскія утвари (живошворящій кресшъ, бармы Мономаха, Царскій вѣнецъ, скипетръ и держава) были только въ одномъ экземплярѣ, для старшаго Царевича; почему, для младшаго, по тому же образцу, изготовлены были другія бармы и крестъ, другой Царскій вѣнецъ, скипетръ и другая держава ([1]).

Ввечеру, наканунѣ коронаціи, совершалась во всѣхъ церквахъ въ Успенскомъ соборѣ самимъ Патріархомъ) обычная, при шакихъ случаяхъ, божественная служба.

Въ соборѣ, противъ самаго алтаря, устроено было, подъ балдахиномъ, высокое чертожное мѣсто, на которомъ, по правую руку, поставлены были, для будущихъ Владыкъ Россіи, два кресла, обитые бархатомъ, и украшенные золотомъ и драгоцѣнными каменьями; а по лѣвую сторону, кресло, поменьше, для Патріарха. Двѣнадцать ступеней и все чертожное мѣсто покрывались краснымъ сукномъ, а отъ ступеней до Царскихъ вратъ постланъ былъ желтый бархатъ для шествія Царей, а для Патріарха лазоревый. По обѣимъ сторонамъ стояли, покрытыя золотыми Персидскими коврами, двѣ скамьи для знатнѣйшаго Духовенства.

Сопровождаемый Священнымъ пѣніемъ и колокольнымъ звономъ, Патріархъ вошелъ въ Успенскій соборъ, къ ранней обѣднѣ.

Въ пятомъ часу дня, оба Царевича (въ парче-

([1]) S. Petersb. Journal, VII. S. 40 — 46. 119. 129. 164 — 170.

выхъ одеждахъ и шапкахъ), вступили въ Грановитую Палату, отослали къ Патріарху утвари, которыя несли Бояре, на золотыхъ блюдахъ, подъ пеленами, унизанными самоцвѣтными каменьями. Патріахръ положилъ утвари на шести, поставленныхъ на амвонѣ, налояхъ, унизанныхъ жемчугомъ, и послѣ молебна послалъ Князя Голицына съ другими Боярами—звать Царей во храмъ. Государи, съ Краснаго крыльца, пошли къ собору, по пути, который Протопопъ, съ крестомъ въ рукѣ, окроплялъ передъ ними Святою водою. За ними слѣдовали Бояре, Думные Дворяне, Дѣти Боярскіе и всякихъ чиновъ люди, а по сторонамъ шли, одаль, Солдатскіе и Стрѣлецкіе Полковники. По правую и по лѣвую руку, отъ крыльца до самаго собора, стояли ряды Стрѣльцовъ. Прибывъ во храмъ, Государи поклонились предъ алтаремъ трижды, и одинъ разъ предъ Патріархомъ, который благословилъ ихъ рукою, потомъ осѣнилъ крестомъ, и облобызалъ ихъ.

Послѣ исповѣданія вѣры, были вручены обоимъ Царямъ освященныя утвари и кресты, провозглашено многолѣтіе, отправлена обыкновенная божественная служба. — Патріархъ помазалъ Госурей Святымъ муромъ на лбу, на устахъ, на груди, на плечахъ и на рукахъ, потомъ отеръ все губкою, и сжегъ ее предъ алтаремъ. (Оставшіеся на Царяхъ пятна мура не долженствовали быть смыты прежде истеченія восьми дней.) — Повторивъ исповѣданіе вѣры предъ алтаремъ, Помазанники причастились Святыхъ Таинъ. По окончаніи божественной службы, Цари, по постланному красному сукну, пошли въ Церковь Архангела Михаила, гдѣ, среди гробовъ державныхъ предковъ,

взорамъ ихъ представлялся ихъ собственный будущій удѣлъ (¹).

(¹) Я считаю неизлишнимъ включить здѣсь подробное описаніе сей коронаціи, заимствованное мною изъ извѣстнаго сочиненія Г. Масальскаго, а имъ извлеченное изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ. Оно будетъ ненеинтересно и для читавшихъ уже книгу Г. Масальскаго. *Переводъ.* — »По прибытіи во храмъ Царей, на»чали имъ пѣть многолѣтіе. Они приложились къ ико«намъ, Спасовой ризѣ и мощамъ, и Патріархъ благосло»вилъ ихъ. Потомъ Государи и Патріархъ сѣли на »мѣста свои. Глубокая тишина воцарилась во храмѣ, »Государи, вставъ вмѣстѣ съ Патріархомъ, сказали »ему, что они желаютъ быть вѣнчаны на Царство »по примѣру предковъ ихъ и по преданію Святой Во»сточной Церкви. Патріахъ спросилъ: »какъ вѣруете »и исповѣдуете Отца и Сына и Святаго Духа?« — Го»судари сказали въ отвѣтъ Символъ Вѣры. — Послѣ то»го Патріархъ началъ рѣчь. Послѣ рѣчи, Царей облек«ли въ Царскія одежды. Съ налоевъ, стоявшихъ на ам«вонѣ, принесли два животворящіе креста Патріарху. »Онъ благословилъ ими Государей. Потомъ подали ему »на золотыхъ блюдахъ бармы и Царскіе вѣнцы. Онъ »возложилъ ихъ на Царей, вручилъ имъ скипетры и »державы, и посадилъ ихъ на Царскомъ мѣстѣ. Запѣ»ли имъ многолѣтіе. Патріархъ, Митрополиты, Ар»хіепископы, Епископы и все Духовенство встали съ »мѣстъ своихъ, поклонились и подзравили Государей. »Затѣмъ подзравляли ихъ Бояре и всѣ бывшіе въ цер»кви; а Патріархъ сказалъ имъ слѣдующее поученіе: »*Имѣйте страхъ Божій въ сердцахъ и сохраните Вѣ*»*ру нашу истинную чисту, непоколебиму; любите прав*»*ду и милость и судъ правый; будьте ко всѣмъ приступ*»*ны и милостивы и привѣтны. Отъ Бога дана вамъ* »*бысть Держава, и сила отъ Вышняго, васъ бо Господь* »*Богъ въ себѣ мѣсто избра на земли, и на престолъ* »*посади; милость и животъ положи у васъ. Едина до*»*бродѣтель отъ стяжанія безсмертная суть. Языка лъ*-

Такимъ образомъ, Іоаннъ и Петръ были коронованы на Царство—но царствовала одна Софія, довольная тѣмъ, что успѣла удалить отъ дѣлъ правленія Наталію Кириловну, и доставить первую царственную степень единоутробному своему брату. Не титла желала для себя Софія: она желала власти.

»*стива и слуха суетна не пріемлите Цари, ниже обол-*
»*гателя слушайте, ни злымъ человѣкомъ вѣры емлите,*
»*но разсуждайте все по Бозѣ въ правду. Подобаетъ му-*
»*дрымъ послѣдовати, на нихъ же воистину, Яко на*
»*Престолѣ, Богъ почиваетъ. Не тако красная міра*
»*вся, Яко же добродѣтель краситъ Царей. Имате и*
»*сами Царя, иже есть на небесѣхъ. Аще бо Онъ всѣми*
»*печется, сице потребно есть и вамъ Царемъ ничтоже*
»*презирати, и аще хощете милостива къ себѣ имѣти*
»*Небеснаго Царя, милостивы будите и Вы ко всѣмъ*
»*да и здѣ добрѣ и благо поживете и наслѣдники будете*
»*Небеснаго Царствія. И тогда пріимите неувядаемыя*
»*славы вѣнцы, и противъ своихъ Царскихъ подвиговъ и*
»*трудовъ пріимите отъ Бога мзду сторицею.*» — Потомъ
»началась литургія, въ продолженіе коей Цари стояли на древнемъ Царскомъ мѣстѣ, находившемся въ
»правой сторонѣ собора. Отъ сего мѣста къ Царскимъ вратамъ постлали алый бархатный коверъ,
»шитый золотомъ. Цари приблизились къ вратамъ
»Патріархъ вышелъ изъ алтаря. Митрополитъ принесъ но золотомъ блюдѣ, въ хрустальномъ дорогомъ
»сосудѣ Святое мvро. Цари, приложась къ Спасову образу, написанному Греческимъ Царемъ Эмануиломъ,
»къ иконѣ Владимірской Божіей Матери, написанной
»Св. Евангелистомъ Лукою, и къ иконѣ Успенія Богородицы, остановились предъ Царскими вратами, сняли вѣнцы, и отдали ихъ Боярамъ, вмѣстѣ со скипетрами
»и державами. Помазавъ Царей мvромъ, Патріархъ велѣлъ двумъ Ризничимъ и двумъ Діакономъ ввести ихъ въ
»алтарь чрезъ Царскія врата, и подалъ имъ съ дискоса

За нѣсколько недѣль предъ симъ (26 Мая) Патріархъ приглашалъ Софію раздѣлить съ братьями власть и бремя Царскихъ обязанностей, и поддержать неопытныхъ юношей зрѣлымъ своимъ разсудкомъ. — Властолюбивая Царевна, казалось, сперва отвергала сію просьбу, казалось страшилась всей тягости короны, но напослѣдокъ, какъ бы преодолѣвъ себя мало по малу, согласилась принять званіе Правительницы Государства.

Самые противники Софіи отдаютъ должную справедливость ея талантамъ, и уважаютъ въ

»часть животворящаго тѣла и потиръ съ кровію Хри»стовой. Государи, причастившись, вышли изъ алтаря. »Потомъ Патріархъ подалъ имъ часть антидора, и »по принятіи онаго, Цари надѣли вѣнцы, взяли ски»петры и стали на своемъ мѣстѣ. По окончаніи ли»тургіи, всѣ поздравляли Царей съ помазаніемъ мvромъ »и съ причащеніемъ Святыхъ Таинъ, а они пригласили »Патріарха, весь Соборъ Митрополитовъ, Архіепис»коповъ и Епископовъ, также Бояръ, Окольничихъ и »Думныхъ Дворянъ къ своему Царскому столу. Когда »Цари, въ вѣнцахъ и бармахъ, вышли изъ собора, Си»бирскіе Царевичи Григорій и Василій Алексѣевичи »осыпали ихъ золотыми монетами. Народъ, въ безчи»сленномъ множествѣ собравшійся на площади, при»вѣтствовалъ Государей продолжительными радост»ными восклицаніями. Государи, по постланному крас»ному сукну, пошли къ церкви Архангела Михаила, цѣло»вали тамъ Святыя иконы, мощи Св. Царевича Димит»рія, гробницы дѣда ихъ Государей, родителя и бра»та, и прочія гробницы. Когда они вышли изъ церкви »на паперть, Сибирскіе Царевичи снова осыпали ихъ »золотомъ. Потомъ, приложась къ иконамъ въ церкви »Благовѣщенія Пречистыя Богородицы, они были »еще осыпаны золотомъ трижды, по выходѣ изъ хра»ма, тѣми же Царевичами. Потомъ, чрезъ Постель»ное крыльцо, они возвратились въ свои Царскіе чертоги.«

ней мудрую Правительницу, покровительницу Искусствъ, и женщину - поэта; охуждаютъ только непомѣрное ея властолюбіе, и всѣ сопряженные съ нимъ пороки.

Изъ первыхъ постановленій ея, нельзя не замѣтить здѣсь Указовъ 27 Декабря 1682 и 4 Января 1683, имѣвшихъ цѣлію ограниченіе роскоши, и опредѣлявшихъ, на сколькихъ кто лошадяхъ имѣлъ право ѣздить, и то на короткихъ возжахъ и съ короткими бичами, подъ опасеніемъ, за нарушеніе сего, денежной пени и тѣлеснаго наказанія—батогами и кнутомъ (1).

Другимъ Указомъ (отъ 22 Марта 1683) велѣно возмутителей общественнаго спокойствія, вмѣсто смертной казни, наказывать кнутомъ (2).

Въ день коронанія Царей повышены, въ своихъ званіяхъ, многіе значительные люди: въ числѣ ихъ возведенъ на степень Боярина, прославив-

---

(1) *Чулковъ.* — Словарь Юридическій, ч. II. 105 — 106.— Ук. 27 Дек. 1682: »Боярамъ и Окольничимъ, и Думнымъ Дьякамъ ѣздить въ городъ, или куда похотятъ, »лѣтомъ въ каретахъ, а зимою въ саняхъ на двухъ »лошадяхъ, а въ праздничные дни въ каретахъ и саняхъ на 4 лошадяхъ, а на свадьбы цугомъ. Спальникамъ, Стольникамъ, Стряпчимъ и Дворянамъ ѣздить »зимою въ саняхъ на одной лошади, а лѣтомъ верхомъ; а парою въ каретахъ и саняхъ не ѣздить.»— (Ук. 4 Янв. 1683): »Никому, какого бъ кто званія ни »былъ, въ саняхъ на возжахъ съ большими бичами не »ѣздить, но по прежнему съ возницами; а извощиковъ, »ѣдущихъ на возжахъ, ловить и приводить въ Стрѣлецкой приказъ; за первой приводъ бить батоги и »брать приводныя деньги, за второй кнутомъ, взявъ »приводныя деньги вдвое, за третіей кнутомъ же и »ссылать въ ссылку.»

(2) *Чулков.* Юридич. Словарь, II, 108.

»шинной вѣры, образовъ и книгъ!» — Глава Церкви и все знатнѣйшее Духовенство были вызываемы на публичное словопреніе о вѣрѣ.

Іоакимъ, молившійся въ Успенскомъ соборѣ, со всѣмъ высшимъ Духовенствомъ, о защитѣ Православной Церкви, послалъ къ собравшимся у храма Архангела Михаила толпамъ раскольниковъ, пришедшихъ съ зазженными свѣчами, древними иконами, книгами, тетрадями и налоями, дворцоваго Протопопа Василія, для увѣщанія ихъ и народа; но посланнаго прогнали—и едва не убили. Самъ Патріархъ принужденъ былъ скрыться.

Обѣ противныя партіи, по проискамъ стараго Хованскаго (тайнаго приверженца раскола), собрались въ Грановитой Палатѣ, именно, съ одной стороны: Патріархъ, Митрополиты, Архіепископы, Епископы и другія духовныя особы, принесшіе съ собою множество древнихъ Греческихъ и Славянскихъ хартій и книгъ, дабы доказать ими необходимость Никоновскихъ исправленій и нововведенній (что противники почитали величайшимъ соблазномъ); а съ другой стороны: Никита, съ знатнѣйшими изъ своихъ приверженцевъ, домогавшихся того, чтобы ихъ вѣра восторжествовала не только надъ обоими Царями, но также надъ Наталіей, Татьяной, Софіей и Маріей.

Никита подалъ челобитную, исполненную дерзкихъ выраженій, и не только съ горячностію словами защищалъ свои доводы, но хотѣлъ даже ударить крестомъ Холмогорскаго Архіепископа Аѳанасія, за то, что сильныя убѣжденія сего Пас-

шыря обращали ни во что всю горячность Пустосвята ([1]).

Увлеченный болѣе разсудительными людьми изъ дворца, Никита возвѣстилъ своимъ приверженцамъ мнимую свою побѣду. Шумъ увеличивался. Правосудіе не должно было медлить. Зачинщиковъ схватили, предали Свѣтскому Суду, и казнили смертію ([2]). Но упорство, которымъ отличались они въ жизни, не оставило ихъ и въ послѣднія минуты.

Отъ одного изъ нихъ (это не былъ ли самъ Никита?) требовали, чтобъ онъ раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ, предлагая ему за сіе и жизнь и свободу;

([1]) Голиковъ (Дѣян. ч. I. стр. 164) заставляетъ одинадцатилѣтняго Героя, Петра, во время этого безпорядка, встать съ мѣста, снять съ себя вѣнецъ, и воскликнуть: »Пока сей вѣнецъ на главѣ моей, и душа въ тѣлѣ моемъ »пребудетъ, не попущу на Церковь Святую воевать, и правую вѣру неправою нарицати; и какъ самъ »оную держу, матерію нарицаю, вѣрую, что она есть, «правая и истинная, тако и всѣмъ повелѣваю!« Но такъ какъ мы незнаемъ: что принадлежитъ изъ сей рѣчи юному Царю и что его Историку, то лучше согласимся, что Царь при этомъ случаѣ не говорилъ ничего. *Сочин.*

Дѣйствительно, во время этого знаменитаго словопренія, Петра I вовсе не присутствовалъ въ Грановитой Палатѣ. См. 1) Увѣтъ Духовный, соч. Патріарха Іоакима; 2) Лѣтопись Монаха Сильвестра Медвѣдева, бывшаго вмѣстѣ съ Патріархомъ, очевидцемъ описаннаго происшествія; 3) третіе посланіе Митрополита Игнатія, и проч. Во всѣхъ сихъ актахъ нѣтъ ни слова, о разсказываемомъ Голиковымъ, геройскомъ поступкѣ Петра.

([2]) Curieuser Geschichtskalender (стр. 88) полагаетъ, что казнь сія происходила 1 Августа 1682. — *Соч.* По Рус-

но закоренѣлый въ ереси раскольникъ перекрестился только двумя перстами, и—смѣло положилъ голову на плаху.

скимъ же достовѣрнымъ фактамъ извѣстно, что Никита казненъ 6 Іюля 1682.

ГЛАВА V.

Казнь Хованскихъ, 1683.

Едва утихли въ Москвѣ безпокойства, какъ изъ нихъ, вскорѣ, возстали новыя волненія: двое Хованскихъ были обвинены, осуждены и казнены въ одно и тоже время. Стрѣльцы хотѣли мстить за нихъ, подняли оружіе, но побѣждены безъ кровопролитія.

Потомство — оправдывало, то обвиняло Хованскихъ, и поступало въ обоихъ случаяхъ справедливо.

Князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, склонивъ Царскую фамилію къ безславному словопренію о вѣрѣ, подстрекалъ, между тѣмъ, суевѣровъ къ дальнѣйшимъ дерзостямъ, которыхъ не могли обуздать ни кнутъ, ни сѣкира.

Чрезъ мѣру потворствуя Стрѣльцамъ, Хованскіе попустили имъ безчинства всякаго рода: Стрѣльцы за бездѣлицу получили имущества погибшихъ въ Маѣ мѣсяцѣ жертвъ; самовольно взяли подъ стражу Стольника Барсукова и Солдатскаго Полковника Кравкова ([1]), и оковавъ ихъ, терзали безчеловѣчно на своихъ правежахъ, взыскивая съ нихъ большія суммы денегъ, по лож-

([1]) Этотъ *Кравковъ* долженъ быть не кто другой, какъ Полковникъ Бутырскаго полка *Крагеофъ*: привычка коверкать, на Русскій ладъ, иностранныя имена существуетъ у насъ еще и нынѣ.

нымъ своимъ препензіямъ; а заслуженнаго Полковника своего Янова, схватили въ то время, когда онъ находился въ походѣ; привезли окованнаго въ Москву, и казнили публично.

Кичливость молодаго Хованскаго раздражала негодованіе Софіи тѣмъ болѣе, что самый любимецъ ея, Милославскій, уважаемый впрочемъ и Стрѣльцами, поссорившись однажды съ старымъ Княземъ, принужденъ былъ въ бѣгствѣ искать своего спасенія.

Такъ какъ послѣ этого происшествія, Хованскіе вскорѣ были объявлены измѣнниками, то намъ позволено подозрѣвать, что здѣсь дѣйствовали месть и оскорбленное самолюбіе Царевнина любимца, и что Милославскій частныхъ враговъ своихъ старался ввергнуть въ ту же бездну, въ которую происки его низринули несчастнаго Матвѣева.

. Софія, устрашенная навѣтами и ослѣпленная доводами, рѣшилась погубить Хованскихъ

Можно предполагать, что все сіе было дѣломъ Милославскаго (въ чемъ соглашается и Князь Щербатовъ). Въ Сентябрѣ 1683 Дворъ находился въ селѣ Коломенскомъ. 2-го числа, на воротахъ дворца, нашли прибитое гвоздемъ предостерегательное письмо, съ надписью: *Вручить Государынѣ Царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ*. Письмо сіе было слѣдующаго содержанія (1): »*Царемъ Государемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ, извѣщаютъ Московской Стрѣлецъ, да два человѣка Посадскихъ на воровъ*

(1) Выписываемъ здѣсь это письмо вполнѣ: Бергмана содержаніе онаго изложено кратко. *Переводч.*

на измѣнниковъ, на Боярина Князь Ивана Хованскаго, да на сына ево Князь Андрея. На нынѣшнихъ недѣляхъ призывали они насъ къ себѣ въ домъ девяти человѣкъ пѣхотнаго чина, да пяти человѣкъ Посадскихъ, и говорили, чтобы помогали имъ доступити Царства Московскаго, и чтобы мы научали свою братью Вашъ Царской корень известь, и чтобъ придти большимъ собраніемъ изневѣсть въ городъ, и называть васъ Государей еретическими дѣтьми, и убить васъ Государей обоихъ, и Царицу Наталью Кириловну, и Царевну Софію Алексѣевну, и Патріарха, и властей; а на одной бы Царевнѣ Князь Андрею жениться, а достальныхъ бы Царевенъ постричь и разослать въ дальніе монастыри; да Бояръ побить Одоевскихъ троихъ, Черкасскихъ двоихъ, Голицыныхъ троихъ, Ивана Михайловича Милославскаго, Шереметьевыхъ двоихъ, и иныхъ многихъ людей изъ Бояръ, которые старой вѣры не любятъ, а новую заводятъ; а какъ то злое дѣло учинятъ, послать смущать во все Московское Государство по городамъ и по деревнямъ, чтобъ въ городѣхъ посадскіе люди побили Воеводъ и приказныхъ людей, а крестьянъ поучать, чтобъ побили бояръ своихъ и людей боярскихъ; а какъ Государство замутится, и на Московское бъ Царство выбрали Царемъ ево Князь Ивана, а Патріарха и властей поставить ково изберутъ народомъ, которыя бы старыя книги любили; и цѣловали намъ на томъ Хованскіе крестъ, и мы имъ въ томъ во всемъ, что то злое дѣло дѣлать намъ вообще крестъ цѣловали жъ; а дали они намъ всѣмъ по двѣсти рублевъ человѣку, и обѣщалися предъ образомъ, что если они того доступятъ, пожаловать насъ въ ближніе люди, а Стрѣльцамъ велѣлъ на-

говаривать: которые будутъ побиты, и тѣхъ животы и вотчины продавать, а деньги отдавать имъ Стрѣльцамъ на всѣ приказы (1). *И мы три человѣка, убояся Бога, не хотя на такое дѣло дерзнуть, извѣщаемъ Вамъ Государемъ, чтобы Вы Государи Свое здравіе сберегли. А мы холопи Ваши нынѣ живемъ въ похоронкахъ; а какъ Ваше Государское здравіе сохранится, и все Богъ утишитъ, тогда мы Вамъ Государемъ объявимся: а имянъ намъ своихъ написать невозможно, а примѣтъ у насъ, у одного на правомъ плечѣ бородавка черная, у другова на правой ногѣ поперекъ берца рубецъ, посѣчено, а третьяго объявимъ мы, потому что у него примѣтъ никакихъ нѣтъ.*

Какъ ни кажется невѣроятнымъ, чтобы Хованскіе могли ввѣрить свою тайну — а съ нею и свою участь — четырнадцати негодяямъ; но, не смотря на сіе, Софія, со всѣмъ Дворомъ, бѣжала изъ Коломенскаго въ Савинъ монастырь, а оттуда въ село Воздвиженское.

Милославскій усиливалъ подозрѣніе на обвиняемыхъ, съ одной стороны, приверженностію отца къ раскольникамъ, а съ другой, высокомѣріемъ и дерзостію сына, похвалявшагося публично: »что онъ, происходя отъ Ягеллоновъ, можетъ вступить въ бракъ съ Царевною Екатериною Алексѣевною, и быть Самодержцемъ Росссіи.« (2).

(1) Полки назывались также Приказами. — *Перев.*

(2) Въ общемъ Гербовникѣ Россійской Имперіи сказано, что родъ Князей Хованскихъ происходитъ отъ Гедимина, Великаго Князя Литовскаго, а родъ сего послѣдняго отъ Великаго Князя Владиміра.—Сынъ Боярина Артамона Матвѣева, Графъ Андрей Матвѣевъ, въ своей лѣтописи, между прочимъ пишетъ о Хованскихъ,

Немедленно посланы были въ разные города Царскія грамоты, призывавшія вѣрныхъ сыновъ отечества явиться къ Государямъ, для защиты ихъ противъ Хованскихъ, *для очищенія Царствующаго града Москвы отъ воровъ и измѣнниковъ, и для отмщенія невинной крови,* Стрѣльцами, во время бунта 15 Мая 1682, пролитой. Обвиняемыхъ въ измѣнѣ, льстивою грамотою, пригласили въ Воздвиженское, и заключили подъ стражу.

Тщетно старикъ Хованскій увѣрялъ въ своей невинности; тщетно заклиналъ присутствовавшихъ Бояръ выслушать его оправданіе, и дать ему очную ставку съ его тайными обвинителями: Князьямъ прочли изготовленный заранѣе (по наущенію Милославскаго) приговоръ, и въ тотъ же день, т. е., 17 Сентября, обоимъ отрубили головы.

Изданною, въ тоже время, объявительною грамотою, казненные Хованскіе обвинялись: въ са-

---

что отецъ былъ человѣкъ трусливый, а сынъ легкомысленный и вѣтренный. Далѣе Матвѣевъ оправдываетъ Хованскихъ, говоря, что обвиненіе ихъ въ умыслѣ противъ Царскаго Дома и Бояръ, было слѣдствіемъ личной злобы и коварства Боярина Милославскаго, и ссылается въ семъ случаѣ *на догадку старожилыхъ людей,* тогдашнихъ *политиковъ Московскихъ*. Но догадка сія весьма сомнительна, хотя, какъ кажется, и вѣритъ ей нашъ Авторъ. Означенные политики полагали, что Милославскій рѣшился оклеветать и погубить Хованскихъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, изъ боязни, чтобы чрезъ Хованскихъ, пріобрѣтшихъ особенную любовь Стрѣльцовъ, не открылось участіе его, Милославскаго, въ бунтѣ 15 Мая; во вторыхъ, изъ опасенія, чтобы Хованскіе, пользуясь вліяніемъ своимъ на Стрѣльцовъ, не пріобрѣли слишкомъ большой силы. Дабы оцѣнить достовѣрность сихъ причинъ и повѣствованія

моуправствѣ, въ раздачѣ Государственныхъ денегъ безъ Царскихъ Указовъ, въ самовольномъ содержаніи разныхъ лицъ подъ стражею, въ потворствѣ Надворной пѣхотѣ (Стрѣльцамъ), съ отягощеніемъ другихъ подданныхъ и монастырей, въ ложномъ объявленіи Царскихъ Указовъ, въ неуваженіи къ Дому Царскому, и презрѣніи ко всѣмъ другимъ Боярамъ, въ связи съ раскольниками и Никитою-Пустосвятомъ, въ замыслѣ ниспровергнуть Православную Церковь, и въ неисполненіи Царскихъ повелѣній объ отправленіи полковъ въ Кіевъ, въ село Коломенское и противъ Калмыковъ и Башкирцевъ, и, напослѣдокъ, въ умыслѣ истребить Царскій Домъ и овладѣть Московскимъ Государствомъ.

Лучшимъ оправданіемъ обоимъ несчастливцамъ служитъ та поспѣшность, съ какою совершена казнь ихъ.

Между тѣмъ, покорные Царскимъ грамотамъ,

Матвѣева, должно не упустить изъ вида: 1) что Милославскій погубилъ Боярина Матвѣева, отца лѣтописца; 2) что посему нельзя вполнѣ полагаться на безпристрастіе сего послѣдняго, тѣмъ болѣе, что онъ приписываетъ Милославскому всѣ возможныя злодѣянія, и называетъ его *скорпіономъ;* 3) что Милославскій былъ другъ стараго Хованскаго, и по его старанію сей послѣдній былъ сдѣланъ начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа; и 4) что Милославскому нечего было опасаться, чтобы Хаванскіе не открыли участія его въ бунтѣ 15 Мая: ибо Софія очень хорошо знала о семъ участіи, которое послужило къ возведенію ея въ Правительницы Государства. Впрочемъ, чего неопасается, какимъ другомъ не пожертвуетъ преступный честолюбецъ? И могло ли быть доступно чувство искренней дружбы сердцу такого человѣка, каковъ Милославскій?

всякихъ чиновъ люди и войска, собрались (въ числѣ отъ 30,000 до 100,000 человѣкъ) къ Троицко-Сергіевскому монастырю, гдѣ находился тогда Дворъ; требовали позволенія идти на Москву, и истребить всѣхъ Стрѣльцовъ. Но такъ какъ Царская фамилія не знала достовѣрно: должно ли ей чего либо опасаться, то защитники Престола и были разставлены отрядами въ окрестностяхъ столицы.

Опасенія не были напрасны: желая отмстить за смерть отца и брата, меньшой сынъ Хованскаго покинулъ занимаемую имъ, при Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, должность Стольника; бѣжалъ въ Москву, и воспламенилъ Стрѣльцовъ до такой степени, что они немедленно разграбили пушечную ружейную и пороховую казну (Арсеналъ), разставили вездѣ свои караулы, и укрѣпились въ Москвѣ. Звукъ оружій, неистовые крики и угрозы раздавались по улицамъ.

Въ это время, изъ Троицко-Сергіевскаго монастыря, прибылъ въ Москву Стольникъ Зиновьевъ съ Царскою грамотою, въ коей описывались преступленія и казнь Хованскихъ. — «Къ монастырю!» кричали мятежники: «и перерѣжемъ тамъ всѣхъ!» Но едва буйные безумцы узнали о выставленной противъ нихъ силѣ — какъ вдругъ дерзостное самохвальство ихъ превратилось въ обыкновенную при такихъ случаяхъ робость; одушевленные еще незадолго кровавымъ мщеніемъ, они думали теперь только о томъ: какъ бы поскорѣе умилостивить Государей. При такомъ положеніи дѣлъ, Бояринъ Михаилъ Петровичъ Головинъ, коему ввѣрено было правленіе Москвы, безъ труда возстановилъ въ ней спокойствіе, обезоружилъ Стрѣльцовъ, и принудилъ

выдать виновныхъ. Двѣ или три тысячи изъ нихъ, пріобщася Святыхъ Таинъ, простились съ женами и дѣтьми, и отправились въ монастырь къ наказанію, неся, въ знакъ повинности, двое по плахѣ, а третій по топору. Но только тридцать зачинщиковъ мятежа казнены смертію; Хованскій же сосланъ въ Сибирь.

Передъ выѣздомъ Государей изъ монастыря, дано было повелѣніе, чтобы всѣ вѣрные Престолу жители Москвы вооружились; но такъ какъ Стрѣльцамъ именно воспрещалось это, то обстоятельство сіе возродило въ нихъ новыя опасенія: они прибѣгли къ Патріарху, и онъ успокоилъ ихъ, поручившись предъ Царями за ихъ будущую вѣрность. Напослѣдокъ, Дворъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ столицу. По обѣимъ сторонамъ дороги стояли безоружные Стрѣльцы, и, падая на землю, громогласно благодарили Государей за свое помилованіе. Во взорахъ и тѣлодвиженіяхъ Петра замѣтно было негодованіе и, вмѣстѣ, мужественная твердость духа. Передъ Москвою Начальники Стрѣлецкіе поднесли Государямъ хлѣбъ-соль, и вручили обратно жалованныя имъ (за бунтъ 15 Мая 1682) грамоты, что служило какъ бы сознаніемъ въ двукратномъ преступленіи. Воздвигнутый въ честь ихъ, на Красной площади, столбъ, посредствомъ другой, сдѣланной на немъ надписи, превратился въ памятникъ предосторожности и угрозы.

Болѣе всего былъ чувствителенъ для Стрѣльцовъ Царскій Указъ, содержаніе коего обнаруживало ясно, какъ много затруднялось до селѣ ихъ поступками Правосудіе.

» Чтобы заслужить дарованное имъ за ихъ » тяжкія преступленія помилованіе (сказано въ

«Указѣ), должны они впредь: зачинщиковъ безпо-«койствъ объявлять и приводить въ Стрѣлецкій «Приказъ, а отнюдь ихъ не укрывать; мятеж-«ныхъ Ясяковъ и шуму въ Кремлѣ и Приказахъ не-«заводить; никого безъ Указа собою не брать и «подъ караулы не сажать, никого не безчестить, «не грабить и не убивать; а о своихъ нуждахъ про-«сить въ томъ мѣстѣ, гдѣ слѣдуетъ, и проч.

«А буде кто изъ нихъ» (прибавлено въ зак-«люченіи) «презрѣвъ ихъ Государей премногую и «высокую милость, въ какомъ мѣстѣ нибудь преж-«нее дѣло хвалить и похваляться смертнымъ убій-«ствомъ, или затѣвать для смуты какія вымыш-«ленныя слова также какъ прежде сего, или будетъ «кто учнетъ какую смуту къ воровству заводить, «или кто про то вѣдая не извѣститъ, и того вора не «поимаетъ и учинитъ ему понаровку, и таковыхъ, «за начинаніе тѣхъ воровскихъ дѣлъ, казнить смер-«тію, безъ всякаго милосердія, и чтобъ ворамъ и «мятежникамъ о томъ было страшно и помыш-«лять, не только затѣвать, и чтобъ впредь та-«кого начинанія отнюдь не было и не мыслили ни-«какимъ образомъ.» ([1]).

По усмиреніи мятежа, Софія назначила любим-ца своего Шакловитаго на мѣсто стараго Хован-скаго, одарила его богатствомъ, и возвела въ зва-ніе Окольничаго.

([1]) *Голиков.* Дополнеп. IV. 42 — 49 и слѣд. — De la Neuville relation curieuse et nouvelle de Moscou 12 à la Haye 1699 p. 51 — 55.

ГЛАВА VI.

Приготовленія къ войнѣ съ Турками.

Миръ царствовалъ внутри и внѣ Россіи. Польская республика, по окончаніи войны съ Турками, сѣтовала о потерѣ Каменца; Шведское Правительство раздражало своихъ подданныхъ самовластіемъ и редукціею имѣній, а потому оставляло Сѣверъ въ покоѣ.

Между тѣмъ, Царскій Кабинетъ обращалъ все вниманіе на новые мирныя предложенія своихъ сосѣдей.

Крымскій Ханъ Муратъ-Гирей обѣщалъ (13 Окт. 1683) вѣрное соблюденіе двадцатилѣтняго перемирія (1).

Молдавскій Господарь изъявилъ согласіе (1 Янв. 1684) быть подвластнымъ Россіи; (2) и Калмыцкій Ханъ Аюка (24 Янв. 1685), увѣряя въ соблюденіи мира и тишины, обѣщалъ не раззорять Царскихъ городовъ, и не только не слушать непріязненныхъ внушеній, особенно со стороны Крыма, но еще подкрѣплять Русскія войска своими (3).

Польская республика, отказавшаяся, Андрусовскимъ перемиріемъ (21 Апрѣля 1683), отъ городовъ Смоленска и Кіева, съ ихъ окрестностями, не

(1) Крымскія Дѣла въ Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи иностр. д. N. 64 — 68.

(2) Молдавскія Дѣла, тамъ же, N. 11.

(3) Калмыцкія Дѣла — N. 8.

отказалась, однако же, отъ своихъ на города сіи притязаній ([1]).

Еще со времени безпокойствъ, возникшихъ въ Россіи съ смертію или съ слабостію Ѳеодора Іоанновича, Русскій Скипетръ обладалъ частію Балтійскаго моря, и, еще ранѣе, самою Нарвою и Дерптомъ.

По Тявзинскому миру (заключенному въ Тявзинѣ, на Наровѣ, 18-го Мая 1595), Эстляндское Герцогство перешло во владѣніе Шведовъ, а Кексгольмъ оставался за Русскими ([2]), пока Василій Іоанновичъ Шуйскій (1608) не уступилъ его Швеціи, за присылку 5000 человѣкъ вспомогательнаго войска ([3]), которое, подъ предводительствомъ Графа Якова де-ла-Гарди, освободило тогда осажденную столицу Россіи; но, не получая платы — вмѣсто того чтобы подать помощь Смоленску — частію перешло къ Полякамъ, частію же возвратилось во свояси, опустошивъ, на пути, Царскія владѣнія, и завоевавъ Новгородъ, Ладогу и весь Русскій берегъ Балтійскаго моря ([4]). Угнетенные Новгородцы просили въ Цари сына Шведскаго Короля (11 Іюля 1611) ([5]); но избраніе на престолъ Михаила Ѳеодоровича было поводомъ къ возобновленію войны, окончившейся,

---

(1) Польскія Дѣла, N. 134, 135. — *Голиковъ.* Дополн. IV. стр. 25 — 26.

(2) Пергаментный подлинникъ сего мирнаго договора хранится въ Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, между Шведскими Дѣлами подъ N. 12. — Schlüssel zum Nystädtsehen Frieden, 8. Nürnbrg, 1722 стр. 164 165.

(3) Шведскія Дѣла N. 13, 14, — и Schlüssel zum Nystädtschen Frieden, стр. 166 — 170.

(4) Schlüssel zum Nystädtschen Frieden, стр. 170 — 171.

(5) Шведскія Дѣла N. 1. 6.

однако же въ пользу Шведовъ, которымъ, въ слѣдствіе бывшихъ въ деревнѣ Столбовѣ (между Тихвиномъ и Ладогою) переговоровъ, 27 Февраля 1617, достались вся Карелія и Ингерманландія (1). По случаю возшествія на тронъ Пфальцграфа Карла Густава, Царское войско (1655) вступило въ Ингерманландію, между тѣмъ, какъ главныя силы, наступивъ на Лифляндію, отняли у Шведовъ, незадолго предъ тѣмъ завоеванный ими, Динабургъ,—заняли крѣпости Кокенгузенъ и Кирхгольмъ; но тщетно осаждали Ригу (съ 22 Августа по 5 Октября), и потеряли при сей осадѣ до 10,000 человѣкъ.

Русскіе взяли Дерптъ, но должны были уступить Нётебургъ, а 20 Декабря 1658 —заключили трехлѣтнее перемиріе (2), служившее основаніемъ постановленному, въ слѣдствіе дальнѣйшихъ переговоровъ, 21 Іюня 1661, въ Кардинѣ (между Ревелемъ и Дерптомъ), такъ называемому вѣчному миру, условія коего изложены въ тридцати статьяхъ, возобновившихъ статьи Столбовскаго трактата (3).

12-го Октября того же года, Кардинскій трактатъ окончательно утвержденъ на рѣкѣ Плюсѣ (4), и сохранялся свято какъ при Алексеѣ Михайловичѣ, такъ и при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, потому, что перваго возрастающая старость, а втораго

(1) Пергаментный подлинникъ сего, изъ 33 статей состоящаго трактата, хранится въ Московскомъ Архивѣ Государств. Колл. Ин. Д., между Шведскими дѣлами, подъ N. 21.

(2) Шведскія Дѣла — N. 40.

(3) Тамъ же, — N. 46.

(4) Тамъ же, — N. 53.

другія воинскія заботы заставляли пренебрегать берегами Балтики.

По возшествіи на престолъ Іоанна и Петра, послѣдній трактатъ потвержденъ Карломъ XI-мъ (30 Октября 1683) ([1]), и въ Москвѣ (22 Мая 1684), по ходатайству Шведскаго Посла Барона Гилленштирны, ратификованъ обоими Царями; причемъ опредѣлены правила: о взаимномъ титуловaніи Россійскихъ и Шведскаго Государей, о свободномъ отправленіи Греко-Россійской вѣры въ Эстляндіи, Ингерманландіи и Кареліи, о возобновленіи пограничныхъ знаковъ, о выдачѣ Посламъ денегъ, вмѣсто съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, о разбирательствѣ жалобъ Русскихъ не Бургомистрами и не Ратманами, а въ Стокгольмской Канцеляріи, и т. д. ([2]).

Успѣшнѣе, для тогдашняго времени, шли переговоры съ Польшею и Австріей.

Іоаннъ Собіескій и Леопольдъ съ огорченіемъ вспоминали насилія и безчинства Оттомановъ,—во время войнъ, хотѣли мстить за нихъ, желали чтобы вооружилось все Католико-Греческое Христіанство, изъявили желанія свои тогдашнему Россійскому Правительству, и весною 1684 года прислали въ Москву Бароновъ: Цирову Цираковскаго и Себастіана Бломберга, съ представленіями о необходимости всеобщей войны противъ Турокъ.

По приказанію Софіи, Посольство сіе (14 Мая) было встрѣчено почти цѣлою арміею, и угощаемо со всею Азіятскою роскошью.

Духъ времени говорилъ словами Пословъ, въ

---

(1) Тамъ же, — N. 58.
(2) Тамъ же, — N. 60.

сказанной ими, во время аудіенціи, рѣчи: «подобно «двумъ ученикамъ Спасителя, призваны здѣсь Бо«гомъ два Великіе Царя къ великой цѣли: одинъ «предназначенъ блюсти правосудіе, другой повелѣ«вать въ войнѣ; удѣлъ одного — оружіе, удѣлъ дру«гаго — миръ!»

Хотя Россійское Правительство, для собственныхъ выгодъ, и могло желать новой войны, которая положила бы конецъ грабительствамъ Крымцевъ; но Голицынъ все еще медлилъ, потому что Польша, имѣя притязанія на значительныя Провинціи Россіи, владѣла уже частію оныхъ.

Папа Иннокентій XI, Шведскій Король Карлъ XI, Саксонскій Курфирстъ Іоаннъ Георгъ III и Молдавскій Господарь, присовокупили свои просьбы къ представленіямъ Вѣнскаго и Варшавскаго Кабинетовъ ([1]), надѣясь склонить Царскій Дворъ ко вступленію въ союзъ сей, безъ всякихъ условій. Но постоянная твердость Русскаго Правительства заставила Іоанна Собіескаго пожертвовать тѣмъ, что ему не принадлежало болѣе — въ той надеждѣ, что, такъ называемый, природный врагъ за все вознаградитъ его.

Напослѣдокъ, 26 Апрѣля 1686 года, въ Царской Грановитой палатѣ заключенъ, подъ покровительствомъ Папы, сей, столь долго несовершавшійся, наступательный и оборонительный союзъ. Иностранные и Россійскіе Уполномоченные (съ Польской стороны: Христофъ Гримультовскій, Воевода Познанскій, съ Княземъ Марціаномъ Огинскимъ, Канцлеромъ Липовскимъ, — а съ Русской, Ближніе

([1]) Польскія Дѣла, N. 140. *Голиков.* Дополн. IV. стр. 47 48.

Бояре: Князь Василій Васильевичь Голицынъ и Борисъ Петровичь Шереметевъ ([1]) — цѣловали крестъ и Евангеліе, а Цари, вставъ съ своихъ мѣстъ, обѣщали, предъ Евангеліемъ же, что они и преемники ихъ будутъ соблюдать союзъ сей нерушимо. Подарки, полученные при семъ случаѣ Княземъ Голицынымъ (золотая чаша вѣсомъ въ 9 фунтовъ, кафтанъ въ 500 рублей, и, въ окрестностяхъ Нижняго - Новгорода, волость Богородицкая въ 3,000 дворовъ)— показываютъ ясно, сколь высоко цѣнилось участіе его въ заключеніи союза ([2]).

Положено было, чтобъ союзники (въ томъ числѣ и Венеціане) тѣснили Турокъ: Польскими силами, со стороны Бѣлграда, Австрійцы заняли бы непріятеля въ Венгріи и Трансильваніи, а Русскіе завладѣли бы Крымскимъ полуостровомъ, и чтобы никто не заключалъ мира безъ общаго согласія всѣхъ воюющихъ Державъ.

Дабы, во время войны, не терпѣли мирные граждане, то послѣднимъ (восьмымъ) пунктомъ договора, предоставлялось взаимно право свободной

([1]) Другіе участвовавшіе въ переговорахъ лица были слѣдующія: со стороны Польши: Александръ Пріемскій, Подстолій Коронный и Староста Остринскій, Александръ Янъ Потоцкій, Кастеланъ Каменецкій, Князь Николай Огинскій, Мечникъ Липовскій; — съ Русской стороны: Ближній Бояринъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ; ближніе Окольничіе: Петръ Дмитріевичъ Скуратовъ, Иванъ Ивановичъ Чаодаевъ; Думный Дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ; Дьяки: Василій Бобининъ, Василій Постниковъ, Прокофій Возницынъ и Иванъ Волковъ.

([2]) *Голиков.* Дѣян. т. I, стр. 198, въ примѣч.

торговли всѣмъ подданнымъ союзныхъ Государствъ, кромѣ Евреевъ.

Въ то же время утверждены вѣчно за Россіею города: Смоленскъ, Дорогобужъ, Красное, Кіевъ, Рославль, Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій, Почепъ, со всѣми землями по сю сторону Днѣпра, да за Днѣпромъ Кіевъ и мѣста лежащія между рѣками: Ирпенемъ и Стугною или Стулмою, равно за порогами все пространство по устье впадающей въ Днѣпръ Тясмины и до Чернаго моря; Польшѣ же уступлены обратно: Полоцкъ, Витебскъ, Динабургъ, Себежъ, Любовъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами, и сверхъ того заплачено деньгами 146,000 рублей ([1]).

Союзъ сей утвержденъ, при Бояринѣ Борисѣ Петровичѣ Шереметевѣ, въ Вѣнѣ и Лембергѣ.

Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій былъ посланъ къ Дворамъ Французскому и Испанскому, Дьякъ Василій Постниковъ въ Амстердамъ, а другія довѣренныя Особы посѣтили Лондонъ, Копенгагенъ, Стокгольмъ и Берлинъ, съ извѣщеніями о заключеніи союза, и съ приглашеніями принять въ немъ участіе.

Но полученные на сіе отзывы не соотвѣтствовали ожиданіямъ Россійскаго Двора. Людовикъ XIV изъявилъ только свое удовольствіе о томъ, что постановленъ союзъ между Россіею и Польшею. Карлъ II отзывался съ похвалою о поведеніи нашего Посланника. Христіанъ V — обѣщалъ прислать помощь, но не исполнилъ обѣщанія. Карлъ XI

([1]) Польскія Дѣла, N. 140. — *Голиковъ.* Дополн. IV. стр. 47, 53. Ewers. I стр. 414—416.

хошѣлъ но не болѣе, всѣми средствами, способствовать къ достиженію желаемой цѣли. Іаковъ II и Фридрихъ Вильгельмъ — желали счастливыхъ успѣховъ въ этомъ предпріятіи.

ГЛАВА VII.

Первый Крымскій походъ, 1687.

Соревнуя союзникамъ, Россія спѣшила вооружиться противъ Крымскаго полуострова.

Сія прелестная страна, сколько извѣстно намъ изъ Исторіи, обитаемая грубыми, но воинственными народами, знакомая еще древнимъ Грекамъ, подвластная Понтійскимъ Государямъ, и трепетавшая не разъ Кесарей Римскихъ, подъ Монгольскимъ владычествомъ, видѣла угасшимъ страшное для нее имя Хазаровъ, но дикіе племена увѣковѣчили память онаго— подобными же опустошеніями.

Горы и долины, лишенныя нынѣ ¾ своихъ обитателей, были тогда покрыты кочующими ордами, преслѣдованіе коихъ затрудняли обширныя пустыни, простиравшіяся до самыхъ ихъ осѣдлостей, гдѣ мужество и климатъ защищали границы.

Противъ сего-то непріятеля собралось около 200,000 человѣкъ войска (¹), подъ начальствомъ

(¹) Нѣкоторые иностранные Писатели ошибочно полагаютъ число войскъ, участвовавшихъ въ семъ походѣ, въ 400,000 человѣкъ. Въ одной изъ нашихъ Лѣтописей, которою руководствовался Голиковъ при составленіи своей книги, именно сказано, что въ обоихъ Крымскихъ походахъ было по 200,000 войска. *Переводч.*

Князя В. В. Голицына. Армія была раздѣлена на семь Корпусовъ, или разрядовъ, въ которыхъ командовали: въ Московскомъ разрядѣ, или большомъ полку: Бояринъ Князь Константинъ Осиповичъ Щербатовъ, Окольничій Венедиктъ Зміевъ, Генералъ Аггей Шепелевъ и Думный Дьякъ Емельянъ Украинцовъ; въ Новгородскомъ разрядѣ Бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ и Окольничій Князь Даніилъ Борятинскій; въ Рязанскомъ Бояринъ Князь Владиміръ Дмитріевичъ Долгорукій и Окольничій Петръ Скуратовъ; въ Сѣвскомъ Окольничій Леонтій Неплюевъ; въ Бѣлгородскомъ Бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, а въ Низовыхъ полкахъ Стольники: Иванъ Леонтьевъ и Василій Мамоновъ.

Когда всѣ войска соединились съ Казаками, подъ предводительствомъ Гетмана Ивана Самойловича, то, 8 Мая, двинулись впередъ, отъ рѣки Самары, четырехстороннею колонною, какъ того требовали тамошнія степныя мѣста и Татарско-Турецкій образъ войны.

Въ нѣсколько небольшихъ переходовъ, армія оставила за собою Свинковку, Ворсклу, и вступила въ чужіе предѣлы, гдѣ искала, но не находила рѣкъ, и жаловалась на недостатокъ въ дровахъ. Скоро заговорили, что степи выжжены самимъ непріятелемъ; скоро закружились и облака дыма на горизонтѣ,— а 13 Іюня Военный Совѣтъ былъ уже въ нерѣшимости: продолжать ли походъ, или возвратиться?

Лошади оставались безъ корма, а люди безъ подводъ.— 17-го Іюня войско начало отступать, не смотря на то, что въ глаза еще не видало непріятеля.

Несчастное окончаніе сего похода приписывали Гетману, который, находясь, будтобы, въ тайныхъ сношеніяхъ съ Крымскимъ Ханомъ, умышленно зажегъ степи.

Но былъ ли Самойловичь дѣйствительно такъ виновенъ?— Толпа, которая, обыкновенно, всякую неудачу приписываетъ измѣнѣ своего Полководца, тѣмъ болѣе считала предположеніе сіе справедливымъ, что и самъ Голицынъ воспользовался имъ для своего оправданія.

Генеральный Эсаулъ Мазепа, обязанный своимъ возвышеніемъ Самойловичу, и отличенный его довѣріемъ, вмѣстѣ съ Гетманскимъ Генеральнымъ Писаремъ, обвинялъ въ этой измѣнѣ своего Начальника и благодѣтеля.

Еще до похода (такъ утверждалъ Мазепа) Гетманъ обнаруживалъ недовѣріе къ Русскому Правительству,— вопрошая неоднократно: не замышляютъ ли чего нибудь недобраго противъ него, и противъ Казаковъ?— былъ не доволенъ сдѣланнымъ ему выговоромъ; сожалѣлъ объ успѣхахъ Христіанскаго оружія противъ Магометанъ, и принималъ всегда сторону послѣднихъ.

Такъ какъ и маловажнѣйшіе изъ сихъ обвинительныхъ пунктовъ не могли быть совершенно опровергнуты, то изъ нихъ выведены другія важнѣйшія заключенія, и Голицынъ не умедлилъ донести обо всемъ Царскому Двору.

Между тѣмъ, армія отступала другимъ путемъ, и путь сей устилался трупами людей и лошадей. Напослѣдокъ, войско достигло прежняго сборнаго мѣста на рѣкѣ Самарѣ, и отсюда, 4-го Августа, распущено по домамъ.

Самойловичъ (удаленный отъ должности, 17 Іюля, безъ всякаго изслѣдованія сего дѣла) (1), слѣдовалъ за войскомъ, ничего не опасаясь, ничего не подозрѣвая; но 22 Іюля ночью — былъ взятъ подъ стражу; о чемъ Генеральный Писарь Кочубей (въ послѣдствіи казненный по проискамъ Мазепы), немедленно доложилъ Главнокомандующему.

На другое утро—Гетманъ предсталъ въ шатеръ Голицына, и, опершись на серебряную Гетманскую булаву, опровергалъ обвиненія своихъ противниковъ, которые упрекали его въ жестокости, говоря: «часто поступки его раздражали насъ до того, что мы готовы были убить его; но не это, а одна лишь измѣна побудила насъ принести жалобу.»

Самойловичъ былъ публично лишенъ Гетманскаго достоинства; выборъ преемника его предоставленъ Казацкимъ Старшинамъ — и Генеральный Эсаулъ предложенъ въ кандидаты.

Казалось, что въ день избранія, 25 Іюля, большинство голосовъ склонялось на сторону Войсковаго Обознаго Бирковскаго; но вопросъ Голицына: «кого же хотите вы: Мазепу или Бирковскаго?» заставилъ и большую часть друзей сего послѣдняго заговорить въ пользу перваго, котораго тогда же украсили знаками Гетманскаго достоинства.

Самойловичъ и младшій сынъ его были сначала привезены въ Москву, а потомъ сосланы въ Сибирь.—Старшій сынъ несчастнаго Гетмана заплатилъ жизнію за свое намѣреніе защищаться.

---

(1) Малороссійскія Дѣла — N. 11.

Возвратившійся, къ своему прежнему посту, Главнокомандующій—былъ принятъ Софіею, какъ побѣдитель; и осыпанъ милостями: ему пожаловали 1000 крестьянскихъ дворовъ, золотую цѣпь и медаль (обѣ вѣсомъ въ 300 червонцевъ); другіе же Военачальники получили вызолоченныя и серебряныя медали (1).

Впрочемъ участіе Царевны въ дѣлахъ правленія ясно видно было изъ того, что она не только повелѣла включить въ помянутыхъ медаляхъ свое изображеніе, но приказала снова во всѣхъ грамотахъ и другихъ публичныхъ бумагахъ писать свое имя, вмѣстѣ съ титуломъ Самодержцевъ Россіи (2).

Въ томъ же году, по повелѣнію Правительницы Русскаго Царства, однимъ знающимъ зодчество монахомъ, начато строеніе извѣстнаго, на Москвѣ рѣкѣ, Каменнаго моста, который и былъ оконченъ черезъ пять лѣтъ (3).

---

(1) Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова, соч. Академика *Байера*, перев. *Тауберта*, С. П. 8 1738, стр. 155 157.—*Голиков.* I, 201.—203. Доnолнен. IV. 62 — 67. — Neuville, 67 — 84.

(2) *Чулков.* Юридическій Словарь, II. стр. 144. — Büschings Magazin, I. стр. 9.

(3) *Голиков.* Доnолнен. IV. стр. 53, въ примѣчаніи.

ГЛАВА VIII.

Второй Крымскій походъ, 1689.

Петръ I съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на слѣдствія сего похода, и говорилъ: «этимъ раздражили только Татаръ.»

Дабы Нурреддинъ-Ханъ не могъ ничего иного предпринять противъ Украйны, заложена Богородицкая крѣпость, при впаденіи рѣки Самары въ Днѣпръ; — но Крымскіе Татары появились внезапно на Волыни; захватили тамъ богатую добычу и до 60,000 плѣнныхъ.

Воевода Неплюевъ оберегалъ границы, а между тѣмъ Мазепа напалъ на Очаковъ, разорилъ его и разграбилъ.

Главнокомандующій Князь Голицынъ, собравъ къ предстоявшему вновь походу (1689) (1) войска свои въ шести Корпусахъ, или разрядахъ, которыми начальствовали подъ нимъ: Волынскій, Шеинъ, Мазепа, Долгорукій, Неплюевъ и Леонтьевъ, приказалъ настроить по Самарѣ множество шанцевъ, оставя въ каждомъ изъ нихъ по нѣсколько сотъ

(1) *Байеръ* (Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, касающихся до Азова), или лучше сказать Патрикъ Гордонъ, показываетъ сей походъ въ 1689 году, между тѣмъ, какъ другіе относятъ его, несправедливо, къ предшествовавшему году. Гордоново показаніе подтверждаетъ и Neuville на стр. 86.

человѣкъ съ двумя полевыми орудіями, а самъ, со всею арміею, двинулся впередъ, и два мѣсяца шелъ по опустошеннымъ степямъ, сопровождаемый бѣдствіями и недостатками всякаго рода. — Изнуренное войско, оживлявшееся надеждою найти въ близкомъ Перекопѣ конецъ своимъ усиліямъ — вдругъ увидѣло (13 Мая), что толпы Татаръ, предводимыя сыномъ Нурредина, Калгою, мгновенно напали на передовой отрядъ Русскихъ, и безъ сомнѣнія изрубили бы его совершенно, еслибы Татары сіи, жаждущіе не столько славы, сколько добычи, не бросились грабить обозъ, и не дали бы чрезъ то Князю Голицину времени прислать подкрѣпленіе. — Непріятель былъ прогнанъ, и Русскіе безпрепятственно заняли, такъ называемую, Черную долину, въ пяти миляхъ отъ Перекопа. Между тѣмъ Ханъ, съ пятидесятитысячнымъ Корпусомъ, оставилъ Буджакъ, соединился съ сыномъ, и, пользуясь худою позиціею Русскихъ, подвинувшихся уже къ Зеленой долинѣ, опрокинулъ ихъ конницу и прогналъ пѣхоту до самаго обоза; но Русская артиллерія остановила успѣхи непріятеля, и принудила его отступить; однако потеря въ Царскомъ войскѣ была не незначительна ([1]).

([1]) *Патрикъ Гордонъ* (на стран. 83 der Asow'schen Ereignisse) такъ осторожно упоминаетъ о семъ походѣ, что наводитъ тѣмъ сомнѣніе: были ли Русскіе въ выигрышѣ или проигрышѣ (потому что онъ съ большими подробностями разсказываетъ разныя мѣлочи, наприм. переправы черезъ степныя рѣки, или взятіе нѣсколькихъ человѣкъ въ плѣнъ незначительными разъѣздами, и проч.)? и заставляетъ насъ, чрезъ то, догадываться, что Русскіе понесли тогда довольно важную потерю.

Это сраженіе происходило 15 или 16 Мая. Успѣхъ казался сомнительнымъ. Русскіе подались еще впередъ, но цѣль похода была недостигнута, внезапнымъ отступленіемъ отъ Перекопа.

Татарскій Ханъ умышленно завелъ съ Главнокомандующимъ хитрые переговоры, и трактовалъ объ уничтоженіи древняго права, по которому Россія обязана была платить ему 6000 или 8000 рублей, до тѣхъ поръ, пока безпрерывно возрастающіе недостатки не принудили Русскихъ къ отступленію.

По другимъ, неслишкомъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, Ханъ подкупилъ Голицына, приславъ ему въ подарокъ двѣ запечатанныхъ бочки золота, въ которыхъ, будто бы, только сверху были положены червонцы, а подъ ними находились мѣдные, вызолоченные телеги.

Непреслѣдуемые непріятелемъ — Русскіе совершили обратный путь, и 17 Іюня достигли вновь заложенной крѣпости на Самарѣ. Потеря была гораздо значительнѣе, нежели въ первомъ походѣ. Но Царевна и теперь наградила неудачу похвалами и подарками (1). Публично торжествовали мнимыя побѣды, и пѣли за нихъ благодарственные молебны; а иностранныя Державы присылали ко Двору поздравительныя грамоты.

Петръ Алексѣевичъ, извѣщенный обо всемъ вѣрными своими любимцами, смотрѣлъ на это другими глазами, и обнаружилъ свое негодованіе

---

(1) *Голиков.* Дѣян. I. стр. 204 и слѣд. — Дополнен. IV. стр. 67 — 81. — *Neuville*, стр. 86 — 109.

(27 *Іюля*) на Военачальниковъ тѣмъ, что во все недопустилъ ихъ къ себѣ ([1]).

([1]) Голицынъ за этотъ походъ получилъ: «*кубокъ золоченый съ кровлею, кафтанъ золотный на соболяхъ, денежныя придачи* 300 *рублевъ, да въ вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ село Рѣшму и Юмохонскую волость*. — Полн. Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, Том. III, стр. 25. *Переводъ*.

ГЛАВА IX.

Мирные переговоры съ Китаемъ, въ Нерчинскѣ, 1689.

Возникшія между Китаемъ и Россіею, при Царѣ Алексеѣ Михайловичѣ, споры о границахъ—были устранены заключеннымъ обѣими Державами, не за долго до единоцарствія Петра I-го, мирнымъ трактатомъ.

По сю сторону Амура, или Монгольской *рѣки брадатыхъ горъ* (Sschalijn ula murehn), имѣющей свое начало внутри Россіи, получившей Европейское названіе отъ соединенія рѣкъ Аргуна и Шилки, и въ дальнѣйшемъ теченіи между 53—54 градусами Сѣверной широты, впадающей въ Камчатско-Японское море, Монгольскіе народы (Тунгусы, Дауры и другія племена) пасли свои стада, воздѣлывали землю, или занимались охотою въ богатыхъ соболями лѣсахъ, облегчавшихъ для нихъ платежъ ежегоднаго ясака Китаю. Заманиваемые тамошними лѣсными сокровищами, нѣкоторые Иркутскіе звѣроловы, еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, пустились отыскивать сіи страны — съ тою самою цѣлію, съ какою прежде Испанцы отыскивали Мексику и Перу. Счастливые успѣхи Иркутскихъ смѣльчаковъ напоминаютъ намъ Кортеца, Зото и Пизарро.

Первыя вѣрныя свѣденія объ Амурѣ и смежныхъ съ нимъ рѣкахъ — доставилъ звѣроловъ Пояр-

ковъ, который съ 132 человѣками, подвергаясь нуждамъ и лишеніямъ всякаго рода, странствовалъ въ тѣхъ мѣстахъ около трехъ лѣтъ. Онъ хвалилъ лѣса, почву земли, и считалъ достаточнымъ 300 человѣкъ въ трехъ острогахъ для того, чтобы присоединить Амуръ ко владѣніямъ Россіи.

Ловецъ Хабаровъ достигъ (1650), съ 70 человѣками, до Амура, и нашелъ тамъ три крѣпостцы, которыя Дауры, опасаясь грабительства, оставили пустыми.

Одна изъ сихъ крѣпостей была занята Русскими, обведена рвами, и наименована Албазиномъ.

Отрядъ Хабарова, возросшій до 130 человѣкъ Казаковъ и звѣролововъ, потребовалъ дани мягкою рухлядью, и добытое такимъ образомъ, отправилъ чрезъ Иркутскаго Воеводу въ Москву, присовокупивъ и высокопарное описаніе самой страны.

«Неистощимы (сказано тамъ) богатства бе«реговъ Амура, заключающіеся въ золотѣ, серебрѣ, «соболяхъ, рогатомъ скотѣ, хлѣбныхъ произрастѣ«ніяхъ и овощахъ. Сосѣдственныя жители ходятъ «въ золотой парчѣ и дорогой камкѣ.»

Привезенныя Царскія одежды подтверждали это сказаніе, и Амуръ почитался уже вторымъ Эльдорадо, не смотря на то, что обитатели страны, устрашенные смѣлостію Хабарова, бѣжали въ лѣса, съ своими мнимыми сокровищами.

Хабаровъ проплылъ отъ Албазина далѣе, мимо двухъ дымящихся укрѣпленій, и взялъ третіе, съ нечувствительною для себя потерею четырехъ человѣкъ, тогда какъ потеря непріятеля простиралась до 600 человѣкъ. Когда же 2,000 Китайцевъ (въ Мартѣ 1652) изумили его, однажды, на разсвѣтѣ громомъ своихъ орудій, то было доста-

точно одной незначительной вылазки, чтобы отразить осаждающихъ.

Можно было предвидѣть, что эта неудачная попытка возбудитъ Китайцевъ къ новымъ усиліямъ, и Хабаровъ, слишкомъ чувствуя опасность своего положенія, просилъ убѣдительно о присылкѣ ему въ подкрѣпленіе 600 человѣкъ; — подкрѣпленіе незначительное нынѣ, но весьма важное по тогдашнему времени.

По повелѣнію Правительства, Зиновьевъ доставилъ на Амуръ 150 человѣкъ, 100 пудовъ пороха и свинца, и обрадовалъ тамошнихъ героевъ 320 медалями; но въ то же время отправилъ Хабарова въ Москву, гдѣ онъ возведенъ въ достоинство Боярскихъ дѣтей, и, получивъ другое назначеніе на Ленѣ, долженъ былъ разстаться съ прежними своими товарищами. Между тѣмъ Казацкій Старшина, окруживъ Албазинъ шанцами и капканами, въ слѣдующую весну, неболѣе какъ съ 500 человѣкъ, счастливо отразилъ нападеніе 10,000 Китайцевъ.

Извѣстіе о семъ событіи было поводомъ къ столь дурному мнѣнію о Военномъ Искусствѣ Китайцевъ, что со стороны Россіи сдѣлано гораздо менѣе, нежели сколько было нужно для обезпеченія за собою новыхъ владѣній, коими управлялъ Пашковъ, основавшій на рѣкѣ Нерчѣ (1658) городъ Нерчинскъ, и смѣненный, въ слѣдующемъ году, Талызинымъ. Казаки, на Амурѣ, не уважали Старшинъ своихъ. Китайцы воспользовались мятежнымъ духомъ Русскихъ: раззорили Албазинъ, и одержали побѣду въ одномъ сраженіи, на рѣкѣ, причемъ Старшина Степановъ пропалъ безъ вѣсти.

Съ этого времени прекратились, было, разъѣзды Казаковъ по Амуру, — какъ вдругъ Польскій военноплѣнный Чангарскій, убійца Илинскаго Воеводы Обухова, снова выстроилъ Албазинъ; укрѣпилъ его деревянною стѣною, и прикрылъ тремя башнями, служившими вмѣстѣ и жилищемъ бѣглецамъ.

Поселеніе сіе казалось опаснымъ для Китайцевъ; почему Чангарскій (1672) ходатайствовалъ о помилованіи, и былъ смѣненъ Толбузинымъ.

Китайцы, построившіе на Амурѣ Сахаліа-улахотонъ, окружили Русскій городокъ (4 Іюня 1685). Число ихъ простиралось до 15,000 человѣкъ, при 100 орудіяхъ, которыми въ первый день разрушены укрѣпленія Албазина. Побѣдители обезоружили всѣхъ, кто только могъ защищаться (изъ 450 Казаковъ, звѣролововъ и крестьянъ набралось таковыхъ не болѣе 100 человѣкъ), и предоставили свободный выходъ немощнымъ. Едва оставили Китайцы взятый и раззоренный ими Албазинъ, какъ Толбузинъ возвратился къ его развалинамъ, построилъ новыя укрѣпленія, и обвелъ ихъ землянымъ валомъ. Китайцы, въ Іюлѣ 1686 года, снова осадили городъ.

Албазинъ, въ которомъ командовалъ Казацкій Полковникъ Бейтонъ (заступившій мѣсто убитаго Толбузина), отражалъ всѣ непріятельскія нападенія. Пять смѣлыхъ вылазокъ уменьшили число осажденныхъ изъ 736 до 66 человѣкъ. Китайцы облегали городъ до тѣхъ поръ, пока не узнали (въ Маѣ 1689) о мирныхъ переговорахъ Москвы съ Пекиномъ.

Для опредѣленія границъ были посланы, съ Русской стороны: Окольничій Өедоръ Алексѣевичъ

Головинъ, Спольникъ Иванъ Власовъ и Дьякъ Семенъ Корницкій; а съ другой спороны семь Мандариновъ, копорые, бывъ задержаны въ пупи безпокойсшвами, возникшими между Калха-Монголами и Калмыками, прибыли къ Нерчинску шолько 21 Іюля 1689, въ сопровожденіи 10,000 человѣкъ войска, съ 76 пушками и пакимъ же числомъ военныхъ судовъ.

Между рѣками Нерчею и Шилкою были разбипы (12 Авгусша), одинъ прошивъ другаго, Посольскіе шапры, изъ коихъ Русскій блисшалъ великолѣпіемъ: Турецкіе ковры, Европейскіе приборы, кресла, сполы и драгоцѣнные боевые часы — украшали сей шаперъ; Кипайскій былъ слишкомъ просшъ, и не имѣлъ никакихъ украшеній.

Два Езуиша (Перейра и Гербиллонъ), взяшые изъ Пекина переводчиками, вели дипломашическія дѣла на Лапинскомъ языкѣ. Съ каждой спороны 260 человѣкъ вооруженныхъ саблями воиновъ вблизи, и 500 человѣкъ въ нѣкошоромъ ошдаленіи, споял и на спражѣ во время переговоровъ.

По изъявленіи другъ другу обычныхъ учшивосшей, Головинъ хошѣлъ назначипь рѣку Амуръ границею между обоими Государсшвами; но Кипайцы, предосшавляя Русскимъ право соболиной ловли по сей рѣкѣ, шребовали себѣ: Албазинъ, Нерчинскъ, Селенгинскъ и всѣ владѣнія до самаго Байкала, основывая шаковое шребованіе на шомъ, чшо шамошняя сшрана и прежде принадлежала Монголамъ; согласились однако же на другой день усшупишь Нерчинскъ Русскимъ, за чшо Окольничій насмѣшливо благодарилъ ихъ, говоря, «чшо шеперь онъ можешъ спокойно спашь въ Нерчинскѣ.»

Переговоры были уже прерваны, и съ Китайской стороны все готово къ войнѣ; но Езуиты успѣли (27 Августа 1689) примирить противниковъ, и заключенный между ними договоръ доставилъ большія выгоды Китайцамъ.

»Прилегающія къ Сѣверной сторонѣ Амура, передъ рѣчкою Гербицею (Кербетши), и теряющіяся близь Восточнаго Океана горы — долженствовали раздѣлять оба Государства, такъ, что Южная полоса доставалась Китайцамъ, а Сѣверная Русскимъ, до самаго узкаго сектора, образуемаго къ Сѣверовостоку отъ сихъ горъ рѣкою Удою. Рѣка Аргунъ, во всемъ своемъ теченіи, назначалась Китайско-Россійскою границею, ниже Нерчинска. Городъ Албазинъ должно было раззорить, не причиняя однако же вреда движимому имуществу жителей. Подданные обѣихъ Державъ могли пользоваться равными правами торговли, и подвергались законному наказанію, если они причиняли вредъ своимъ сосѣдямъ, звѣриною ловлею, грабежемъ или убійствомъ.«

Азіятскій обычай заставляетъ всегда разсуждать, съ большою важностію, о предметахъ весьма маловажныхъ. Китайскіе Послы изъявляли свое неудовольствіе на счетъ Царскаго титула, который на ихъ языкѣ значилъ: «*отъ Востока къ Западу, обладатель Сѣвера и Юга.*» Переводчики увѣряли, что послѣ этого Богдыханъ прикажетъ прибавить и къ своему титулу слова: «*Повелитель цѣлаго міра, посланный свыше долу.*»

Подписавъ трактатъ сей, обѣ стороны, каждая по обряду своей религіи, утвердили его присягою, и для означенія границъ, воздвигли каменные столбы, съ Манжуро-Китайскими надписями.

Головинъ и прочія довѣренныя, со стороны Россіи, Особы Нерчинскаго конгресса, были, подобно Князю Голицыну и служившимъ подъ его командою Военачальникамъ, награждены медалями.

Съ тѣхъ поръ, границы между Россіею и Китаемъ, въ теченіе слишкомъ 140 лѣтъ, не измѣнились нисколько ([1]).

([1]) L'histoire du fleuve Amur, или voyages et découvertes le long des côtes de la mer glaciale. Vol. II. 8. Amst. 1766. *Бантышъ-Каменскій*, Дѣянія знаменитыхъ Полководцевъ и Министровъ, служившихъ въ Царствованіе Императора Петра Великаго, т. I. стр. 22, въ примѣчаніи.

КНИГА ТРЕТІЯ.

1689—1697.

ГЛАВА I.

Развитіе душевныхъ способностей Петра.

Не взирая на то, что Царевна Софія, участвуя въ дѣлахъ Правленія семь лѣтъ, не только заграждала путь дѣятельности младшаго своего брата, но еще, какъ утверждаютъ иностранные Писатели, старалась вовлечь его въ непозволительныя наклонности, мы не должны медлить смыть это пятно съ характера Софіи: потому что юный Царь, какъ въ домашнихъ, такъ и въ публичныхъ дѣлахъ всегда обнаруживалъ твердость собственной воли, и что надзоръ за Его нравственностію былъ предоставленъ нѣжной родительницѣ Его и правдивому Боярину Борису Алексѣевичу Голицыну, которые одни обязаны отвѣтствовать за все то, въ чемъ, можетъ статься, виновенъ Петръ, по легкомыслію юности, и по чрезмѣрному чувству необычайной своей силы.

Въ самыхъ раннихъ, сохранившихся о Немъ, извѣстіяхъ являются Историку многія черты, означающія выспренній геній отрока-Государя.

Къ этимъ чертамъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ застольный разговоръ двѣнадцатилѣтняго Царя съ Патріархомъ, послѣ крестнаго хода въ день Преполовенія (1684), объ установленіи и цѣли — какъ сего, такъ и другихъ торжественныхъ

Церковныхъ обрядовъ ([1]); равно, послѣдовавшее вскорѣ потомъ, посѣщеніе Патріаршей библіотеки ([2]), и негодованіе Царя за безпорядокъ, въ какомъ найдены имъ книги: что было поводомъ къ возложенію надзора за библіотекою на бывшаго Царскаго Наставника Зотова.

Петру, съ самаго вступленія Его на Престолъ, не давали настоящихъ учителей—потому ли, что считали для него достаточнымъ образованіемъ, когда онъ умѣлъ уже читать и писать, или потому, что находили неприличнымъ учить еще чему либо коронованную главу.

Какъ бы то ни было — Петръ думалъ объ этомъ иначе, и доказалъ сіе тѣмъ, что самъ избралъ для себя Наставника.

Когда, послѣ упомянутаго выше крестнаго хода, Онъ, забавляясь на Пушечномъ дворѣ стрѣльбою изъ орудій, узналъ искуснѣйшаго изъ тогдашнихъ Артиллерійскихъ Офицеровъ, то приказалъ сему послѣднему (Поручику Францу Тиммерману, родомъ изъ Страсбурга ([3]) жить въ Преображенскомъ, и ежедневно занимался съ нимъ, по нѣсколько часовъ, Военно-Математическими Науками; вмѣстѣ съ нимъ построилъ, близь Яузы, небольшую регулярную крѣпостцу, назвалъ ее Пресбургомъ, снабдилъ пушками, защищалъ и бралъ приступомъ.([4]).

([1]) *Голиковъ.* Дѣян. Петра I. Т. I, стр. 177, 178.

([2]) *Голиковъ.* Дѣян. Т. I. стр. 184.

([3]) *Схельтема* называетъ этого Офицера Голландцемъ; но по одной собственноручной запискѣ Петра I (*Голиковъ.* Дѣян. IV. стр. 241. и слѣд.), онъ былъ дѣйствительно родомъ изъ Страсбурга.

([4]) *Голиковъ.* Дѣян. Т. I. стр. 178, 179.

Участвованіе въ подобныхъ юношескихъ играхъ мальчики, были названы *Потѣшными* — по развлеченію ли, которое они доставляли молодому Царю, или по увеселительному дворцу Преображенскому, именовавшемуся *Потѣшнымъ Дворомъ*, гдѣ Алексѣй Михайловичъ проводилъ часть лѣта, забавляясь соколиною охотою и театральзрѣлищами того времени, каковы, напримѣръ, *Олофернъ* и *Аманъ*.

Эти Потѣшные, какъ утверждаетъ Голиковъ, слѣдуя Крекшину (1), еще при Алексеѣ Михайловичѣ составляли уже свиту младшаго Царевича; по другимъ же Писателямъ, они получили свое начало при крѣпостныхъ забавахъ, или еще позднѣе.

По мѣрѣ возраста Царевича, дѣтскія забавы Его превращались въ забавы юношескія. Этому не мало содѣйствовалъ Женевецъ Францъ Лефортъ, прибывшій въ Россію при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, и въ 1683 году (2) обходившійся уже на дружеской ногѣ съ юнымъ Петромъ. Свѣденія, собранныя этимъ любимцемъ фортуны въ разныхъ походахъ и странствованіяхъ, заставили Петра сравнить состояніе Россіи съ состояніемъ другихъ Державъ, — а это сравненіе пробудило дремавшія въ Немъ силы къ преобразованію собственнаго Государства. Мы выпускаемъ здѣсь длинную рѣчь, которую иные Писатели заставляютъ произнести Царю люби-

---

(1) *Кригсъ-Коммисаръ Крекшинъ* († 1763, восмидесяти лѣтъ отъ роду) оставилъ послѣ себя, между прочими бумагами, и рукописную Исторію Петра I-го.

(2) Историческое изображеніе жизни Лефорта, соч. *Голиковымъ* (Москва 1800), стр. 33, 34., и Исторія Лефорта, въ дополнительномъ томѣ сего сочиненія.

маго Имъ Лефорта.—Нужны ли были подобныя напоминанія, чтобы воспламенить геніальнаго юношу, и былъ ли еще Женевецъ въ силахъ высказать ихъ?...— Въ томъ же году (1683) Петръ произвелъ Лефорта изъ Капитановъ въ Маіоры, а Іоаннъ въ Подполковники.

Лефортъ обучилъ 50 человѣкъ Потѣшныхъ; одѣлъ ихъ, и вооружилъ по Европейски, и въ одно утро привелъ всѣхъ, съ барабаннымъ боемъ, ко Дворцу. Изумленный Царь обнялъ своего друга, и назначилъ его командиромъ сей новой роты, которая вскорѣ увидѣла въ рядахъ своихъ рекрута—Государя, начавшаго, съ низшаго чина, изучать Военное Искусство ([1]).

По учрежденіи роты Потѣшныхъ, Петръ, повидимому, еще болѣе, чѣмъ прежде, забывалъ столицу, или покрайней мѣрѣ, такъ рѣдко посѣщалъ ее, что такіе дни, когда благочестіе и торжественные обряды призывали Его въ Москву, считались особенно замѣчательными днями.—Вскорѣ число Потѣшныхъ возврасло до такой степени, что должно было часть изъ нихъ перемѣстить въ сосѣдственное увеселительное село Семеновское: вотъ происхожденіе, сначала, Преображенскихъ и Семеновскихъ Потѣшныхъ, а потомъ двухъ гвардейскихъ полковъ тѣхъ же наименованій.

Скоро и Боярскія дѣти стали дѣлить съ Царемъ Его воинскія занятія, не смотря на блескъ

([1]) Нѣкоторые Писатели утверждаютъ, что Петръ I началъ свою службу, въ этой ротѣ, барабанщикомъ. Легко могло случиться, что Онъ, по свойственной юнымъ лѣтамъ Его охотѣ, принимался иногда за барабанъ, — и по этому-то жалуютъ Его въ дѣйствительные барабанщики!

своей породы, которую Петръ уважалъ весьма мало, избирая себѣ товарищами въ воинственныхъ играхъ юношей низкаго происхожденія.

Кто бы посмѣлъ отказаться служить вмѣстѣ съ дѣтьми Сокольничихъ и Конюшихъ, когда самъ Монархъ служилъ съ ними?

Въ числѣ сихъ Потѣшныхъ находился человѣкъ, послѣдній родомъ, но первый высокими качествами души, и, въ послѣдствіи времени, оказанными Государству заслугами: — однимъ словомъ, Александръ Даниловичъ Меншиковъ, — сперва служитель Лефорта, потомъ, по рекомендаціи его, лакей, камердинеръ и, какъ Потѣшный, товарищъ своего Государя.

Сколь далекъ былъ Петръ I отъ того, чтобы учрежденіемъ Потѣшныхъ учредить для себя одну только забаву, доказывается отзывомъ пятнадцатилѣтняго Монарха собравшимся къ нему Боярамъ, которымъ Онъ изъяснялъ недостатки прежняго Воинскаго Артикула, особенно въ отношеніи излишнихъ словъ команды ([1]). Когда же нѣкоторые Бояре упорно защищали старый Артикулъ (изъ одного предубѣжденія, какое обыкновенно питаютъ старые люди въ пользу всего стараго), то Царь, приказавъ одному капральству выступить впередъ, вскричалъ: «*слушай! заряди мушкетъ! прикладывайся! стрѣляй!*» — Солдаты выстрѣлили исправно, какъ и при обыкновенной командѣ, которая была втрое длиннѣе ([2]); почему спо-

---

([1]) *Голиков.* Дѣян. т. I, стр. 179, 180.

([2]) Вотъ слова этой команды: «подыми мушкетъ ко рту, «содми съ полки, возми пороховой зарядецъ, опусти муш«кетъ къ низу, посыпь порохъ на полку, поколоти не-

рившіе Бояре принуждены были согласиться съ Царемъ.

Этотъ случай заставилъ юнаго Государя еще тогда же обратить свое вниманіе на исправленіе Русскаго Воинскаго Артикула.

«много о мушкетъ, закрой полку, стряхни, содми, по-«ложи пульку въ мушкетъ, положи пыжъ на пульку, «вынь забойникъ, добей пульку и пыжъ до пороху, при-«ложися, стрѣляй!» *Перевод.*

Послѣ этихъ неудачныхъ переговоровъ, отправился къ Царю Патріархъ Іоакимъ (которому Царевна успѣла внушить, что онъ также подозрителенъ ея брату, и что Архимандритъ Сильвестръ назначенъ уже Главою Россійскаго Духовенства); но и сей Пастырь, бывъ убѣжденъ въ противномъ, остался при Царѣ [1].

Тутъ Софія рѣшилась сама видѣться съ братомъ; но ей было въ этомъ отказано, сначала чрезъ Спальника Ивана Ивановича Бутурлина (младшаго), а потомъ чрезъ Князя Ивана Борисовича Троекурова.

Чтобы не возбудить въ народѣ ропота, какъ то случилось при смерти Хованскихъ (совершенная надъ коими казнь безъ суда почиталась убійствомъ), Петръ I, когда собрались въ монастырь [2]

---

(1) Софія замышляла свергнуть Патріарха, и возвести на его мѣсто упомянутаго Сильвестра (*Голиков.* Дѣян. т. I. стр. 216.) *Перевод.*

(2) Троицко-Сергіевскій монастырь лежитъ къ сѣверу въ 64 верстахъ отъ Москвы, при рѣкѣ Кончурѣ, и основанъ въ 1337 году, Игуменомъ Сергіемъ (✝ 1393), въ странѣ высокой и лѣсистой. Монастырь сей былъ раззоренъ Татарскимъ Княземъ Едисеемъ; вскорѣ потомъ возобновленъ, одаренъ 600,000 душъ, и укрѣпленъ восемью башнями и каменною стѣною, въ 642 сажени длины, и отъ 4 до 7 саженей вышины. Въ немъ находится шесть каменныхъ церквей, коихъ самый большой колоколъ вѣсомъ въ 4000 пудовъ; — сверхъ того, Царскіе чертоги, небольшія монастырскія строенія, и духовная Семинарія съ библіотекою, заключающею въ себѣ до 6000 томовъ. — Русскіе Цари ходили сюда ежегодно на поклоненіе Святымъ мощамъ, и положили тѣмъ основу несмѣтнымъ монастырскимъ сокровищамъ, заключающимся въ золотѣ, серебрѣ, жем-

вѣрные сыны Россіи, вышелъ (11 Сентября) вмѣстѣ съ своею родительницею, теткою и Патріархомъ, на крыльце, и повелѣлъ Думному Дьяку прочесть всенародно *розыскное дѣло* о преступникахъ, въ коемъ ясно были доказаны злодѣйскіе замыслы Шакловитаго, Резанова, Гладкихъ, Петрова, Чермнаго и другихъ сообщниковъ заговора ([1]).

Единогласное восклицаніе: «гибель злодѣямъ!» — было общимъ приговоромъ собравшагося народа.

Князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій требовалъ у Царевны выдачи главнаго виновника. Софія, съ горестнымъ чувствомъ, приказала приготовить несчастнаго къ смерти, пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ, и потомъ предала его въ руки Правосудія. Шакловитаго привезли въ монастырь, допрашивали; онъ запирался, но нѣсколько ударовъ кнутомъ, вынудили у него сознаніе, а очныя ставки уличили его совершенно. Онъ былъ колесованъ съ двумя изъ своихъ сообщниковъ; другимъ отрѣзали языки; многіе сосланы въ Сибирь ([2]).

Одинъ изъ осужденныхъ (Петровъ), идя на казнь, всенародно повторялъ сознаніе въ своихъ преступленіяхъ, говоря, что вполнѣ заслужилъ строгій приговоръ суда, и желалъ чтобы постигшій его жребій послужилъ въ предостереженіе другимъ.

чугѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ. Тщетно Липовцы осаждали монастырь сей въ семнадцатомъ столѣтіи. (*Амвросій:* Исторія Россійской Іерархіи, т. II, стр. 56—183).

([1]) Нѣкоторые Писатели, въ томъ числѣ и самъ Бергманъ, ошибочно показываютъ днемъ сего публичнаго суда преступниковъ 5-е число Сентября: это случилось дѣйствительно 11-го числа. См. Пол. Соб. Закон. Росс. Имперіи.

([2]) Neuville, стр. 113 — 142.

ГЛАВА III.

Воинскія упражненія Царя въ слѣдующихъ годахъ.

Октября 1-го младшій Царь имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву. Преступные Стрѣльцы, отъ самаго села Алексѣевскаго, лежали по сторонамъ дороги, на плахахъ, въ которыя воткнуты были топоры, и громогласно молили о пощадѣ; а между тѣмъ, радостныя толпы народа стремились за Царемъ отъ заставы до Успенскаго собора.

Іоаннъ, съ искренними привѣтствіями, встрѣтилъ брата на крыльцѣ, и оба Монарха обнялися.

Хотя Іоаннъ и не былъ созданъ для трона, однако же Петръ I почтилъ Его правомъ предсѣдательства въ Думѣ, съ тѣмъ чтобы имя Его писано было первое во всѣхъ публичныхъ бумагахъ. Добродушный Царь, казалось, хотѣлъ изъявить свою признательность за таковое къ Нему вниманіе, тѣмъ, что все бремя правленія предоставилъ брату, единовластіе коего и можетъ быть считаемо со времени сей послѣдней Государственной перемѣны.

Удаленіе Софіи было чувствительно только для нѣкоторыхъ лицъ, обязанныхъ ей своимъ возвышеніемъ и вліяніемъ на дѣла ([1]). При новомъ преобразованіи не могли быть забыты два человѣ-

---

([1]) *Голиковъ*, Дѣян. том. I, стр. 233.

вѣка: это Лефортъ и Гордонъ: — первый за свою постоянную привязанность къ Особѣ Государя, — второй за горячность, съ какою онъ, во время послѣдней опасности, принялъ сторону Монарха.

Любимыя занятія Царя становились теперь болѣе и болѣе предуготовленіями къ предстоявшему улучшенію Россійскаго войска.

Петръ, пользуясь воинскими свѣденіями Гордона, довершилъ образованіе своихъ Потѣшныхъ, которые, 6-го Августа 1690, выдержали примѣрное сраженіе противъ Стрѣльцовъ; а 2 (по Голикову 4-го) Сентября, предводительствуемые Гордономъ и Лефортомъ, противъ перваго Стрѣлецкаго полка, бились съ такою запальчивостію, что многіе, съ обѣихъ сторонъ, были ранены, въ томъ числѣ и самъ Гордонъ, у котораго обожжено порохомъ лице, и ранена правая нога.

Подобныя воинственныя игры возобновлялись 11 и 14 Сентября, и потомъ продолжались до 19 Декабря.

Царь усиливалъ мало по малу свое новое войско, перемѣщеніемъ въ него другихъ военныхъ людей, въ особенности изъ Стрѣлецкихъ полковъ, и вскорѣ число его возрасло до нѣсколькихъ тысячъ.

Основаніе къ этому нововведенію было положено еще при Алексеѣ Михайловичѣ, и многіе иностранцы опредѣлены при немъ въ военную службу. Теперь Лефортъ заботился о новыхъ пришлецахъ, предлагая имъ выгодныя условія.

Лефортъ, пожалованный 19 Февраля 1690 года, въ день рожденія Царевича Алексѣя Петровича, въ Генералъ-Маіоры, и потомъ, спустя два года, когда онъ распоряжалъ церемоніею при пріемѣ Персидскаго Посла, произведенный въ Генералъ-Порут-

отыскать корабельнаго плотника. — Ему представили Голландца Карстена Брандта, который, бывъ самъ строителемъ сего самаго бота, при Алексѣ Михайловичѣ, починилъ его, оснастилъ и спустилъ со штапелей, къ немалому удовольствію Царя, отправившагося (2 Апрѣля 1691) на немъ въ село Коломенское (1).

Проживавшій тогда въ Россіи купецъ Адольфъ Гутманъ, чрезъ посредство находившагося въ Саандамѣ своего брата, выписалъ для Царя корабельныхъ мастеровъ: Арріена Барендзона Меетье, Томаса Іозіаса, Клааса Ока, Яна Муса и многихъ другихъ.

Жалованье этихъ мастеровъ, по тогдашнему времени, было весьма значительно, потому что каждый изъ нихъ, сверхъ путевыхъ издержекъ, продовольствія и квартиры, получалъ ежемѣсячно по 10 гульденовъ (5 рублей серебромъ по нынѣшнему курсу), да вчетверо противъ этого для оставленныхъ въ Голландіи семействъ (2).

Веселый характеръ Голландскихъ корабельныхъ мастеровъ, доставилъ имъ неожиданную честь—быть застольными товарищами Царя, говорившаго языкомъ ихъ съ Русскою легкостію.

На Переславскомъ озерѣ (3) была заложена корабельная верьфь, на которой Петръ I приказалъ поставить два равной величины киля: одинъ для

(1) S. Petersb. Journal, 1778. стр. 242. — Nachricht von dem kleinen Boote, als der Gelegenheit zu der Russischen Flotte, von Martini. 8 Frankf. und Leipz. 1731. стран. 93 — 99.

(2) Соч. Схельтемы. (на Голландск.), т. II. стран. 53—61.

(3) Озеро сіе, имѣющее въ длину 8, а въ ширину 7 верстъ, и называющееся также Клещинскимъ, находится во Владимирской Губерніи.

себя, а другой для мастера Арріена Меетье, и, соперничествуя съ Голландцемъ, началъ и продолжалъ работу собственноручно, получая одинаковую съ нимъ задѣльную плату (¹).

Можетъ статься, скромность была причиною тому, что старшій мастеръ, благоразумно медля, предоставилъ тѣмъ пальму первенства въ скорости работы младшему, который, 1 Мая 1692 года, и началъ свои прогулки по сему озеру (²).

Царь сильно пострадалъ отъ излишняго напряженія силъ своихъ при этомъ занятіи, такъ, что возобновлявшійся трижды кровавый поносъ (въ Декабрѣ 1692) породилъ въ приверженцахъ Его (въ иностранцахъ и туземцахъ) опасенія — на счетъ новыхъ безпокойствъ и мятежей. Борисъ Голицынъ, Θедоръ Апраксинъ, Плещеевъ, Лефортъ и другіе, изготовясь къ побѣгу, запаслись на всякій случай лошадьми; а Царскій Лейбъ-Медикъ Блюментростъ просилъ уже объ увольненіи его, съ женою и дѣтьми, за границу.

Напослѣдокъ опасность миновалась; но Царь долженъ былъ нѣсколько недѣль провести въ комнатѣ, и, ожидая совершеннаго возстановленія своего здоровья, занимался приготовленіемъ фейерверковъ, долженствовавшихъ украсить торжество приближавшагося карнавала.

Чувствуя еще болѣзненные припадки, Петръ I, (26 Января 1693), въ званіи главнаго шафера, разъѣзжалъ по городу, созывалъ гостей на свадьбу

(¹) Схельтема. II, стр. 86, 87.

(²) S. Petersb. Journal, т. V, стр. 243, и: Storch's Gemälde des Russischen Reichs, т. IV, стр. 385, ошибочно относятъ этотъ случай къ 8 Февраля: кто ѣздитъ на судахъ зимою — въ Россіи?

у Нарышкина въ Велiи, и черезъ нѣсколько дней, послѣ погребенiя старика Карстена Брандта, 8-го Iюня (1), опять на пути въ Велiю.

Здѣсь Петръ I окончилъ яхту, въ которой могло помѣститься тридцать человѣкъ, и въ строенiи коей Царю-мастеру не помогалъ ни одинъ изъ обыкновенныхъ работниковъ (2)

На водахъ Переславскихъ плавала уже флотилiя, состоявшая изъ пяти судовъ. Лефортъ, въ званiи Адмирала, образовывалъ здѣсь новыхъ мореходцевъ.

Во время одного маневра на семъ озерѣ, присутствовала и Царица Наталiя Кириловна, со многими особами женскаго пола, не смотря на явное отвращенiе свое къ подобнымъ зрѣлищамъ.

Желая дать просторъ своей страсти къ мореплаванiю, Царь оставилъ Москву (4 Iюля 1693), въ сопровожденiи болѣе нежели ста особъ, въ томъ числѣ Зотова и Лефорта (3); прибылъ сухимъ пу-

---

(1) Этотъ корабельный плотникъ, выписанный въ Россiю вмѣстѣ съ Ламбертомъ-Гельтъ, Диркомъ-Питерсомъ и другими, въ 1667 году, участвовалъ въ построенiи военныхъ судовъ, ходившихъ внизъ по Волгѣ и по Каспiйскому морю, и истребленныхъ потомъ Стенькою Разинымъ. Изъ иностранцевъ, бывшихъ въ числѣ экипажа, только Брандтъ и Хирургъ Термондъ возвратились въ Москву. — Схельтема, т. I, стр. 285—290.

(2) Изъ писемъ Резидента фонъ-Кохена.

(3) Имена всѣхъ особъ, сопровождавшихъ Государя, означены въ извѣстномъ сочиненiи Новикова: «О Высочайшихъ пришествiяхъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича изъ царствующаго града Москвы на Двину къ Архангельскому городу, троекратно бывшихъ, и проч. (Москва, 1783).» — Книга сiя заключаетъ въ себѣ много достопримѣчательнаго.

шемъ въ Вологду (8-го), а оттуда водою въ Архангельскъ (30 Іюля), гдѣ былъ встрѣченъ радостными восклицаніями народа. Холмогорскій Архіепископъ Аѳанасій, только что возвратившійся изъ Москвы, куда ѣздилъ онъ по дѣламъ своей Епархіи, былъ приглашенъ Царемъ сопутствовать ему въ морскомъ вояжѣ; но Аѳанасій, отклонивъ сіе приглашеніе торжественнымъ письмомъ къ Царю, поднесъ Ему, по обычаю страны, хлѣбъ-соль на дорогу, и напутствовалъ Пастырскимъ благословеніемъ.

4 Августа, рано утромъ, Царская яхта, сопровождаемая нѣсколькими иностранными, большею частію Голландскими судами, черезъ Березовское устье Двины, вышла въ море, и, съ наступленіемъ ночи, стала на якорь. Слѣдуя по вѣтру, флотилія прибыла къ Терской сторонѣ (къ тамошнимъ тремъ островамъ, которыми ограничился этотъ вояжъ), и на пятый день возвратилась въ Архангельскъ.

Здѣсь праздновалъ Петръ (1-го Сентября) тогдашній новый годъ, осматривалъ всѣ достопримѣчательности, и подарилъ Архіепископу свою яхту, вмѣстѣ съ каретою, въ которой Онъ ѣздилъ по городу ([1]). Царскіе спутники отправились водою,

---

([1]) «Великій Государь (сказано у Новикова на стр. 23) «пожаловалъ Преосвященнаго стругомъ своимъ, на ко«торомъ съ Вологды пришелъ къ городу Архангельско«му, съ парусомъ, съ якоремъ, и съ заводы, и со всею «прикрасою и снастью судовою. Судно сіе отказывать «Архіерею пріѣзжалъ Болярииъ Князь Борисъ Алексѣе«вичъ Голицынъ. Съ симъ стругомъ пожалованы были «и разные флаги, въ томъ числѣ и большой штандартъ «съ Россійскимъ гербомъ, изъ коихъ всѣхъ флаговъ одинъ «Іерусалимской флагъ [illegible] крестами.—

за нѣсколько дней впередъ, а Монархъ оставилъ Архангельскъ 19 Сентября, пробывъ слишкомъ шесть недѣль въ этомъ городѣ.

На слѣдующую весну (1694), Царь предпринялъ вторичное путешествіе въ эту сторону, и опять частію сухимъ путемъ, частію же водою; въ половинѣ Мая опять былъ встрѣченъ на Двинѣ тѣми же изъявленіями радости, какъ и въ прошломъ году, и, по прошествіи Троицына дня, началъ приготовляться къ новому морскому вояжу, который однако же, на сей разъ, не былъ для Него безопасенъ.

Петръ хотѣлъ въ эту поѣздку посѣтить Соловецкій монастырь ([1]), замѣчательный своею прежнею приверженостію къ расколу, и, въ слѣдствіе этого, девятилѣтнею осадою, при Царѣ Алексеѣ Михайловичѣ. Архіепископъ Афанасій, ободренный знаменитостію сего мѣста, а можетъ

»Сего жъ дня (стр. 33) Великій Государь пожаловалъ »Преосвященнаго Архіепископа каретою во сто руб»левъ, которая и нынѣ имѣется при домѣ, въ цѣлости »на рѣйсорахъ, внутри обита трипомъ разноцвѣтнымъ.«

([1]) Соловецкій монастырь находится на Бѣломъ морѣ, на Западномъ краю острова Соловки, отъ котораго и получилъ свое названіе. Двойныя стѣны и крѣпкія башни окружаютъ пять церквей, кромѣ прочихъ монастырскихъ строеній. — Монахи Германъ и Савватій, въ 1429 году, построили на семъ островѣ, составлявшемъ тогда собственность Новгородской Республики, отшельническую хижину, которую, вскорѣ потомъ, монахъ Зосима преобразовалъ въ сію обитель. Чтимыя свято мощи основателей — поддерживаютъ около 400 лѣтъ цвѣтущее благосостояніе монастыря. — *Амвросій*, Ист. Росс. Іерарх. II, стр. 381 — 438.

статься и самою страстію Монарха къ мореплаванію, сопровождалъ на сей разъ Государя. — 29 Мая снялися съ якоря. Попутный, сначала, вѣтеръ мало по малу усиливался, и, напослѣдокъ, въ Унской губѣ (называемой также Унскими рогами), превратился въ жестокую бурю. Царь приготовился уже къ смерти, пріобщившись, отъ рукъ Архипастыря, Святыхъ Таинъ ([1]); но ловкостію находившагося тогда съ нимъ кормщика, крестьянина Антипа Панова, — который дѣлавшему ему наставленія Монарху отвѣчалъ рѣшительно и даже грубо: «поди пожалуй прочь; я больше твоего знаю, и вѣдаю куда правлю!» — яхта, среди подводныхъ камней и сильнаго стремленія волнъ, управлена къ Петроминскому монастырю, гдѣ Государь и Его свита благополучно вышли на берегъ.

Петръ, въ знакъ признательности, обнялъ мужественнаго Антипа, подарилъ ему измокшее свое платье, и назначилъ ежегодную пенсію ([2]); пожаловалъ въ монастырскую казну 200, и монашествующей братіи 60 рублей, распространивъ, тогда же дарованныя имъ права рыбной и морскихъ звѣрей ловли.

([1]) *Голиковъ* (Дополнен. XVII, стр. 8). слишкомъ много говоритъ о томъ, что Царь, въ минуты опасности, не предался унынію.

([2]) *Голиковъ*. — Дополн. т. XVII, стр. 7 — 10 и слѣд. — Acta eruditorum 1708 года, стр. 218. — Весьма простительна, можетъ статься, патріотическая ошибка Схельтемы (т. II, стр. 97, 98), приписывающаго избавленіе Царя искусству и смѣлости одного Голландскаго штурмана, который не далъ, будто бы, Государю управлять рулемъ.

Принеся благодареніе Небу, Государь воздвигъ деревянный, собственноручно сдѣланный крестъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Онъ вышелъ на берегъ.

Надпись, вырѣзанная Петромъ, на семъ крестѣ, по Голландски (¹), означаетъ ту воинскую степень, которую занималъ тогда Царь. — Имѣвшій въ рукахъ своихъ скипетръ и державу—довольствовался здѣсь только чиномъ Капитана.

Когда поврежденная бурею яхта была совершенно исправлена, Царь продолжалъ свой путь (6 Іюня) въ Соловецкій монастырь, и прибывъ туда на другой день, оказалъ всѣмъ монашествующимъ хотя незначительныя, но отъ столь Высокаго дателя, всегда пріятныя милости: Игуменъ, Ключарь и Казначей получили по пяти рублей, а прочіе монахи по два рубли; самый малый подарокъ составлялъ 28 копѣекъ. Для монастырскихъ строеній и Священныхъ утварей назначено 745 рублей 25 копѣекъ.

Проведя въ этомъ вояжѣ 14 дней, Петръ I возвратился въ Архангельскъ (²).

(¹) По Новикову (стр. 48), Монархъ вырѣзалъ на крестѣ слѣдующія слова: DAT KRUVS MAKEN KAPTEIN PITER van A. CHT 1694 (т. е. сей крестъ сдѣланъ Капитаномъ Петромъ, 1694 года). — Крестъ сей, въ послѣдствіи, снятъ съ своего мѣста, и хранился въ монастырѣ.

(²) Увѣдомляя о семъ соцарствующаго брата, Петръ писалъ къ Нему, отъ 14 Іюня 1694 года, слѣдующее: «Превозлюбленный мой Государь Батько и Братецъ «Царь Іоаннъ Алексѣевъчь! Здравствуй на многія лѣ«та съ сожительницею своею, а моею Государынею «невѣстушкою и съ рожденіемъ. — А которое Госу«дарь Братецъ было завѣщаніе прошлаго году о покло«неніи мощамъ чудотворцевъ Зосима и Савватія, и

Во время пребыванія своего въ семъ городѣ, Царь, въ Голландскомъ платьѣ, посѣщалъ многихъ Голландскихъ купцовъ и корабельщиковъ; и повелѣлъ вновь сдѣланный купеческій корабль снабдить Россійскимъ флагомъ, который состоялъ изъ трехъ Нидерландскихъ цвѣтовъ (краснаго, бѣлаго и синяго), перемѣшанныхъ въ противномъ порядкѣ (красный, синій и бѣлый) ([1]).

Саандамскій корабельщикъ Клаасъ Виллемсзонъ обучалъ Царя Морской службѣ, заставляя его подобно простому Шваабберу (каютный мальчикъ), лазить на мачту, и убирать корабельныя снасти ([2]).

Царь посѣтилъ, въ то же время, прибывшій только что изъ Англіи купеческій корабль. Капитанъ онаго и всѣ, находившіеся въ Архангельскѣ, купцы и корабельщики—были приглашены на пиръ, въ одинъ островской домъ, и дорогою, въ

«нѣкакимъ случаемъ того обѣщанія не снесъ, а нынѣ «соизволеніемъ Божіимъ тотъ залогъ содержалъ, и будучи въ обители, и раки ихъ чудотворцевы видѣть «сподобился, и оттуда во всякомъ здравіи за ихъ святыми молитвами и поспѣшеніемъ Божіимъ доѣхалъ «до города Іюля въ 13 день, слава Богу во всякомъ «здравіи со всѣми будучими со мною, и для сей же вѣдомости яко ко Отцу и Брату, посылаю вѣдомость. «— Да прошу Братецъ милости, пожалуй прикажи отдать поклонъ тетке и матери (крестной), Государынѣ Царевнѣ Татіанѣ Михайловнѣ, потому жъ, невѣсткѣ и сестрамъ, что слава Богу живъ. — А о корабле еще подлинной вѣдомости нѣтъ и буду дожидаться у города. За симъ здравствуй Государь Братецъ. — Вашъ Братъ Петръ.»

([1]) Схельтема, т. II, стр. 96.

([2]) Тамъ же, стр. 96, 97.

слѣдствіе неожиданной шутки, побросались за Царемъ въ воду, и перемокли совершенно. Вскорѣ за симъ, тѣже самые гости должны были возвратиться на другое празднество (продолжавшееся, съ небольшимѝ отдыхами, двое сутокъ), и оставались тамъ до тѣхъ поръ, пока не подулъ попутный вѣтеръ къ отплытію въ Англію ([1]).

Не взирая на минувшую недавно опасность, Петръ I, на прибывшемъ тогда изъ Голландіи кораблѣ, снова пускался въ море, и, пробывъ тамъ трое сутокъ, доходилъ до (такъ называемаго) Святаго Носа.

Такія увеселительныя поѣздки, обогатпвъ Монарха опытами по части мореходства (также, какъ игры съ Потѣшными доставили Ему многія свѣденія въ сухопутномъ Военномъ Дѣлѣ), заставили Его распространить свою дѣятельность и на другія моря.

([1]) The antient and present state of Muscovy, Vol II, by J. C. M: D. fellow of the Royal Society and a member of the college of physicians. 8. Lond. 1698.

ГЛАВА V.

Успѣхи Царя въ преобразованіи своего вѣка.

Препятствія, какія встрѣчалъ Петръ I въ великомъ подвигѣ преобразованія, видны весьма ясно и изъ духовнаго завѣщанія Патріарха Іоакима, скончавшагося 17 Марта 1690 года. Патріархъ былъ такимъ закоренѣлымъ врагомъ всѣхъ тогдашнихъ улучшеній, что даже невозможно постигнуть, какъ могли раскольники считать его нововводителемъ (1).

Въ этомъ завѣщаніи Іоакимъ проситъ Государей: изгнать изъ Россіи, какъ враговъ Божіихъ и презрителей Православныя Церкви, всѣхъ иновѣрцевъ; разрушить ихъ храмы, отринуть ихъ услуги, и не вводить ни чужеземныхъ обычаевъ, ни чужеземной одежды, равно не дозволять писать образа Святыхъ во весь ростъ, не въ церковномъ облаченіи.

Смущенная такими представленіями Царица Наталія, съ сокрушеннымъ материнскимъ сердцемъ взирала на смѣлыя предпріятія своего сына, который безбоязненно предавался духу нововведеній. Нѣжная родительница старалась совратить Его

(1) S. Petersb. Journal. 1780, стр. 284 – 294. — Въ преемники Іоакима избранъ Адріанъ, 24 Авг. 1690. — *Амвросій*, Ист. Росс. іерарх. т. I, стр. 44.

съ этого гибельнаго, по ея мнѣнію, пути; удержать Его отъ воинскихъ забавъ, особенно отъ кораблестроенія и мореплаванія.—Юный Царь дѣйствительно умѣрилъ пылкую страсть свою къ учрежденіямъ, казавшимся Ему необходимыми, и, можетъ статься, въ своихъ великихъ трудахъ отсталъ бы еще на многіе годы, если бы кончина чрезмѣру нѣжной родительницы (25 Января 1694) не прекратила спора обязанностей нѣжнаго сына—съ обязанностями мудраго Государя ([1]).

Какъ ни чувствительна была для Него сія потеря, но и въ самой грусти Его выражалась уже высшая сила стремительнаго Генія ([2]).

([1]) Она родилась 22 Августа 1651, и вступила въ супружество 22 Января 1671 года.

([2]) «Бѣду свою и послѣднюю печаль (пишетъ Петръ I. «къ тогдашнему Архангельскому Воеводѣ Ѳедору Апрак«сину) глухо объявляю, о которой подробну писать «рука моя не можетъ, купно же и сердце, обаче вос«поминая Апостола Павла, яко не скорбѣти о умер«шихъ, и Ездры, еже не возвратити день, иже мимо «иде; сія вся елико возможно, аще и свыше ума и жи«вота моего, разсуждая, предаюся всемогущему Богу, «вся по волѣ своей творящему.—По семъ яко Ной, «отъ бѣды мало отдохнувъ, и о невозвратномъ оста«вя, о живыхъ пишу; понеже по обѣщанію моему, па«че же отъ безмѣрной печали здѣ присѣтити хощу, «и того для имамъ нѣкія нужды, о которыхъ ниже се«го пишу. 1) Посылаю Никласа да Яна для строенія «малаго корабля, и чтобъ имъ лѣсъ и желѣзо и все къ «тому (потребное) было вскорѣ готово, понеже ра«но (къ вамъ) пріѣхать имѣемъ.—2) Полтараста ша«покъ собачьихъ и столько жъ (паръ) башмаковъ, раз«ныхъ мѣръ сдѣлать, о чемъ въ готовности и не сом«нѣваюсь, и проч.» — *Голиков.* Дополнен. IV, стр. 108, 109.

Царь, дѣлая различныя перемѣны, обращалъ свое вниманіе и на маловажные предметы: ибо великое долженствовало быть предуготовлено малымъ.

Съ этою цѣлію, Петръ I (20 Сентября 1694) устроилъ два празднества, которыя, споспѣшествуя распространенію лучшаго вкуса, представляли народу зрѣлище, осмѣивавшее стародавніе обычаи.

Первымъ изъ сихъ празднествъ былъ пиръ, данный Государемъ въ особо устроенномъ для того залѣ, надъ убранствомъ коего столичные художники истощили все свое искусство. Болѣе 400 особъ, въ томъ числѣ и дамы, были угощаемы великолѣпнѣйшимъ образомъ. Самъ Монархъ, при пушечной пальбѣ и фейерверкѣ, пилъ за здоровье присутствующихъ; а потомъ, желая отличить передъ всѣми Лефорта, провозгласилъ тостъ въ честь Женевской республики (1).

Поводомъ къ другому празднеству была свадьба Царскаго шута Тургенева. Поѣздъ составляли всѣ Бояре, Окольничіе и прочихъ чиновъ Думные палатные люди. Знатнѣйшіе сановники, въ старинныхъ бархатныхъ кафтанахъ, шли пѣшкомъ за Государевою каретою, въ которой сидѣли женихъ и невѣста; прочіе же гости, одѣтые въ мочальные кули и лычныя шляпы, въ крашенинные или разноцвѣтные сермяжные кафтаны, опушенные кошечьими лапами и негодными бѣличьими хвостами, въ соломенныхъ сапогахъ, мышачьихъ рукавицахъ, и лубочныхъ шапкахъ, ѣхали верхами на быкахъ, козлахъ, свиньяхъ и собакахъ.—Свадьбу торже-

(1) *Голиков.* Дополнен. IV, стр. 105, 106.

ствовали три дни, въ шатрахъ, разбитыхъ между Преображенскимъ и Семеновскимъ полками ([1]).

Всѣ постановленія сего времени, предуготовляя мало по малу къ совершенному въ послѣдующихъ годахъ, преобразованію Государственнаго Управленія, поддерживали общественную безопасность, обезпечивали благосостояніе каждаго лица, и открывали новые источники Государственныхъ доходовъ.

Предметъ сей, самъ собою, заставляетъ насъ остановиться на немъ, и выписать вкратцѣ содержаніе нѣкоторыхъ узаконеній.

Петръ I, желая упрочить въ своемъ Государствѣ правосудіе, запретилъ подавать прошенія о дѣлахъ рѣшенныхъ по именнымъ Указамъ ([2]); обезпечилъ послѣднюю волю умирающихъ, на счетъ дарованія ими свободы своимъ холопямъ ([3]); назначилъ время для судопроизводства съ 1-го Ноября по 25 Марта (дабы отъ произвольнаго опредѣленія терминовъ, въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы, не страдало хлѣбопашество и промыслы), и подвергъ отвѣтственности Воеводъ, которые бы вздумали дѣйствовать противъ сихъ правилъ ([4]).

Въ городахъ и слободахъ велѣно учредить Сотскихъ и Пятидесятскихъ, обязанныхъ наблюдать, чтобъ нигдѣ, ни у кого, не проживали безпаспортные бродяги и пришлые гуляки ([5]); пойманныхъ въ бѣгахъ крѣпостныхъ людей освобож-

([1]) *Голиков.* Дополн. IV, стр. 115, по Дневнику Желябужскаго.
([2]) *Голиковъ* Дѣян. I, стр. 237.
([3]) Тамъ же, стр. 242.
([4]) Тамъ же, стр. 257.
([5]) Тамъ же, стр. 257.

дали изъ подъ стражи на поруки, или на росписки, если помѣщикъ, коему они принадлежали, не являлся въ теченіе восьми дней (¹).

Сельскіе старосты и все общество подвергались отвѣтственности за воровство, учиненное работникомъ или служителемъ, котораго держали у себя безъ указнаго вида; а нищіе, бывшіе еще въ силахъ работать, наказывались кнутомъ, и ссылались въ Сибирь (²). Подтверждено постановленіе о наказаніи за воровство ссылкою, а не смертною казнію, коей велѣно подвергать только тѣхъ, кто убѣжитъ изъ ссылки, и снова будетъ пойманъ въ воровствѣ или разбоѣ (³); уличенный въ трикратномъ воровствѣ, послѣ тѣлеснаго наказанія и заклейменія литерою: *В*. (Воръ), былъ посылаемъ въ Сибирь (⁴).

Высшее Духовенство лишилось прежнихъ своихъ доходовъ отъ продажи рыбьяго клея, не потерпѣвъ, однако же, значительной потери, потому, что Казна вознаградила за это Архипастырей. Равнымъ образомъ, запрещено было (Указомъ 18 Февраля 1694), какъ монастырямъ, такъ и всему знатному Духовенству выкуривать потребное для домашняго обихода вино (⁵).

Для поощренія людей военнаго званія, вдовамъ и дѣтямъ заслуженныхъ воиновъ—продолжены опредѣленныя прежде пенсіи, и пожалованы инымъ помѣстья.

(¹) *Голиков*. Дѣян. I, стр. 242.
(²) Тамъ же, стр. 249.
(³) Тамъ же, стр. 237.
(⁴) Тамъ же, стр. 249.
(⁵) *Чулков*. Словарь Юридическій, т. II. стр. 176.

Къ тогдашнимъ же постановленіямъ относится и то, что Мордвѣ и Чувашамъ велѣно прикладывать своими руками, вмѣсто подписи, знаки ихъ, только къ челобитнымъ и другимъ бумагамъ, а не къ бѣлымъ листамъ, какъ дѣлывалось прежде.

Среди сихъ и многихъ другихъ занятій, дѣятельность Царя проявлялась и въ самыхъ малыхъ очеркахъ, такъ что нельзя не удивляться: какъ духъ, объемлющій столь высокіе предметы, находилъ еще время заниматься мѣлочами! (¹)

Когда замѣчали объ этомъ Петру I, Онъ обыкновенно говаривалъ въ отвѣтъ Русскую пословицу: «*кто не бережетъ денежки, тотъ самъ не стоитъ рубля.*»

(¹) Подобно Карлу Великому, обращавшему вниманіе даже на куриныя яйца, Петръ Великій (1693) писалъ въ Архангельскъ, къ Апраксину, чтобы онъ купилъ для Него лимоновъ; «естьли лимоновъ свѣжихъ будетъ много, «половину осолить, а другую натереть на сахаръ, ис«крошивши по двѣ бутылки, а нутрь изрѣзать и пе«ресыпать сахаромъ же въ ставни; а какъ дѣлать, и «тому послалъ я образецъ; а буде мало будетъ, все «сдѣлать въ лимонадъ. О секѣ и ренскомъ не запамя«товать, а объ иномъ изъ каравана ни о чемъ прошу, «развѣ естьли будутъ инструменты Математическіе «или Тимерманскіе.»

ГЛАВА VI.

Первый Азовскій походъ, въ 1695 году.

Пять лѣтъ Россія и Турція находились не въ войнѣ и не въ мирѣ; домашнія безпокойства,—а можетъ статься, и непріятное сознаніе собственнаго безсилія—отклоняли Русское Правительство отъ возобновленія непріятельскихъ дѣйствій противъ Турокъ, не смотря на то, что опустошенныя провинціи Польши и Венгріи умоляли Царскій Дворъ о поданіи помощи.

При дальнѣйшемъ бездѣйствіи Московскаго Кабинета, Турція могла принудить прочихъ своихъ противниковъ къ заключенію мира,—и потомъ быть столь же опасною для предѣловъ Россійскихъ, какъ была она опасна для границъ Австріи и Польши; тѣмъ болѣе, что оба Крымскіе похода не внушили ей ни малѣйшаго уваженія къ тогдашнимъ Русскимъ Полководцамъ. Сверхъ того, Польская республика легко могла вздумать вознаградить прежнія потери свои нападеніемъ на Смоленскъ и Кіевъ. Такія причины заставили Царскую Думу рѣшиться продолжать войну съ Турками.

Новая корабельная верьфь въ Воронежѣ была только что заложена; но Петръ I полагалъ, что вновь сформированное Имъ войско, и безъ флота управится съ непріятелемъ; почему Русская армія и двинулась, съ двухъ сторонъ, къ границамъ.

Шереметевъ и Мазепа, со 100,000 воиновъ, долженствовали, въ началѣ весны (1695), овладѣть укрѣпленными мѣстами по низовью Днѣпра,—между тѣмъ, какъ другой Корпусъ, состоявшій изъ 31,000 человѣкъ, былъ назначенъ для осады Азова.

Азовъ былъ равно важенъ какъ для Турціи, такъ и для Россіи: онъ могъ поддерживать Татарскіе набѣги, и могъ препятствовать имъ.

Султанъ Магометъ II завоевалъ Азовъ (1453) вмѣстѣ съ Крымомъ. Четыре тысячи безпокойныхъ Казаковъ отняли (1639) сей городъ у храбраго Турецкаго гарнизона, превзойдя его своею собственною храбростію; но послѣ двухъ походовъ — стоившихъ Туркамъ до 30,000 человѣкъ — Азовъ достался имъ снова, и они, изъ незначительныхъ укрѣпленій, соорудили важную для тогдашняго времени крѣпость.

Крѣпость сія, лежащая на лѣвомъ берегу Дона [1], по показанію Крюйса, подъ 47° 20′, Сѣв. шир. и 64° 32′, Вост. долг., въ двухъ миляхъ отъ моря, выстроенная четвероугольникомъ, обведенная рвомъ, шириною въ семь сажень, и двойною стѣною въ $\frac{3}{4}$ саж. вышины, съ бойницами и башнями, защищалась 8,000 отборныхъ воиновъ.

Осадный Корпусъ выступилъ изъ Москвы отдѣльными отрядами, подъ командою Генераловъ: Алексѣя Семеновича Шеина, Патрика Гордона, Франца Лефорта и Артамона Михайловича Головина, при которомъ находился и самъ Монархъ, желавшій сначала обезпечить столицу отъ опустошавшихъ тогда многіе города пожаровъ: для чего

(1) Краткое описаніе всѣхъ случаевъ, относящихся до Азова, стр. 83 и слѣд.

учреждена была новая Полицейская команда, и предписаны строгія правила предосторожности (1).

Петръ I оставилъ Москву 28 Апрѣля, въ чинѣ Капитана Преображенскаго полка, безъ малѣйшихъ, впрочемъ, признаковъ высокаго своего званія.

Должно полагать, что незадолго предъ симъ, Преображенскіе и Семеновскіе Потѣшные переименованы въ полки, изъ которыхъ въ послѣдствіи, во время Сѣверной войны, составлена Царская Гвардія (2).

Въ слѣдующій день войско сѣло на струги, находившіеся на Москвѣ рѣкѣ; но гдѣ вышло оно на берегъ, и когда, въ новыхъ судахъ, отплыло далѣе—намъ неизвѣстно. Впрочемъ, отъ 21 Іюня Монархъ писалъ уже къ Гордону слѣдующее: «Мы идемъ Дономъ, съ великимъ поспѣшеніемъ, днемъ и ночью.»

Въ первыхъ числахъ Іюля—явились подъ Азовомъ прежде выступившія войска (5-го числа прибыли туда и Головинскіе полки съ самимъ Монархомъ (3)); расположились станомъ съ Сѣверной и Южной сторонъ, и построили батареи.

Обезпокоенный и раздраженный Русскими бомбами, непріятель сдѣлалъ двѣ вылазки противъ обоихъ укрѣпленныхъ становъ, и съ обыкновенною Турецкою стремительностію, ворвался въ самые шанцы и началъ, было, заколачивать пушки,—какъ вдругъ самъ Государь налетѣлъ съ своими двумя полками, опрокинулъ Турокъ, и преслѣдовалъ ихъ до самыхъ стѣнъ крѣпости.

(1) *Голиков.* Дополн. т. IV. стр. 129.
(2) S. Petersb. Journal, 1778, стр. 225, — 256 *Голиков.* Дополн. IV. стр. 126, 127.
(3) *Голиков.* Дополн. IV. стр. 133.

Среди военнаго шума, Царь писалъ письма, между прочимъ, и къ Англійскому Механику Крафту, о присылкѣ Математическихъ инструментовъ, которые бы онъ могъ носить съ собою за поясомъ (¹).

По обоимъ берегамъ Дона, въ шести верстахъ отъ Азова, стояли двѣ сильно укрѣпленныя каланчи, соединявшіяся между собою толстыми цѣпями. Каланчи сіи, бывъ заняты нѣсколькими сотнями Турокъ, препятствовали приближенію Русскихъ судовъ по Дону, и тѣмъ затрудняли подвозъ припасовъ къ стану осаждающихъ. Полковнику Джемсу Гордону, съ 700 человѣкъ, приказано было атаковать (14 Іюля) ближайшую каланчу. Турки защищались отчаянно, положили на мѣстѣ 200 Русскихъ, какъ показываютъ иностранныя, или только *десять* (²), какъ говорятъ туземныя извѣстія; но видя себя не въ силахъ далѣе сопротивляться, бросились въ рѣку, съ тѣмъ, чтобъ добраться до другой каланчи; но большая часть изъ нихъ по-

(¹) «Пишешь ты (сказано во второмъ письмѣ), что не «повѣрили, что мнѣ носить (тѣ инструменты), но въ «коляскѣ возить, и то воистинну не вѣдаючи сдѣлали, «потому что они дорогъ нашихъ не видали, по кото-«рымъ мы ходимъ, въ которыхъ не только что въ «колясках, но и пѣшіе наклонясь ходимъ, потому что »подошли къ гнѣзду близко и шершней раздразнили, ко-«торые за досаду свою крѣпко кусаются; — однако и «гнѣздо ихъ по маленьку сыплется.» Это письмо начинается, какъ и многіе другіе, словами: «Min Her!» и оканчивается подписью Царя: «Piter,» *Гол.* Дополн. IV. стр. 135.

(²) Сіе послѣднее число убитыхъ показываетъ и самъ Монархъ, въ письмѣ къ Крафту, отъ 17 Іюля.— *Голиков.* Дѣян. XI, стр. 9.

тонула или перебита ([1]). Когда бомбы разрушили стѣны другой каланчи, то гарнизонъ добровольно очистилъ оную, уйдя ночью, на 16 число, въ Азовъ. Одинъ только Комендантъ остался въ укрѣпленіи, рѣшась взлетѣть на воздухъ, вмѣстѣ съ приближавшимся непріятелемъ, но, по счастію, Русскіе успѣли во время захватить его въ плѣнъ ([2]).

«А на тѣхъ двухъ каланчахъ (пишетъ Петръ къ «Іоанну Алексѣевичу) взято мѣдныхъ великихъ и «среднихъ и малыхъ тритцать двѣ пушки, кромѣ «всякаго мѣлкаго ружья; пороху же, ручныхъ «гранатъ, ядеръ и всякихъ припасовъ многое число, «да три знамя, живыхъ 14 человѣкъ, а побито и «перетонуло многое число.»

Во время продолженія осады, получено въ Главной Квартирѣ извѣстіе объ успѣхахъ Шереметева на Днѣпрѣ; равно о взятіи Кизикирменя и другихъ укрѣпленныхъ мѣстъ.

Усиленные толпами Турокъ, Татары (8 Августа) напали на Русскій станъ подъ Азовомъ; но потерявъ, какъ показываютъ, 3000 человѣкъ, были отражены и преслѣдуемы 10 верстъ, до рѣки Кагальника.—Монархъ лично благодарилъ побѣдителей, за ихъ мужество и усердную службу.

([1]) Краткое описаніе всѣхъ обстоятельствъ, относящихся до Азова, стр. 193.

([2]) *Голиковъ*, Дополнен. т. IV, стр. 138.

([3]) *Голиков.* Дѣян. т. XI, стр. 6. — Отвѣтъ Царя Іоанна Алексѣевича, отъ 31 Іюля (Голиков. Дѣян. т. XI стр. 7, 8.) исполненъ изъявленіями братскихъ чувствованій и нѣжной заботливости о здравіи брата, котораго онъ желаетъ видѣть,—какъ **побѣдителя**,— невредимымъ.

Нѣкоторые полагаютъ потерю Русскихъ подъ Азовомъ въ 30,000 человѣкъ; но это несправедливо, потому, что все войско осаждающихъ, какъ показано выше, составляло не много болѣе сего числа. Другіе, напротивъ того, слишкомъ уже уменьшаютъ сію потерю, полагая оную только въ 3000 человѣкъ.

ГЛАВА VII.

Второй Азовскій походъ, въ 1696 году.

Чтобы отвратить недостатокъ въ знающихъ Военное Дѣло людяхъ, Петръ I просилъ сосѣдственныя Державы о присылкѣ годныхъ Инженеровъ, Саперовъ и Артиллеристовъ. Въ слѣдствіе этого явились къ Нему, изъ за границы, Офицеры: Боргсдорфъ (1), Гольцманъ, Коберъ, Лаваль, Розе, Шмидтъ, Шустеръ, Урбанъ и другіе, споспѣшествовавшіе военному преобразованію въ Россіи. Между тѣмъ былъ привезенъ изъ Амстердама значительный запасъ ружей (2); Стольники, Стряпчіе, Дворяне Московскіе и Жильцы призывались къ оружію.

Свободныхъ состояній люди и холопи, стекались въ Москву и записывались въ службу. Семейства ихъ должны были оставаться въ Преображенскомъ, на содержаніи Государевомъ.

При таковыхъ пріуготовленіяхъ къ новому походу, Монархъ обнаруживалъ истинное величіе своего характера,—съ одной стороны, точнымъ

---

(1) Эрнстъ Фридрихъ фонъ Боргсдорфъ, сочинитель книги: Die unüberwindliche Festung, oder das im Treffen um die Reputation und Libertät der Völker erhaltene Feld. 8. Ulm. 1682 съ картинками, 102 стр.

(2) *Голиков.* Дополн. IV. стр. 151.

исполненіемъ получаемыхъ имъ приказаній ([1]), съ другой — добровольнымъ небреженіемъ о своемъ Царскомъ достоинствѣ ([2]).

Генералъ Шеинъ, въ званіи Главнокомандующаго, оставилъ столицу 15 Марта 1696; — за нимъ слѣдовали Генералы: Патрикъ Гордонъ и Артамонъ Головинъ, Генералъ - Квартирмейстеръ Карлъ Рихманъ, Начальникъ Артиллеріи — Стольникъ Иванъ Вельяминовъ-Зерновъ, и Генералъ-Кригскоммисаръ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ ([3]).

Между тѣмъ, постройка судовъ въ Воронежской верьфи, въ продолженіе цѣлой зимы, произво-

---

([1]) «По возвращеніи отъ невзятья Азова (пишетъ Петръ, 30 Ноября, къ Архангельскому Воеводѣ, титулуя его: Min Her Gubernor Archangel), съ консиліи Господъ «Генераловъ указано мнѣ къ будущей войнѣ дѣлать «*галси*, для чего удобно мню быти шхипъ - тимерманомъ «всѣмъ отъ васъ сюды, понеже они сіе зимнее время «туне будутъ препровождать; а здѣсь могутъ тѣмъ «времянемъ великую пользу къ войнѣ учинить; а «кормъ и затруды заплата будетъ довольная, и ко «времяни отшествія кораблей возвращены будуть безъ «задержанія, и тѣмъ ихъ обнадежь, и подводы дай, и «на дорогу кормъ; также и иноземцы, которые отсель, объ иныхъ кромѣ тимермановъ будутъ писать «также подводы и кормъ, а имянно унтъ и тиману, и «сколь возможно пришли ихъ сюды.»

([2]) «Ѳедоръ Матвѣевичь!» (писалъ Монархъ къ Апраксину, отъ 11 Декабря): «за письмо твое благодарствую, «однакожъ зѣло сумнимся ради двухъ вещей: 1) что «не ко мнѣ писалъ, 2) что съ зѣлными чинами, чего не «люблю; а тебѣ можно знать (для того что ты на«шей компаніи), какъ писать; а про насъ хочешь вѣ«дать, далъ Богъ живы, а письмо отдалъ семьѣ твоей самъ.» *Голиков.* Дѣян. X 12.

([3]) *Голиков.* Дополн. V, стр. 150.

дилась съ такою поспѣшностію, что къ веснѣ были готовы: 2 фрегата, 4 брандера, 2 гальета и 23 галеры ([1]), надъ которыми Лефортъ, въ званіи Адмирала (уже не для забавы, какъ то было на Переславскомъ озерѣ), принялъ главное начальство. Вице-Адмиралъ Георгъ Лима (родомъ Генуезецъ) и Контръ-Адмиралъ Карлъ Лозеръ, отдавъ воинскую честь новому начальнику, вступили въ отправленіе своихъ должностей. Монархъ находился на фрегатѣ Принципіумъ, а Лефортъ на другомъ фрегатѣ. Весь флотъ раздѣленъ былъ на девять отдѣленій, экипажъ коихъ состоялъ вообще изъ 3997 человѣкъ, включая въ то число Царскіе полки: Преображенскій и Семеновскій.

Передовымъ морскимъ отрядомъ предводилъ Лефортъ, вторымъ Лима, третьимъ Лозеръ, четвертымъ Государь, и т. д.

Множество Казачьихъ лодокъ, нагруженныхъ провіантомъ и военными снарядами, сопровождали Русскую флотилію, которая, между 15 и 17 числами Мая, собралась вся у Черкасска, и отплывъ оттуда 19 числа, по другому рукаву Дона, достигла вскорѣ морскаго устья. Но такъ какъ безпрерывные Сѣверные вѣтры угнали изъ рѣки много воды въ море, то флотилія и не могла вдругъ войти въ него ([2]).

Узнавъ, что Турецкая эскадра приближается къ Азову, Русскія мѣлкія суда скрылись за Караярскимъ островомъ. — Турки, не опасаясь нападе-

---

([1]) *Голиков.* Дѣян. I, стр. 269.

([2]) Показанія сіи извлечены изъ Государева письма къ Механику Крафту, писаннаго въ томъ же мѣсяцѣ. — *Голиков.* Дѣян. XI, стр. 14, 15, слѣд. — Краткое описаніе всѣхъ обстоятельствъ, относящихся до Азова.

нія, нагрузили военными снарядами и другими потребностями 13 тамбаковъ, которые неожиданно были окружены, и только три изъ нихъ успѣли уйти въ Азовъ; другіе же взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ 270 человѣкъ, въ числѣ коихъ былъ и одинъ Ага; а остальные, съ двумя большими кораблями Турецкаго флота, или сожжены, или потоплены ([1]).

Казаки были одни въ семъ дѣлѣ съ Государемъ, и, за отличное мужество, получили въ награду всю добычу, состоявшую изъ 5000 червонныхъ, богатыхъ запасовъ сукна, муки, сарачинскаго пшена, масла и проч.; отнятые же у непріятеля военные снаряды, какъ то: 3000 бомбъ, 5000 гранатъ, 86 бочекъ пороху, нѣсколько орудій, множество сабель, пикъ и другаго оружія обращены въ Казну.

Близость Капитанъ-Паши, съ 20 военными судами, заставила, между тѣмъ, Русскихъ, собравъ свою морскую силу въ одно мѣсто, укрѣпиться батареями и цѣпями.

Подступая, съ сухаго пути, къ осадному подъ Азовомъ Корпусу, Нурредитъ-Султанъ требовалъ отъ начальника Турецкаго флота присылки войскъ въ подкрѣпленіе. Но, между тѣмъ, близкая опасность съ моря—была причиною неисполненія сей просьбы ([2]). Нурредитъ рѣшился дать сраженіе (10 Іюня);—былъ разбитъ, едва успѣлъ спастися самъ, и, преслѣдуемый до Кагальника, потерялъ около 4000 человѣкъ.

([1]) Краткое опис. всѣхъ обст., относ. до Азова, стр. 197, 198. — *Голиков.* Дополн. IV, стр. 159 и слѣд. — Дѣян. т. XI, стр. 15.

([2]) Изъ Царскаго письма къ Крафту отъ 23 Іюня, съ фрегата Принципіумъ.—*Голиков.* Дѣян. XI, стр. 18.

12 Іюня заложены первыя Русскія батареи, и, смѣшивая Божественное съ человѣческимъ, осаждающіе, молебнами и водосвятіемъ, подали ужасный сигналъ къ началу разрушительныхъ дѣйствій: бомбы полетѣли въ городъ—но первая изъ нихъ не была брошена Царственнымъ Бомбардиръ-Капитаномъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые: въ это самое время Онъ былъ еще занятъ обезпеченіемъ своей флотиліи.

Главноначальствующій Генералъ Шеинъ, съ 15,000 пѣхоты и 10,000 конницы, окопался въ центрѣ. Генералъ Гордонъ, съ 15,000 человѣкъ, прикрывалъ правый флангъ, а Генералъ Рихманъ, съ 7000, лѣвый. Казаки, въ числѣ 20,000, служили продолженіемъ сего послѣдняго,—между тѣмъ, какъ флотъ упирался, такъ сказать, съ одной стороны, о наведенный на судахъ черезъ Донъ мостъ, а съ другой, о два мостовыя укрѣпленія, устроенныя Царемъ и Джамесомъ Гордономъ.

Такимъ образомъ, если принять въ счетъ и морскую силу, Азовъ былъ окруженъ почти 75,000 человѣкъ, предпріятіе коихъ прикрывалъ вдалекѣ Шереметевъ, съ 40 — 50,000 Корпусомъ ([1]).

На правомъ берегу рѣки, противъ самаго Азова, три Русскіе шанца защищались 1800 воиновъ, 12 пушками и 17 мортирами ([2]).

([1]) Краткое описаніе всѣхъ обстоятельствъ, относящихся до Азова; стр. 199.—*Голиков.* Дополн. I V, стр. 152, 153.

([2]) Въ письмѣ къ Механику Крафту, писанномъ съ фрегата Принципіумъ, 3 Іюля, Петръ I извѣщаетъ его о военныхъ дѣйствіяхъ, и начинаетъ другое письмо слѣдующими словами: «Min Her! Письма твои Маія 26 «Іюня 2 дня писанныя, мнѣ отданы, въ которыхъ пи-«сано о часахъ песочныхъ, что посланы, и я тѣ ч-«все принялъ, только тѣ, которые чрезъ валуйку

Въ началѣ Іюля, Гордонъ посылалъ пустыя телѣги свои для доставленія привезенныхъ на судахъ различныхъ потребностей ([1]). Царь проводилъ самъ обозъ до стана. Генералы: Лефортъ и Артамонъ Головинъ прибыли туда же, и заняли указанныя имъ мѣста ([2]).

По новому плану, осаждающіе, посредствомъ насыпнаго землянаго вала, хотѣли взойти на крѣпостныя стѣны.— Раздался громъ орудій. Съ трескомъ рушились укрѣпленія. — Русскіе требовали сдачи города, предоставляя осажденнымъ свободный выходъ, и угрожая, въ противномъ случаѣ, неволею. — Комендантъ отвѣчалъ на эти предложенія усиленною пальбою изъ всѣхъ орудій, и отчаянною вылазкою, стоившею ему 400 убитыхъ и 22 плѣнныхъ ([3]).

Вторичное нападеніе соединеннаго Турецко-Татарскаго войска, было, равномѣрно, отражено удачнымъ дѣйствіемъ Русской Артиллеріи,— и все пространство между обоими станами, до самаго Кагальника, покрылось (по сказанію побѣдителей) 5000 непріятельскихъ труповъ.

Явились и переметчики изъ крѣпости, приносившіе вѣсти: что гарнизонъ состоитъ не болѣе, какъ изъ 2000 человѣкъ, терпитъ во всемъ недостатокъ, и давно бы долженъ былъ сдаться на капитуляцію, если бы изъ Русскаго стана не

«порчены оба, мню, что для скорой ѣзды, и впредь «какъ компасы и иные часы будутъ, вели ихъ послать «чрезъ Воронежъ водою съ нарошнымъ человѣкомъ, «чтобъ бережнѣе довесть.»

([1]) *Голиков.* — Дѣян. XI, стр. 19, 20.

([2]) *Голиков.* - Тамъ же, стр. 20.

([3]) *Голиков.* Дополн. IV, стр. 171 — 174. п.

снабжали его съѣстными припасами. — Всѣ выходы были тщательно оберегаемы. — Пойманный преступникъ объявилъ своими сообщниками одного Русскаго и одного Нѣмца, которые, бывъ ослѣплены надеждою пятидесятиричной выгоды, забыли стыдъ и опасность.

Осажденные были вытѣснены изъ своихъ наружныхъ укрѣпленій. Мазепа объявилъ желаніе идти на приступъ съ своими Казаками. Поддерживаемый, съ другой стороны, фальшивою атакою всего осаднаго войска, онъ овладѣлъ (17 Іюля) двумя раскатами и нѣсколькими пушками.

Послѣ неудачной попытки ввести въ городъ 2000 человѣкъ войска, осажденные сдались на капитуляцію.

Главнѣйшими условіями были слѣдующія: 1) свободный выходъ изъ Азова, съ такимъ количествомъ имущества, сколько каждый унести на себѣ можетъ. 2) Выдача Русскимъ измѣнника Янсона и прочихъ переметчиковъ.

Согласившись не безъ труда на сей послѣдній пунктъ, осажденные, 19 Іюля, выступили изъ города, который, въ теченіе полутора мѣсяца, защищали они противъ сильнѣйшаго вдесятеро непріятеля. Русскіе нашли тамъ 96 орудій, и 31 въ сосѣдственной крѣпости Лютинѣ, которая, черезъ три дня по взятіи Азова, не бывъ еще осаждена, выставила бѣлое знамя.

« Нынѣ со Святымъ Павломъ радуйтеся всегда о Господѣ (пишетъ Монархъ къ Боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу, отъ 20 Іюля) и паки реку, радуйтеся; нынѣ же радость наша ис«полнися, понеже Господь Богъ двалѣтнія труды

ремешева были распущены; регулярныя же выступили къ Москвѣ ([1]).

30 Сентября, Государь и побѣдоносные Его сподвижники имѣли торжественный въѣздъ въ столицу ([2]).

При всходѣ на каменный мостъ построены были, по Римскому образцу, тріумфальныя ворота, по правую сторону коихъ стояла на пьедесталѣ статуя Марса, державшаго въ одной рукѣ мечь, а въ другой щитъ, съ надписью: «*Марсовою храбростію*.» У ногъ статуи лежалъ Татарскій Мурза, съ лукомъ и колчаномъ, а за нимъ два скованные Татарина, съ надписью:

Прежде на степяхъ мы ратовались,
Нынѣ жъ отъ Москвы бѣгствомъ едва спасались.

По лѣвую сторону воротъ, на такомъ же пьедесталѣ, находилась статуя Геркулеса, державшаго въ одной рукѣ свою палицу, а въ другой зеленую вѣтвь, съ надписью: «*Геркулесовою крѣпостью*.» У ногъ его лежалъ Азовской Паша въ чалмѣ, и два скованные Турка, съ надписью:

Ахъ! Азовъ мы потеряли,
И тѣмъ бѣдствъ себѣ достали.

Входъ въ ворота былъ украшенъ двумя золотыми парчевыми полстями, съ золотыми же кистями. На одной изъ полстей было написано крупными словами: «*Побѣда Царя Константина*

([1]) *Голиковъ*. стр. 194 — 196.

([2]) Помѣщаемъ здѣсь описаніе сего торжества съ бóльшею подробностію, нежели какъ помѣщено оно у Бергмана. — *Голиковъ*. Дополн. IV, стр. 122 — 206. — Подробности сіи, для Русскихъ, вѣроятно, не покажутся излишними. *Переводч*.

надъ нечестивымъ Царемъ Максентіемъ Римскимъ;» а на другой: «*Возвратъ съ побѣдою Царя Константина.*» Внутренность воротъ была обита богатыми шелковыми обоями, изображавшими побѣды прежнихъ Россійскихъ Государей. — По своду въ воротахъ была сдѣлана золотыми буквами тройная надпись: «*Пріидохъ, видѣхъ, побѣдихъ.*»—Среди свода висѣлъ зеленый лавровый вѣнецъ, на верху красовался двуглавый, съ тремя коронами, орелъ, державшій въ лапахъ державу и скипетръ, вокругъ воротъ спускался кзымсъ, на коемъ были изображены пушки, ядра и приступъ къ Азову, рѣкою Дономъ, военныхъ судовъ, съ двумя надписями: «*Богъ съ нами; никто же на ны!*» и: «*никогда же бываемое.*» Далѣе изображенъ парящій Ангелъ, съ лавровымъ вѣнкомъ въ правой, и зеленою вѣтвію въ лѣвой рукахъ. На вѣтви блистала надпись: «*Достоинъ дѣлатель мзды своея.*» — Надъ сводами воротъ, видны были разные воинскіе атрибуты: по сторонамъ же стояли, перевитыя зелеными вѣтвями, двѣ пирамиды, съ надписями, на одной: «*Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ полевыхъ;*» а на другой. «*Въ похвалу прехрабрыхъ воевъ морскихъ.*» — Отъ пирамидъ, вдоль моста, разставлены были огромныя живописныя картины, украшенныя, вмѣсто рамъ, лаврами. На одной, представлявшей сраженія съ Татарами и приступъ къ Азову, была надпись:

Москва Агарянъ побѣждаетъ,
На многія версты прехрабро прогоняетъ.

Вдали виднѣлась, на древкѣ, голова въ чалмѣ, съ надписью: «*Голова Дулакъ-Мурзы.*» — Другая картина, изображавшая приступъ же къ Азову

и морское сраженіе, отличалась слѣдующею надписью:

На морѣ Турки поражены,
Оставя Москвѣ добычу, корабли ихъ сожжены.

Въ морѣ, на огромномъ чудовищѣ, сидѣлъ съ трезубцомъ и весломъ, Нептунъ, изъ устъ коего выходили писанныя слова: *«Се и азъ проздравляю взятьемъ Азова и вамъ покаряюсь.»* — Вдали, на древкѣ же, виднѣлась голова въ чалмѣ, съ надписью: *«Голова Азовскаго Паши.»* — Отъ картинъ, по обѣимъ сторонамъ, мостовыя перила были увѣшаны богатыми Персидскими коврами; а по угламъ воротъ поставлены четыре мѣдныя пушки. Улицы, ведшія къ Кремлю, пестрѣли многоразличными украшеніями. Стрѣльцы, неучаствовавшіе въ походѣ, стояли, подъ ружьемъ, стройными рядами.

Торжественное шествіе началось слѣдующимъ порядкомъ: 1) девять конюховъ, за коими вели осѣдланную лошадь съ утвержденнымъ на сѣдлѣ палашемъ.—2) Девять же конюховъ верхами, и за ними десятый вооруженный. — 3) Карета въ 6 лошадей, въ которой сидѣлъ прежній Царскій наставникъ, Зотовъ, держа въ рукахъ щитъ, съ золотою цѣпью, осыпанною бриліантами, и драгоцѣнную саблю, поднесенныя въ даръ Монарху отъ Гетмана Мазепы. — За каретою шли Государевы пѣвчіе и дворцовые служители. — 4) Шесть багато убранныхъ верховыхъ лошадей; за ними, карета, въ которой ѣхалъ Бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ и Кравчій Кирила Алексѣевичъ Нарышкинъ; потомъ порожняя карета Нарышкина, и двѣ парадныя коляски, каждая въ 6 лошадей.— 5) Богато убранныя лошади Генералъ - Адмирала

Лефорта; двѣ коляски, запряженныя каждая шестью лошадьми; торжественная открытая колесница, сдѣланная на подобіе морской раковины, изукрашенная золотомъ, и везомая 6 сѣрыми богато убранными лошадьми. Колеса закрывались Тритонами и другими морскими чудовищами (отъ чего Шеинъ, въ своемъ журналѣ, и назвалъ колесницу сію санями). — Въ колесницѣ сидѣлъ Францъ Лефортъ, въ бѣломъ морскомъ мундирѣ, обложенномъ серебряными гасами. — За колесницею несли морской флагъ; за флагомъ слѣдовали морскіе служители, числомъ до 3000 человѣкъ; далѣе Вице-Адмиралъ Лима, Контръ-Адмиралъ Лозеръ, съ своею свитою, а иностранные Инженеры, Канонеры и другіе иноземцы верхами. — 6) За знаменами и значками, сопровождаемыми вооруженными людьми, трубачами литаврщиками и другими музыкантами, несли большое Государево знамя, съ изображеніемъ Христа Спасителя. За знаменемъ, окруженнымъ солдатами, ѣхалъ Бояринъ и Большой Воевода Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, въ черномъ бархатномъ кафтанѣ, украшенномъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, съ большимъ бѣлымъ перомъ на шапкѣ, и съ обнаженною саблею въ рукѣ. По сторонамъ Боярина ѣхали драбанты съ обнаженными палашами. — 7) За Воеводою Артиллеріи Вельяминовымъ-Зерновымъ, солдаты влекли по землѣ Турецкія знамена, за коими шелъ плѣнный Мурза Аталыкъ, съ связанными платкомъ руками. — 8) Дивизіонный Генералъ Артамонъ Головинъ, Полковникъ Семеновскаго полка Чамберсъ, и напослѣдокъ, Капитанъ Преображенскаго Петръ I, въ простомъ Офицерскомъ мундирѣ, и пѣшкомъ, вмѣстѣ съ сво[illegible]ами,

составляли отдѣльныя торжественныя группы.— 9) За бомбардирами и пушкарями, везли измѣнника Якова Янсона, на телѣгѣ, запряженной четырью лошадьми; онъ былъ въ Турецкомъ платьѣ, и стоялъ подъ укрѣпленною на телѣгѣ, висѣлицею, бывъ къ ней прикованъ и имѣя петлю на шеѣ; надъ нимъ висѣлъ Турецкій полумѣсяцъ, съ надписью: *«ущербъ луны.»* Въ висѣлицу были воткнуты два ножа, два топора, и посторонамъ развѣшаны кнутья, плѣти, ремни и проч. — На перекладинѣ висѣлицы было написано: *«сей злодѣй четырехкратною перемѣною закона измѣнилъ Богу и всему народу.»* По бокамъ Янсона стояли два палача, съ своими орудіями; на груди у него была дощечка, съ словами: *«Злодѣй.»*—Рота солдатъ, шла за телѣгою, которая въѣхала въ Москву не чрезъ тріумфальныя, а чрезъ нижнія Вознесенскія ворота. — 10) Отрядъ Генерала Гордона, съ такою же пышностію, какъ и другіе, заключалъ сіе торжественное шествіе.

Воинскія почести, ружейная и пушечная пальба, звуки трубъ, литавръ, барабановъ и другихъ инструментовъ, сливаясь съ колокольнымъ по всей Москвѣ звономъ, привѣтствовали возвращавшихся побѣдителей. Всего умилительнѣе былъ видъ Монарха, истинное величіе коего еще болѣе обнаруживалось тѣмъ, что Онъ, какъ будто забылъ о Царскомъ своемъ достоинствѣ, для того, чтобъ удержать за собою чинъ, доставшійся ему по заслугамъ, а не по рожденію.

Среди сего блестящаго торжества, Адмиралъ Лефортъ и Большой Воевода Шеинъ почтены отличнѣйшимъ предъ прочими пріемомъ. Подвиги ихъ воспѣты тогдашними отечественными Музами.

Когда Адмиральская колесница подъѣхала къ мосту, Лефортъ, вмѣстѣ съ Командоромъ, пошли пѣшкомъ къ тріумфальнымъ воротамъ, сопровождаемые пушечною и ружейною пальбою. При ихъ приближеніи, съ воротъ возглашены были Геніемъ слѣдующіе стихи (1):

Генералъ-Адмиралъ, морскихъ всѣхъ силъ глава,
Пришелъ, узрѣлъ, побѣдилъ прегордаго врага.
Мужествомъ Командора Турокъ вскорѣ пораженъ,
Премногихъ же оружій и запасовъ си лишенъ,
Сраженіемъ жестокимъ бусурманы побѣжденны,
Корысти ихъ отбиты, корабли запалены.
Оставшія жъ ся въ бѣгство ужасно устремиша,
Страхъ великій въ Азовѣ и всюду расшириша,
По сихъ ихъ сила многа на морѣ паки пріиде,
Но въ помощь въ градъ Азовъ отъ сихъ никто же вниде,
Сіе бо возбранила морскихъ то воевъ сила,
И къ сдачѣ градъ Азовъ всю выю наклонила,
И тѣмъ взятьемъ весело тя поздравляемъ.
Труды же Командора тріумфомъ прославляемъ.

Когда подъѣхалъ къ воротамъ Бояринъ Шеинъ, то и ему, тотъ же Геній, и чрезъ ту же трубу, произнесъ слѣдующее привѣтствіе:

О великій Воевода! тя мы восхваляемъ,
Преславныя твои дѣла повсюду разширяемъ,
Радуйся Полководче Агарянъ побѣдивый,
Полки Татаръ и Турокъ прехрабро прогонивый.

---

(1) Труба сія была величиною въ полторы сажени, и весь народъ могъ явственно слышать произнесенныя въ нее слова. — Кто былъ именно упоминаемый здѣсь Командоръ—изъ нашихъ лѣтописей невидно; по всѣмъ, однако же, догадкамъ, названіе сіе должно принадлежать самому Государю. — *Переводч.*

Гдѣ нынѣ гордость ихъ, яже въ высость восходила,
Во всѣ три части міра пространно разширила?
Преполная луна у нихъ се нынѣ ущербляетъ;
Взятьемъ бо Азова весьма ея умаляетъ;
Желаемъ же прилѣжно, какъ нынѣ побѣждалъ,
И въ будущія бъ лѣта Измаилъ упадалъ!
Преславное же воинство побѣды одержали;
Съ такими жъ радостями во свояси возвращали,
Предхвальныя тѣ дѣла пріяли достоинства;
И два лѣтніе труды всего преславна воинства;
Сими враты побѣды повсюду разширяемъ,
И подвиги прехрабры тріумфомъ прославляемъ.

Всѣ Генералы, въ особенности Шеинъ и Лефортъ, жалованы помѣстьями, мѣхами, кафтанами, золотыми и серебряными кубками; другіе же (даже до низшаго чина) награждены медалями, и похвальными грамотами, съ Государственною печатью, на золотыхъ или серебряныхъ снуркахъ.

Чрезъ нѣсколько дней, преступный Янсонъ, по наказаніи его кнутомъ, былъ колесованъ, и голова измѣнника, въ предостереженіе другимъ, взоткнутая на колъ, выставлена на позорище.

Для удовольствія столицы, Петръ I приказалъ, между прочимъ, устроить на прудѣ, близь Краснаго села, точное изображеніе Азова, съ окрестными крѣпостями, которыя всѣ были иллюминованы, — и еще болѣе освѣщены множествомъ пущенныхъ изъ нихъ ракетъ (¹).

(¹) *Голиков.* Дополнен. т. IV, стр. 225.

ГЛАВА VIII.

Строеніе кораблей. — Смерть Іоанна. — Открытіе заговора.

Едва ли когда Европа принимала столько участія въ какомъ-либо воинскомъ предпріятіи, сколько обнаружила его въ дѣлѣ, доставившемъ Россіи ключь къ Черному морю, обезпечившемъ Украйну отъ Крымскихъ набѣговъ, и бывшемъ для союзныхъ Державъ потому уже важнымъ, что оно отвлекло большую часть Турецкой силы отъ границъ Польши и Венгріи.

Царь отвсюду получалъ поздравленія съ счастливымъ окончаніемъ похода. Казалось, что Турецкій полумѣсяцъ померкалъ уже предъ утреннею зарею Россіи. Искусство увѣковѣчило подвиги Царскаго оружія, выбитыми въ честь Его двумя медалями.

Одна изъ нихъ изображаетъ пылающій, отъ Русскихъ бомбъ, Азовъ, съ словами: «per fulmina et fluctus victor 1697;» а другая, на полумѣсяцѣ, богиню побѣды, держащую въ правой рукѣ пальму, а въ лѣвой крестъ, съ надписью: «Hisce. Axenus. Fiat. Euxenus.»

Петръ I, торжествуя побѣду, не забывалъ, однако же, что падшій отъ Русскаго флота Азовъ, только посредствомъ Русскаго же флота и могъ быть удержанъ за Россіею,—и для сооруже-

нія онаго воспламенилъ въ своихъ подданныхъ безпримѣрную любовь ихъ къ отечеству.

Положеніе Воронежа, на узкой, но круто-глубокой рѣкѣ Воронежѣ, имѣющей соединеніе съ Дономъ, и близость Романовскихъ, дубовыми лѣсами окруженныхъ, желѣзныхъ заводовъ—споспѣшествовали рожденію новыхъ 64 военныхъ судовъ, построенныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Монархъ принялъ на свое иждивеніе 9 шестидесяти-пушечныхъ линейныхъ кораблей. Князья Троекуровъ и Черкасскій, вмѣстѣ съ Патріархомъ Адріанамъ, должны были выставить 20 большихъ фрегатовъ, о 48 — 50 пушкахъ каждый. Солтыковъ, Прозоровскій, Долгорукій, Ромодановскій и другіе, обязывались изготовить 24 гальёта, о 24 — 42 пушкахъ. На отвѣтственность же купцовъ возложены 7 бомбардирныхъ ботовъ, съ 14 — 18, и четыре брандера, съ восемью пушками каждый. — Для ускоренія работъ, Петръ часто бывалъ въ Воронежѣ, гдѣ достиженіе преднамѣренной цѣли облегчалось Ему самымъ Его жилищемъ, находившимся на острову тамошней рѣки (1).

Во время кораблестроенія, Русскаго Монарха занимало многое, касавшееся до внутренняго устройства Его обширнаго Государства, въ которомъ *старое* исчезало болѣе и болѣе, — и страхъ совѣсти болѣе и болѣе тревожилъ приверженцевъ старины.

---

(1) Названія сихъ судовъ, величина ихъ, число находившихся на нихъ пушекъ и экипажа, равно имена особъ, на иждивеніи коихъ они выстроены, показаны въ Краткомъ описаніи всѣхъ обстоятельствъ, относящихся до Азова, стр. 219 — 222.

Въ то же время Государь явилъ новый опытъ своего правосудія. Два Стольника — отецъ и сынъ Желябужскіе — жаловались Монарху на побои, причиненные имъ Андреемъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ (роднымъ братомъ Царицы Мареы Матвѣевны) и людьми его. Князю Ромодановскому поручено было изслѣдовать дѣло; но обвиняемые запирались. Старикъ Желябужскій вторично принесъ жалобу, и Царь повелѣлъ брата своей невѣстки привести къ присягѣ. Апраксинъ сознался въ своей винѣ, и извинялся тѣмъ, что сдѣлалъ это пьяный. Петръ приказалъ взыскать съ виновныхъ Желябужскимъ за безчестіе вдвое противъ получаемыхъ ими окладовъ, а за ложное показаніе высѣчь ихъ на площади кнутомъ. Царицѣ Мареѣ Матвѣевнѣ не малаго стоило труда избавить своего брата отъ тѣлеснаго наказанія, которому подвергли его людей; онъ же заплатилъ обиженнымъ 730 рублей ([1]).

Заботливость Петра I, во время втораго Азовскаго похода, или вскорѣ послѣ онаго, и о другихъ отрасляхъ Государственнаго Управленія, доказывается посылкою Московскаго купца Семена Маленькаго, чрезъ Персію, въ Индію, съ повелѣніемъ описать тамошнія страны, и все — что встрѣтитъ онъ на пути—достойное примѣчанія ([2]).

Царскими Указами 10 Января 1696, 21 Сентября того же и 22 Марта 1697 годовъ повелѣ-

([1]) *Голиковъ.* Историческое изображеніе жизни Лефорта, стр. 82 — 84.

([2]) По 5 No Индійскихъ Дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ, купцу сему дано было право безпошлинно привозить и отвозить товары. Онъ говорилъ съ Шахомъ и Великимъ Моголомъ; но въ пятый годъ своего путешествія, умеръ на возвратномъ пути изъ Персіи.

но было составить описанія и чертежи всѣмъ Сибирскимъ городамъ, уѣздамъ, селамъ и деревнямъ; назначенъ провозъ товаровъ изъ Сибири и въ Сибирь не иначе, какъ чрезъ Верхотурье; опредѣлено взиманіе Сибирскихъ пошлинъ соболями и черными лисицами ([1]). Сверхъ того изданы многія другія полезныя узаконенія.

Іоаннъ Алексѣевичъ, до сего времени, только какъ зритель, принималъ участіе въ смѣлыхъ предпріятіяхъ своего брата, подкрѣпляя ихъ желаніями счастливаго во всемъ успѣха, и пользовался за то вполнѣ уваженіемъ, какое заслуживало его братское добродушіе. Кончина сего Государя, послѣдовавшая 29 Января 1696, послѣ простуды на Іорданѣ, не могла произвести никакой перемѣны въ дѣлахъ правленія, потому что Онъ и при жизни своей не имѣлъ на нихъ вліянія. Уменьшеніе, по случаю кончины его, придворнаго штата (на который Іоаннъ обращалъ вниманія болѣе, нежели Петръ: ибо однимъ лишь блескомъ и поддерживалось Царское его достоинство), доставило дѣятельности младшаго Государя новыя вспомогательныя средства; но, съ тѣхъ поръ, почти вся нація смотрѣла на вводимыя перемѣны, какъ на явное нарушеніе правъ ея, и всѣ сословія обнаруживали неудовольствіе. Стрѣльцы обижались тѣмъ, что имъ предпочтены иностранные воины, что ихъ самихъ занимаютъ необычными для нихъ воинскими упражненіями, и что могущественная воля Царя положила предѣлы прежнему ихъ своевольству. — Не менѣе были недовольны Дворянство и граждане, когда дѣтей ихъ, по Царскому повелѣ-

([1]) *Чулков.* Словарь Юридическій, т. I, стр. 181, 183, 185.

нію, отправили въ чужія, еретическія страны, для занятій, ихъ недостойныхъ: для изученія Кораблестроенію, Инженерному и Артиллерійскому Искусствамъ, Архитектурѣ и другимъ познаніямъ (¹). Притомъ же дѣтямъ симъ сопутствовали наставники - иностранцы, которые легко могли навести неопытное юношество на путь погибели. Бояре и знатнѣйшее Духовенство, съ своей стороны, роптали на постройку, ихъ иждивеніемъ, кораблей, на лишеніе ихъ прежнихъ почестей: всѣ жаловались на новые налоги и новыя работы.

Іоаннъ Алексѣевичъ не хотѣлъ воспользовать этимъ общественнымъ мнѣніемъ, но для властолюбивой Софіи оно могло служить орудіемъ къ освобожденію изъ монастыря, и проложить новый путь къ Трону.

Окольничій Алексѣй Соковнинъ, Стольникъ Алексѣй Пушкинъ, Стрѣлецкій Полковникъ Иванъ Циклеръ (²), Стрѣлецкіе выборные Василій Филиповъ и Ѳедоръ Рожинъ, вмѣстѣ съ Казацкимъ Старшиною Лукьяновымъ, были преданы Царевнѣ Софіи, и — либо изъ негодованія, или изъ страха — хотѣли на погибели Царя основать свое собственное счастіе.

Для исполненія сего замысла назначено было въ ночи, 2 Февраля 1697 (³), произвести близь

(¹) Большая часть сихъ путешественниковъ по неволѣ состояла изъ Стольниковъ и другихъ придворныхъ чиновъ покойнаго Царя Іоанна Алексѣевича. — *Голиковъ.* Дѣян. I, стр. 281. Дополн. IV, стр. 217, 218.

(²) *Ѳеофанъ Прокоповичъ* именно называетъ Циклера Полковникомъ, и тѣмъ опровергаетъ показаніе Голикова, который жалуетъ его въ Думные Дворяне.

(³) По *Голикову*, 22 Января 1697.

дворца пожаръ, въ той надеждѣ, что Петръ не преминетъ туда явиться, и тамъ удобнѣе будетъ убить его. Злодѣи собрались уже въ домѣ главнаго своего предводителя (вѣроятно въ домѣ Соковнина)—какъ вдругъ Монархъ, находясь въ гостяхъ у Лефорта, былъ извѣщенъ обо всемъ Стрѣлецкимъ Пятисотеннымъ Ларіономъ Елизаровымъ и Пятидесятникомъ Григоріемъ Силинымъ (1). Онъ тотчасъ сѣлъ въ сани, запряженныя одною лошадью, и, въ сопровожденіи своего деньщика Дурнова, пріѣхалъ къ заговорщикамъ, и до прибытія стражи, принялъ участіе въ ихъ пирушкѣ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ (2), Царь подвергалъ себя явной опасности, быть убитымъ отъ рукъ пьяныхъ заговорщиковъ, въ ихъ домѣ; потому что Гвардейскій Офицеръ Лопухинъ, по ошибкѣ Царя во времени, привелъ стражу цѣлымъ часомъ позже, нежели какъ ожидалъ того Петръ.

Заговорщики были отведены въ Преображенское, гдѣ они, съ пытки, не только сознались въ настоящемъ ихъ умыслѣ, но открыли и прежнія связи свои съ Шакловитымъ и Милославскимъ, назвавъ притомъ многихъ другихъ сообщниковъ (наприм. Матвѣя Пушкина, Алексѣя Обухова, Бо-

---

(1) Имена сихъ двухъ доносителей означены и въ Царскомъ Указѣ, изображенномъ на столбѣ, поставленномъ надъ могилою преступникомъ. (*Голиков.* Дополн. IV, стр. 22) Иностраные Писатели называютъ двухъ Стрѣлецкихъ Сотниковъ; другіе же, преимущественно Гордонъ, приписываютъ открытіе заговора женѣ Пушкина, по склонности ея къ Монарху.

(2) Анекдоты, собранные Штелинымъ, стр. 17 — 23. — *Голиковъ* (Дополн. XVII, стр. 22 — 27) разсказываетъ еще много чудесъ, слышанныхъ будто бы имъ отъ сопровождавшаго Государя деньщика.

риса Бутурлина и проч.), которые, однако же, вѣроятно не принимали дѣятельнаго участія въ заговорѣ, и были приговорены къ легкой ссылкѣ.

Для спасенія главныхъ виновниковъ сего замысла, хотѣли воспользоваться преходящею болѣзнію Государя, постигшею Его въ это самое время, или нѣсколько позже. Такая попытка была сообразна съ духомъ того вѣка, когда думали, что молитвы освобожденныхъ отъ смерти вѣрнѣе доходятъ къ Небу. Но Монархъ отвергъ всѣ представленія, и отвѣчалъ слѣдующими словами: «неужели думаете вы, что неправосудіе, въ прощеніи столь страшныхъ злодѣевъ, есть доброе дѣло, и что Богъ внемлетъ молитвамъ столь противныхъ ему преступниковъ?—я паче уповаю, «что правосудіемъ, надъ ними учиненнымъ, преклоню на милость ко мнѣ Правосуднаго Бога, а «прощеніемъ болѣе его прогнѣвлю.»—Приговоръ исполненъ 5 Марта: преступникамъ отрубили сперва руки и ноги, а потомъ головы, которыя были прикрѣплены къ высокимъ столбамъ, а руки и ноги повѣшены вокругъ оныхъ. Причина сей казни была начертана на доскѣ. Обезображенные трупы заговорщиковъ оставались на Лобномъ Мѣстѣ, предъ Кремлемъ, до тѣхъ поръ, пока позволяла то погода; между тѣмъ, какъ прочіе сообщники ихъ были сосланы въ Саранскъ, Тотьму, Вязьму [1] и другіе города. — Царевна Софія нашла для себя спасеніе и безопасность—или въ вѣрности своихъ единомышленниковъ, скрывшихъ ея участіе въ

---

[1] Въ сіи три города посланы были Бояре: Ѳедоръ Михайловичъ Лопухинъ, Василій Абрамовичъ Лопухинъ и Сергѣй Абрамовичъ Лопухинъ.

заговорѣ, или въ собственной хитрости, а можетъ статься и въ томъ, что она, въ этомъ случаѣ, была дѣйствительно невинна.

Такъ какъ помянутые преступники, на пыткѣ, объявили главою перваго Стрѣлецкаго бунта, Боярина Милославскаго, умершаго за 12 лѣтъ предъ тѣмъ, то вырытый трупъ его былъ четвертованъ и повѣшенъ ([1]).

Большая часть Стрѣльцовъ, по тому же приговору, поступили подъ начальство Князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго.

Іоаннъ Собіескій, какъ военачальникъ, любимый за свое мужество, и какъ Государь, ненавидимый за свою скупость, оставилъ (1696) въ Аристократической республикѣ обыкновенные споры о наслѣдованіи Престола, котораго домогались Принцъ Конти и Августъ Курфирстъ Саксонскій. Петръ I, не желая имѣть своимъ сосѣдомъ въ Польшѣ любимца Людовика XIV, и приверженца Оттоманской Порты, дѣйствовалъ въ пользу Курфирста, и съ сею цѣлію, послалъ, подъ начальствомъ помянутаго Князя Ромодановскаго, четыре полка Стрѣльцовъ и другія войска (всего отъ 10 до 13,000 человѣкъ), сперва въ Великіе Луки, а потомъ во Ржевъ, ближе къ Литовской границѣ, дабы узнать положеніе тамошнихъ дѣлъ.

([1]) *Голиков.* Дѣян. томъ I. стр. 285, 286. Perry, Staat von Russland. стр. 242. — Account of the present condition etc. стр. 38, 39.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1697—1698.

ГЛАВА I.

Путешествие Петра I за границу, 1697.

Азовъ былъ завоеванъ при помощи иностранныхъ судостроителей и Инженеровъ. Съ этихъ поръ, въ душѣ Петра I еще сильнѣе возгорѣлось желаніе видѣть чужія земли. Преимущества иноземцевъ во всемъ, что только питало любимыя Его склонности, были очевидны. Онъ надѣялся намѣстѣ изучить лучше, и потомъ вѣрнѣе пересадить въ свою родную почву все, достойное изученія.

Но сперва нужно было принять мѣры къ обезпеченію внутренняго и внѣшняго спокойствія Россіи.

Окрестности Азова и Таганрога, вмѣстѣ съ восточною Украйною, остались подъ начальствомъ Якова Ѳедоровича Долгорукаго; на Литовской границѣ командовалъ Михаилъ Григорьевичъ Ромодановскій; въ Азовѣ начальствовалъ Алексѣй Петровичъ Прозоровскій,—между тѣмъ, какъ Шеинъ и Гордонъ, съ регулярнымъ войскомъ, охраняли столицу.

Внутреннее управленіе поручено было Царскому Намѣстнику Ѳедорю Юрьевичу Ромодановскому, почтенному титломъ Величества и наименованіемъ Князя-Кесаря. Другіе Бояре, составлявшіе учрежденный, по сему случаю, въ Москвѣ Совѣтъ, были: Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, Князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ и Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ.

Петръ хотѣлъ видѣть, инкогнито, знатнѣйшіе Дворы Европы. Съ сею цѣлію назначилъ онъ, такъ называемое, Великое Царское Посольство, объ отправленіи коего Новгородскій Воевода Петръ Матвѣевичь Апраксинъ извѣстилъ (въ Февралѣ 1697) Рижскаго Генералъ-Губернатора Графа Дальберга, а Шведскій Резидентъ Томасъ Книперкроонъ сообщилъ Стокгольмскому Двору.

Хотя и скрывали въ тайнѣ отправленіе Царя вмѣстѣ съ Посольствомъ (1), но всякой зналъ уже, что внесенный въ списокъ Дворянъ Посольства, Десятникъ Петръ Михайловъ — былъ самъ Царь.

Первымъ Посломъ наименованъ Намѣстникъ Новгородскій, Генералъ-Адмиралъ Лефортъ—потому ли, что Монархъ предполагалъ въ немъ болѣе Европейской придворной ловкости, или потому, что такой выборъ долженствовалъ показать иноземцамъ, какъ справедливо цѣнятъ въ Россіи достоинства и заслуги пришельцевъ.

Вторымъ Посломъ былъ Сибирскій Намѣстникъ и Генералъ-Кригскоммисаръ Ѳедоръ Алексѣевичь Головинъ, а третьимъ Думный Дьякъ и Болховской Воевода Прокофій Богдановичь Возницынъ. Пословъ сопровождали 22 человѣка Дворянъ Посольства, 7 Подъячихъ, 5 Переводчиковъ, Врачь, Священникъ; сверхъ того, 62 рядовыхъ, 6 офицеровъ, три купца, нѣсколько шутовъ, гайдуковъ и карловъ.

---

(1) *Голиковъ* (Дополн. IV. стр. 228), въ своемъ патріотизмѣ, заходитъ слишкомъ далеко, утверждая совершенно сему противное.

Свита Посольская умножилась еще 35 юношами извѣстныхъ фамилій (въ числѣ коихъ находились Александръ Меншиковъ и Гаврило Головкинъ), назначенными за границу для усовершенствованія себя въ наукахъ (1).

Бояринъ Борисъ Шереметевъ—по страсти ли къ познаніямъ, или по чувству оскорбленнаго самолюбія сдѣланнымъ ему выговоромъ за дурное поведеніе предводимаго имъ войска, по сдачѣ Кизикерменя—почти въ одно время съ Посольствомъ, выѣхалъ изъ Россіи (2). Онъ посѣтилъ классическую Италію, и возвратился въ отечество черезъ Мальту, украшенный орденомъ Св. Іоанна Іерусалимскаго, къ началу возгорѣвшейся, потомъ, на Сѣверѣ войны.

Въ первыхъ числахъ Марта (1697) были отправлены впередъ придворныя кареты, со всею свитою Посольства, состоявшею изъ 270 человѣкъ.

9 Марта Монархъ былъ въ Успенскомъ соборѣ, и принявъ благословеніе отъ Патріарха, оставилъ Москву, въ сопровожденіи одного камердинера, одного лакея и двухъ карловъ, между тѣмъ, какъ Посольство отличалось великолѣпною Царскою свитою.

Изъ Новгорода Государь писалъ къ Механику Крафту (отъ 17 Марта) (3): чтобы онъ прилѣжнѣе зани-

---

(1) *Голиков.* Дополн. IV. стр. 225 — 228.

(2) The present condition of the Moscovite empire till 1699.— Въ Lebensbeschreibung Scheremetew's von Müller (8 St. Petersb. 1789), не сказано, однако же, ничего о сей послѣдней причинѣ.

(3) *Голиков.* Дѣян. XI, стр. 29 — 31. — Дополн. IV. стр. 234, 235.

мался пилкою досокъ, приставилъ бы къ новой пильной мѣльницѣ мастера изъ Нѣмцовъ (съ тѣмъ однакоже, чтобъ этотъ мастеръ не лѣнился и не гулялъ), и когда *свои* научатся сему ремеслу, то отпустилъ бы его; равно нанялъ бы прибывшихъ въ Москву иноземныхъ ткачей (для тканья парусины), и платилъ бы имъ наемныя деньги пополамъ съ компаніею (т. е. съ прочими лицами, принявшими на себя постройку въ Воронежѣ военныхъ судовъ). Нѣмца же кузнеца, хотя и минетъ срокъ его службы, не отпускалъ бы до тѣхъ поръ, пока онъ не изготовитъ топоровъ, скобелей и долотъ для всѣхъ Нѣмецкихъ корабельныхъ плотниковъ; деньги же платилъ бы опять пополамъ съ компаніей. Сверхъ того, Крафтъ долженъ былъ приказать, къ возвращенію Царя, обучить совершенно этому мастерству двухъ Русскихъ учениковъ, «*и то* (сказано въ заключеніи письма) *спросимъ на васъ.*»

Изъ Пскова отправлена къ Рижскому Генералъ-Губернатору, Графу Далбергу (22 Марта), извѣстительная грамота о прибытіи Пословъ на границу. Мѣра сія считалась нужною для того, дабы, на основаніи пятнадцатаго пункта Кардинскаго мирнаго договора ([1]), было все въ готовности, что Русскіе Послы, въ проѣздъ ихъ чрезъ

([1]) Въ этомъ 15-мъ пунктѣ сказано, — (Schlüssel zum Nystädt'schen Frieden, стр. 246):—что «обоюдныя Посольства могутъ безпрепятственно проѣзжать сосѣдственныя земли, со всевозможными со стороны сихъ послѣднихъ пособіями и споспѣшествованіями; не должны однако же провозить съ собою никакихъ купеческихъ товаровъ.»

Лифляндію, имѣли право требовать отъ своихъ Шведскихъ союзниковъ (1).

Въ слѣдующій день Послы оставили Псковъ, и чрезъ двое сутокъ, въ Нейгаузенѣ, были встрѣчены Маіоромъ Глазенапомъ, съ двумя другими, присланными отъ Генералъ-Губернатора Лифляндцами.

Недостатокъ въ продовольствіи и подставныхъ лошадяхъ былъ поводомъ къ жалобамъ, и оправданія Глазенапа раздражали только юную горячность Царя-путешественника, привыкшаго къ безусловному повиновенію.

Слѣдующій ночлегъ (въ 10 миляхъ отъ Нейгаузена) былъ въ Адзелѣ, потомъ въ Смильтенѣ, Венденѣ и Вильденгаузенѣ. Вездѣ приготовлены были запасы: 200 фунтовъ хлѣба, 3 бочки пива, 30 кружекъ водки, 40 фунтовъ соли, 1 битый быкъ, 5 барановъ, 30 куръ и столько рыбы, сколько могли наловить ее. Для Посольскихъ лошадей требовалось 100 ℔. сѣна, равно овесъ и солома. За подводы туземное Правительство назначило плату по 4 вейсса (6 копѣекъ серебромъ) на милю.

Посольская свита была слишкомъ многочисленна для того, чтобъ доставить всѣмъ требуемыя удобства: Лифляндскія селенія разсѣяны, жизненные припасы (по случаю неудачной жатвы) дороги, и Генералъ-Губернаторъ изъявилъ свое сожалѣніе о томъ, что онъ несвоевременно былъ извѣщенъ, когда выѣдетъ Посольство изъ Пскова и какъ велика его свита. — Не доѣзжая мили до Риги, Послы встрѣчены (31 Марта) высланнымъ

---

(1) *Голиков.* Дополн. IV, с

къ нимъ изъ города Полковникомъ (съ 36 членами общества Черноголовыхъ, 140 человѣками національной или гражданской гвардіи, 12 драбантами и 10 пажами Далберга), и заняли мѣста въ приготовленной для нихъ каретѣ, запряженной шестью лошадьми.— Рижская Гражданская стража и Шведскіе драгуны, при звукѣ трубъ и литавръ, ѣхали впереди, и, сначала чрезъ нынѣшнія С. Петербургскія, а потомъ чрезъ Песчаныя и Карловы ворота, прибыли въ Русскій форштадтъ (Лестадія), къ Посольской квартирѣ на берегу Двины.

Квартира сія была слишкомъ тѣсна и дурна для Посольства, негодовавшаго еще болѣе за то, что Генералъ-Губернаторъ приказалъ удвоить въ этой сторонѣ стражу, и, подъ предлогомъ болѣзни, не заплатилъ визита за посѣщеніе, коимъ почтили его отъ имени Посольства двое изъ знатнѣйшихъ Русскихъ Дворянъ.

Подобныя причины къ неудовольствіямъ возрасли до высочайшей степени, когда часовые одному изъ Посольской свиты дворянину, не зная, что то былъ самъ Царь, не позволили осматривать городскія укрѣпленія, измѣрять рвы, и даже прикладывались въ него изъ ружей. Раздраженный такими поступками, Монархъ сказалъ тогда же Лефорту: «*не хотятъ, чтобъ видѣлъ я укрѣпленія Риги; я надѣюсь нѣкогда оныя увидѣть съ меньшимъ для себя затрудненіемъ, и отказать Шведскому Королю въ томъ, въ чемъ отказываетъ мнѣ нынѣ Далбергъ!*» (1)

Съ этой минуты, какъ утверждаютъ иные, за Посольствомъ стали присматривать еще стро-

---

(1) *Голиков.* Дополнен. IV, стр. 239.

же: для обозрѣнія достопримѣчательностей и для необходимыхъ закупокъ, впускали въ городъ только по шести человѣкъ вмѣстѣ, и не позволяли имъ оставаться тамъ долѣе двухъ часовъ (1).

Дальнѣйшее пребываніе въ Ригѣ сдѣлалось непріятнымъ для Пословъ. Они поспѣшили своимъ отъѣздомъ, заготовили, довольно дорогою цѣною, лѣтніе экипажи, и переправились чрезъ Двину (13 Апрѣля) на трехъ судахъ, нанятыхъ, на ихъ счетъ, Генералъ-Губернаторомъ.

На противоположномъ берегу ожидали ихъ четыре кареты; а Маіоръ Глазенапъ, съ двумя Чиновниками и десятью Драгунами, сопровождалъ Посольство до границы.

Мы считали необходимымъ описать подробно всѣ сіи обстоятельства, потому что, въ послѣдствіи, Исторія снова объ нихъ упоминаетъ.

---

(1) *Голиковъ* (Дѣян. т. I, стр. 295), какъ патріотъ вполнѣ, присовокупляетъ, что «самая жизнь Монарха находилась въ опасности!»

ГЛАВА II.

Пребываніе Царя въ Митавѣ и Кенигсбергѣ.

Прежде нежели Царскіе Послы достигли столицы Герцога Фридриха Казимира (14 Апрѣля), встрѣтили ихъ на границѣ Курляндскіе чиновники, а на переправѣ черезъ рѣку Аа старшины Митавскихъ гражданъ. Предъ Герцогскимъ за̀мкомъ привѣтствовали ихъ трикратною пальбою изъ орудій. По обѣимъ сторонамъ дороги, стояла въ рядахъ гражданская стража, и Послы, съ величайшею пышностію, препровождены въ приличную званію ихъ квартиру, гдѣ приготовлено было для нихъ богатое угощеніе, на счетъ Герцога.

Еще торжественнѣе былъ пріемъ Пословъ у Герцога, который (16 Апрѣля) прислалъ за ними парадные придворные экипажи, встрѣтилъ ихъ у подъѣзда, и на другой день самъ возвратилъ имъ визитъ.

За тѣмъ обмѣнялись подарками. Послы представили собольи мѣха, богатыя парчи, — и были одарены бриліантовыми перстнями.

Пока Послы (уважаемые самими тамошними Езуитами), оставались еще въ Митавѣ, Царь, съ 45 Русскими юношами, уѣхалъ въ Либаву, и оттуда (18 Апрѣля) писалъ къ Механику Крафту, между прочимъ: «а чтобъ ткачамъ не гулять, и «ты порядись въ компаніяхъ, и сыщи имъ учени-

«ковъ,» и проч. — Въ другомъ же письмѣ къ нему сказано: « Не забывай мѣльницы да ткачей, а мы «поѣдемъ отсель сего дня въ Кинингсбергъ мо«ремъ» (1).

Царь былъ уже въ Кенигсбергѣ десятью днями ранѣе своихъ Пословъ (2), и представилъ Министрамъ Курфирста извѣстительную грамоту о томъ, что Царское Посольство, отправленное къ Римскому Императору, по дѣламъ, касающимся выгодъ всего Христіанства, проситъ о благосклонномъ пріемѣ, посланнаго въ Кенигсбергъ моремъ, Командора Петра Михайлова, съ 35 товарищами, которые, по Царскому повелѣнію, ѣдутъ въ Венецію, для усовершенствованія себя въ Морской Наукѣ (3).

И такъ, путешествіе Посольства, по первому предположенію Царя, должно было начаться не съ Голландіи и Англіи, какъ случилось то въ послѣдствіи.

Церемоніймейстеръ Курфирстова Двора Бессеръ встрѣтилъ Пословъ (15 Мая) въ Инстербургѣ, а за милю отъ Кенигсберга выѣхалъ къ нимъ Генералъ-Коммисаръ Баронъ Данкельманъ.

Предшествуемые берейторомъ, за коимъ вели богато убранныхъ лошадей, тремя эскадронами Прусской Гвардіи, на сѣрыхъ, вороныхъ и гнѣдыхъ лошадяхъ, трубачами и литаврщиками, драбантами съ позолоченными алебардами, и гайдуками съ серебряными сѣкирами, ѣхали Русскіе Послы, въ

(1) *Голиков.* Дополнен. IV, стр. 245, 246. — Дѣян. XI, стр. 32.

(2) Rabener's Geschichte Peter's des Grossen. стр. 41.

(3) *Голиков.* Дополнен. IV. стр. 246, 247.

блестящихъ, вышитыхъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, Русскихъ кафтанахъ.

Не безъ удивленія смотрѣли здѣсь на Русскихъ солдатъ, обмундированныхъ, вооруженныхъ и обученныхъ по Нѣмецкому образцу; между тѣмъ, какъ шесть Калмыковъ, съ колчанами и луками, представляли Европейское и Азіятское военныя искусства въ разительной противуположности.

Послы нашли у своей квартиры почетную стражу, состоявшую изъ 30 Гвардейскихъ солдатъ, съ ихъ Офицерами.—Въ квартирѣ приготовленъ былъ великолѣпный ужинъ, за которымъ угощали Пословъ Придворные чиновники Курфирста.

Прусскій Дворъ, для принятія сего Посольства, сложилъ траурь по кончинѣ Шведскаго Короля Карла XI, и назначилъ публичную аудіэнцію 21 Мая.

Считаемъ излишнимъ описывать здѣсь подробно ту церемонію, съ какою было принято Курфирстомъ сіе, уважаемое имъ Посольство.

Курфирстъ, въ алой бархатной одеждѣ, съ золотыми и алмазными пуговицами, стоялъ съ открытою головою, у трона, во время Русской рѣчи, произнесенной Лефортомъ, и потомъ спросилъ о здоровьѣ Царя. На сіе вторый Посолъ отвѣчалъ рѣчью же, въ концѣ коей изложилъ, что при отъѣздѣ ихъ изъ Москвы, «*Его Царское Величество, на своихъ великихъ и преславныхъ Государствахъ Россійскаго Царствія Престолѣхъ, въ добромъ здравіи пребываетъ.*»

Третій Посолъ поднесъ Курфирсту Царскую *любительную* грамоту, въ алой тафтѣ, и, вслѣдъ за тѣмъ, Русскіе солдаты, въ парадныхъ мундирахъ, держа шляпы подъ лѣвыми локтями, поло-

жили у трона подарки, состоявшие изъ собольихъ и горностаевыхъ мѣховъ, золотыхъ и серебряныхъ парчей, камокъ Китайскихъ и проч.

Послы утверждали и теперь, что они отправлены въ Вѣну, по случаю взятія Азова, для переговоровъ съ Императоромъ объ общей войнѣ противъ Турокъ.

Обратное шествіе Пословъ происходило съ тою же самою церемоніею. Они обѣдали у Данкельмана, и, по древнему Нѣмецкому обычаю, пили за столомъ здоровье Царя и Курфирста ([1]).

Во время одного изъ таковыхъ пировъ, Царь обнажилъ шпагу на Лефорта, но присутствіе духа въ этомъ любимцѣ Петра, и заступленіе Курфирстова Оберъ-Гофмаршала Принтцена, спасли Лефорта отъ погибели, а Царя отъ раскаянія ([2]).

Петръ I жилъ въ садовомъ домикѣ, на Прегелѣ, и нерѣдко, замаранный смолою, разъѣжалъ по рѣкѣ одинъ, въ лодкѣ.

Смотря на Прегель изъ Негелеинскаго дома (что нынѣ Банкъ), Петръ хотѣлъ узнать — глубока ли эта рѣка? «Около 30 футовъ;» отвѣчали ему. — «Жаль,» — вскричалъ Онъ: — «что не мнѣ при-

---

([1]) Описаніе церемоніала аудіэнціи можно видѣть у *Голикова.* Дополн. IV, стр. 255 — 267, составленное по Besser's Einholung der Moskowitischen Gross-Gesandschaft (in Besser's Schriften. 8. Leipzig 1732, стр. 539 — 556). Ruthenia 1807. Septemb. 31 — 33.

([2]) Въ подобныхъ случаяхъ сильнаго гнѣва, Государь, какъ свидѣтельствуютъ Писатели, скоро приходилъ въ себя, и съ болѣзненнымъ сердцемъ, произносилъ достойныя Его величія слова: «Боже! въ состояніи будучи исправить народъ мой, я не въ состояніи исправить самого себя!» *Перев.*

надлежитъ этотъ городъ: я устроилъ бы здѣсь военную гавань!»—Когда же обратили вниманіе Царя на одну песчаную мѣль и нѣсколько неглубокихъ мѣстъ въ рѣкѣ, то онъ отвѣчалъ: «это мѣлочи! Стоитъ только запрудить рѣку, и измѣнить ея теченіе!» — И точно, это должно было казаться мѣлочами — для Великаго Петра!

Весьма часто видали Его, прогуливающагося по городу, въ сопровожденіи переводчика, и, съ жаждою познанія, разсматривающаго все, казавшееся ему достойнымъ вниманія.

«Стой!» закричалъ онъ однажды встрѣтившейся съ нимъ дамѣ; изумленная красавица остановилась: Царь снялъ съ нее небольшіе украшенные эмалью часы, разсматривалъ ихъ со вниманіемъ, и потомъ отдалъ обратно дамѣ.

Фридрихъ Вильгельмъ угощалъ 24 Мая Посольство. Ввечеру сожженъ былъ большой фейерверкъ; въ первой перемѣнѣ изображенъ Азовъ, а надъ нимъ двуглавый орелъ, съ тремя коронами; во второй представлены, на рѣкѣ Прегелѣ, побѣды Русскаго флота надъ Турецкимъ.

На другой день, Курфирстъ пригласилъ Пословъ на звѣриную охоту. При звукѣ трубъ и литавръ въ звѣринцѣ, дикіе быки низложили медвѣдей.

Чрезъ нѣсколько дней Корфирстъ посѣтилъ Пословъ, и большую часть времени провелъ у нихъ, въ разговорахъ съ *знатнѣйшимъ изъ Посольскихъ Дворянъ*, который, и подъ простою одеждою, не могъ скрыть Высокаго своего Сана.

Придворные Курфирста знали уже Царя, и никому не показалось страннымъ то, что сей

вѣнчанный сынъ природы снялъ однажды съ головы Оберъ - Церемоніймейстера Бессера новомодный, кудрявый парикъ (составлявшій тогда столь важный предметъ убранства мужчинъ, что подобные парики выписывались изъ Парижа, и продавались по 300 рейхсталеровъ), посмотрѣлъ на него, и потомъ, шутя и смѣяся, бросилъ его въ уголъ (¹).

Приглашенный, безъ всякой свиты, къ столу Курфирста, Петръ обѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ и прелестною, остроумною супругою его, Софіею Шарлоттою, которая до того приковала къ себѣ вниманіе Царя, что онъ, на вопросъ Фридриха Вильгельма: «что болѣе всего понравилось ему въ Пруссіи?» отвѣчалъ: «видѣвъ супругу Курфирста, кто не признаетъ ее изящнѣйшимъ произведеніемъ въ мірѣ!»—Петръ далъ уразумѣть это и самой Софіи. — За столомъ Онъ бросилъ ей что-то *на грудь*: то былъ большой красный рубинъ, долженствовавшій служить подаркомъ Русскаго Царя. — Фридрихъ Вильгельмъ украсилъ сею драгоцѣнностію скипетръ, для своей коронаціи.

Во время дальнѣйшаго пребыванія Посольства въ Кенигсбергѣ, постановлены новыя статьи союзнаго трактата, по которымъ обѣ Державы,

---

(¹) Ruthenia 1807, стр. 34. — Послѣ перваго привѣтствія Бессера, Царь спросилъ у своего переводчика: «что это за человѣкъ?» и когда тотъ объяснилъ ему, что Оберъ - Церемонимейстеръ значитъ такое лице, которое смотритъ за всѣмъ при Дворѣ Курфирста, то Петръ потребовалъ, будто бы, нѣчто такое, о чемъ переводчикъ не безъ замѣшательства передалъ Оберъ-Церемоніймейстеру, который однако же сдѣлалъ видъ, будто у него ничего не спрашивали.

обнадеживая другъ друга во взаимной пріязни и помощи, обѣщались высылать изъ своихъ владѣній, —а если будетъ можно ловить и выдавать—бѣглыхъ бунтовщиковъ, и предоставляли купцамъ обоюдно свободный торгъ, даже янтаремъ и мѣхами.

Послѣдняя изъ статей сего трактата не была, однако же, вполнѣ принята Русскими. Курфирстовы Уполномоченные требовали, чтобы Бранденбургскіе Послы пользовались въ Россіи одинаковыми правами съ Послами Императорскими и Королевскими; но Царскіе Послы отозвались, что они на заключеніе подобныхъ договорныхъ статей не уполномочены своимъ Государемъ, а донесутъ о томъ Его Величеству по возвращеніи въ Москву. Можно предполагать, что честолюбіе Курфирста мечтало уже и тогда о Королевскомъ титлѣ (1).

Придворная музыка сего Государя понравилась юному Царю. За обученіе нѣсколькихъ Русскихъ юношей сему искусству, Петръ назначилъ Придворному Капельмейстеру 1000 червонныхъ.

Нѣсколько Царскихъ спутниковъ остались Бомбардирами въ Кенигсбергѣ; другіе, для уменьшенія Посольской свиты, отосланы на судахъ, чрезъ Нарву, обратно въ Россію. — Такъ какъ Петръ перемѣнилъ теперь прежній планъ своего путешествія, и хотѣлъ сначала видѣть Голландію, то отправленъ, съ извѣщеніемъ о семъ, къ Вѣнскому Двору Маіоръ Адамъ Вейде, и въ то же время послана къ Голландскому Правительству, будто бы изъ Москвы, Царская грамота, съ просьбою о благосклонномъ пріемѣ Посольства (2).

(1) *Голиков.* Дополнен. IV, стр. 269 — 272.
(2) *Голиков.* Дополнен. IV, стр. 281 — 282.

На отпускной публичной аудіэнціи (2 Іюня), Курфирстъ, вставъ съ трона и снявъ шляпу, вручилъ первому Послу свою грамоту къ Царю (находившемуся тутъ же), и просилъ засвидѣтельствовать Его Величеству свое высокопочитаніе (1).

Раздавъ Царскіе подарки Приставамъ и всѣмъ находившимся при Посольствѣ Курфирстовымъ чиновникамъ и служителямъ, Послы отправились, водою, въ Пиллау, гдѣ (10 Іюня) Курфирстъ привѣтствовалъ ихъ снова, совѣщался (по словамъ Посольскаго Журнала) болѣе всего съ однимъ волонтеромъ (это былъ самъ Монархъ), и условился съ нимъ тайно, въ случаѣ нападенія, помогать другъ другу противъ каждаго врага, подразумѣвая подъ симъ Шведскаго Короля (2).

Явный союзный трактатъ заключенъ и утвержденъ Русскими Послами и первымъ Министромъ Курфирста, Барономъ Данкельманомъ, 22 Іюня. Въ этомъ трактатѣ повторены прежнія Кенигсбергскія статьи, за исключеніемъ только послѣдней, упомянутой выше. Уполномоченные съ Русской стороны опять не могли рѣшить ничего по сему предмету сами, и хотѣли, дома, доложить объ этомъ Царю (3).

Этимъ переговорамъ предшествовала звѣриная охота, въ увеселительномъ замкѣ *Фишгаузенъ*. Курфирстъ, вмѣстѣ съ Царемъ, убилъ 70 оленей.

(1) *Голиков.* Дополнен. IV, стр. 289 — 290.

(2) Прусскія дѣла, въ Московскомъ Посольскомъ архивѣ, No 10. Только тамъ показано, будто бы сіе тайное соглашеніе учинено въ Кенигсбергѣ.

(3) Прусскія дѣла, No 10 и слѣд. *Голиков.* Дополн. IV, стр. 297 — 304.

Въ Пиллау Посольство праздновало тезоименитство своего Монарха. Русскіе фейерверкеры явили, предъ Курфирстомъ, опыты своего искусства, и доставили тѣмъ несказанное удовольствіе своему Царственному Бомбардиръ-Капитану [1]. — На слѣдующій день, Посольство отплыло въ Колбергъ, гдѣ, вмѣстѣ съ Государемъ, осматривало тамошнія укрѣпленія. 4 Іюля, Царь, въ сопровожденіи нѣсколькихъ спутниковъ, уѣхалъ на почтовыхъ въ Берлинъ. — Излишнія тяжести, при 71 человѣкѣ свиты, отправлены моремъ, изъ Колберга въ Любекъ, подъ надзоромъ Полковника Богдана Пристава, которому на весь путь до Амстердама (въ томъ числѣ отъ Любека сухимъ путемъ) выдано было 410 червонцевъ, и подтверждено: наблюдать въ расходахъ всевозможную бережливость, довольствуя ѣдущихъ съ нимъ людей необходимымъ, по званію каждаго, такъ, чтобы они были только сыты; избѣгать всякихъ прочихъ издержекъ, и записывать каждую копѣйку въ расходную книгу.

---

(1) *Голиков.* Дополн. IV, стр. 307, 308.

ГЛАВА III.

Поѣздка Царя въ Амстердамъ.

Петръ I, посѣтившій Берлинъ, для распространенія своихъ познаній въ воинскомъ дѣлѣ, оказалъ тамъ быстрые успѣхи, и получилъ письменное въ томъ свидѣтельство. Вѣроятно самъ Монархъ желалъ этого, какъ и въ послѣдствіи, когда былъ избранъ въ Члены Парижской Академіи.

Послы въѣхали въ Берлинъ, торжественно привѣтствуемые трикратною пальбою изъ 70 орудій.

Воинскія занятія не препятствовали Царю обращать вниманіе и на дѣла Польши, причинявшія ему немало заботъ, не взирая на то, что союзникъ Его, Августъ II, былъ уже (17 Іюня) избранъ въ Короли. — Кардиналъ-Примасъ Радзіевскій противился сему избранію.—Царь повторилъ причины, по которымъ Онъ не желаетъ видѣть Принца Конти на Польскомъ Престолѣ, и въ поздравительную свою грамоту, отправленную къ Августу II, отъ 6 Іюля, будто бы изъ Москвы, включилъ обѣщаніе прислать вскорѣ Уполномоченнаго, для подтвержденія, съ обѣихъ сторонъ, постоянной пріязни и любви ([1]). — Но такъ какъ партія Принца Конти не переставала изыскивать всевозможныя средства къ уничтоженію избранія Августа, то Царь, нехотѣвшій

([1]) *Голиков.* Дополн. IV, стр. 312 — 315.

имѣть сосѣдомъ друга Турецкаго Султана, повелѣлъ своему Варшавскому Резиденту, Стольнику Никитину, объявить преданнымъ Французской сторонѣ Полякамъ, что если будетъ у нихъ Королемъ Принцъ Конти, то не обойдется тогда безъ войны съ Россіею. Въ то же время Петръ I требовалъ, чтобы Данія и Швеція не пропускали помянутаго Принца черезъ Зундъ.

На пути въ Голландію, Государь осматривалъ въ Магдебургѣ церковныя рѣдкости; у Галберштадта восходилъ на прославленную сказками и легендами, гору Блоксбергъ; въ Гильдесгеймѣ былъ угощаемъ тамошнимъ Епископомъ, и веселъ разстался съ веселымъ хозяиномъ.

Столь же ласковый пріемъ Петръ встрѣтилъ (27 Іюля), въ четырехъ миляхъ отъ Ганновера, въ Курфиршескомъ замкѣ Коппенбриггѣ, гдѣ вдовствующая Курфирстина Ганноверская, Софія, и дочь ея, Софія Шарлотта, очаровали Августѣйшаго гостя своимъ обращеніемъ.

Отзывы обѣихъ Курфирстинъ объ этомъ вечерѣ заслуживаютъ быть упомянутыми здѣсь потому, что они знакомятъ насъ короче съ двадцатипятилѣтнимъ Государемъ ([1]).

Вдовствующая Курфирстина со всѣмъ семействомъ, прибыла изъ Герренгаузена въ Коппенбригге, отстоящій оттуда на пять миль, и пригласила новаго гостя, со всею Его свитою, къ вечернему столу.

([1]) Meiner's und Spittler's historisches Magazin, II. 1 Heft. — Mémoires pour servir à l'histoire de Charlotte Sophie, par Erman. 8. Berlin, 1801 S. 116, fg. — Halem's Peter der Grosse. I. S. 301—306.

Царь требовалъ, чтобъ Его провели въ комнаты непримѣтно, по тайной лѣстницѣ; между тѣмъ Курфиршеская фамилія и Послы входили въ домъ парадными дверьми.

Петръ имѣлъ видный ростъ и привлекательное лице. Скорые и удачные отвѣты Его изумляли образованныхъ дамъ, такъ что онѣ безъ принужденія могли поддерживать разговоръ во все время стола, за которымъ веселый Царь сидѣлъ между обѣими Курфирстинами. Съ младшею изъ нихъ Онъ дружески обмѣнялся табакерками. Прочіе гости не щадили вина; въ особенности отличался, между пирующими, Курфиршескій Гофмаршалъ, которому Царь, за это отличіе, подарилъ соболью шубу.

Послѣ стола молодая Курфирстина пропѣла Италіянскую арію, которая понравилась Царю, не взирая на то, что Онъ, по собственнымъ словамъ Его, былъ небольшой любитель музыки. На вопросъ: «не больше ли доставляетъ ему удовольствія охота?» Петръ отвѣчалъ, что она была любимою забавою Его родителя; Онъ же предпочитаетъ всему кораблестроеніе и фейерверки, и вообще довольно свѣдущъ въ четырнадцати ремеслахъ; въ доказательство чего, дамы должны были ощупать на рукахъ Его мозоли.

По просьбѣ Курфирстинъ, Петръ приказалъ прійти своимъ музыкантамъ, и пригласилъ дамъ на Русскій танецъ, отыскавъ однако же сперва, съ немалымъ трудомъ, свои перчатки.

Курфирстинамъ показалось страннымъ то, что Онъ то цѣловалъ, то щипалъ четырехъ карликовъ своей свиты, дразнилъ прутикомъ шута, и десятилѣтнюю Принцесу Софію Доротею, взявъ

за голову, поднялъ вверхъ; при чемъ не мало пошерпѣлъ головной уборъ ея. «Онъ весьма добрый Государь« (говоритъ въ заключеніе вдовствующая Курфирстина) «но, по обычаю своей страны, об-«ходится со всѣми уже слишкомъ безъ чиновъ. При «лучшемъ воспитаніи, Онъ обладалъ бы великими «достоинствами, потому что въ Немъ замѣтно «много ума и много хорошихъ качествъ.»

По утру Царь хотѣлъ угостить своихъ ласковыхъ хозяекъ; но къ величайшему сожалѣнію узналъ, что онѣ уѣхали тотчасъ послѣ бала. Проведенный столь пріятно вечеръ остался надолго въ памяти Монарха. Онъ прислалъ, изъ Голландіи, вдовствующей Курфирстинѣ четыре собольи мѣха и три куска шелковой матеріи. Курпринцъ Георгъ, бывшій потомъ Королемъ Англіи, не вовсе понравился Государю.

ГЛАВА IV.

Пребываніе Царя въ Саандамѣ. (1)

Петръ I оставилъ свое Посольство, 2 Авгу-

(1) Сія и слѣдующія за оною главы обязаны многимъ изданному недавно въ свѣтъ сочиненію Якоба Схельтемы (Секретаря Верхней Палаты Финансовъ и Морскихъ Дѣлъ въ Гагѣ), подъ названіемъ: Russland en de Nederlanden etc. 8. Amst. 1817 — 1818. 3 тома. Въ этой книгѣ столько новаго и занимательнаго, что все сказанное доселѣ о семъ предметѣ другими Писателями, становится совершенно ничтожнымъ. — Сочинитель, занимавшій нѣсколько лѣтъ почетное мѣсто въ Саандамѣ (а не въ Саардамѣ, какъ пишутъ нѣкоторые: Схельтема производитъ это названіе отъ протекающей близъ города рѣки, именующейся Саанъ, Цаанъ, а не Сааръ или Цааръ), собралъ множество свѣдѣній отъ потомковъ тѣхъ лицъ, которыя были въ близкихъ сношеніяхъ съ Царемъ, и пополнилъ свѣдѣнія сіи дневниками и архивными актами. Изъ перваго изданія сей книги, напечатаннаго въ 1814 году (въ двухъ томахъ, въ Амстердамѣ), подъ названіемъ: Peter der Groote Keizer van Russland, in Holland en te Zaandam in 1697, — и разкупленнаго тогда же на подхватъ, — помѣщены, богатые содержаніемъ, отрывки въ Minerva vom Jahre 1816. April s. 41 — 83. Mai 208 — 250. Juni 469 — 499, съ дополненіемъ, въ Августѣ мѣсяцѣ, стр. 316 — 322. — Только, можетъ статься, въ Схельтемѣ слишкомъ уже виденъ патріотъ, которому кажется, что дѣятельность единоземцевъ его участвовала во всѣхъ нововведеніяхъ Великаго Монарха: какъ будто бы, безъ Батавскихъ политиковъ, можно было ожидать менѣе отъ геніяльнаго Петра!

ста, въ Эммерихѣ ([1]), и съ десятью Дворянами (которымъ данъ былъ паспортъ, будто бы въ Москвѣ, отъ 9 Марта, на имя Урядника Гаврилы Кобылина съ товарищи)—([2]), отплылъ, въ небольшомъ суднѣ, внизъ по Рейну; достигъ 7 Августа столицы Голландіи, и остановился въ квартирѣ прибывшаго сюда прежде, чрезъ Любекъ и Гамбургъ, Полковника Богдана Пристава, который, желая встрѣтить лучшій пріемъ, распускалъ въ помянутыхъ городахъ и вездѣ, на пути своемъ, слухи, что отрядъ его сопровождаетъ самаго Царя. Эти-то слухи приняты, въ послѣдствіи, за истину многими Біографами Монарха ([3]).

Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что Царь находится въ Амстердамѣ; и Петръ, на другой же день уѣхалъ въ Саандамъ ([4]), не взирая на то, что спутники Его желали бы погостить здѣсь подолѣе.

Царь особенно любилъ этотъ дѣятельный, богатый городокъ, потому, что многіе сподвижники Его въ кораблестроеніи, на Переславской и Воронежской верьфяхъ, были урожденцы Саандамскіе.

8 Августа, въ шесть часовъ утра, Царская шлюбка съѣхалась съ челнокомъ ловившаго угрей

([1]) Схельтема, II. стр. 143 (по мнѣнію же другихъ, въ Гаммѣ).

([2]) *Голиков.* Дополнен. IV, стр. 334.

([3]) Mémoires du Regne de Pierre le Grand par le Baron Iwan Nestesuranoj. Vol. 2, p. 186.

([4]) Схельтема пишетъ *Цаандамъ;* (Zaandam); но по Нѣмецкому и по Русскому произношенію, сей городокъ должно называть Саандамъ.

Саандамца. Русскіе узнали работавшаго прежде вмѣстѣ съ Царемъ, кузнеца Геррита Киста, и кликнули его по имени. Кистъ изумился, увидѣвъ Государя, который обошелся съ нимъ ласково, и хотѣлъ остановиться у него инкогнито. Рыболовъ-кузнецъ считалъ жилище свое слишкомъ для Царя тѣснымъ, но Петръ рѣшился занять заднiй домикъ, въ которомъ проживала одна бѣдная вдова ([1]).

Въ одеждѣ простаго корабельнаго работника, красномъ байковомъ камзолѣ и бѣлыхъ холстинныхъ брюкахъ, Петръ, съ веревкою въ рукѣ, выскочилъ на берегъ.

За небольшое вознагражденіе, именно за семь гульденовъ, вдова согласилась очистить свою квартиру. Царь, между тѣмъ, дожидался этого въ трактирѣ, который, по случаю прибытія Русскихъ, вскорѣ наполнился любопытными.

«Мы Русскіе работники, присланные сюда для обученія корабельному мастерству!» говорили спутники Царя, по Его приказанію.

Но этому никто не хотѣлъ вѣрить, потому что одежда, кошельки и нѣжныя руки вновь прибывшихъ гостей, противорѣчили словамъ ихъ.

Царь прибылъ сюда въ Воскресенье, и, къ немалой своей досадѣ, принужденъ былъ не только провести цѣлый день праздно, но и быть предметомъ любопытства праздныхъ.

Въ слѣдующее утро, Петръ, зайдя прежде всего въ находившуюся на Гоогендейкѣ лавку, искупилъ необходимые инструменты; потомъ, подъ

([1]) Scheltema, II. — 144, 145, — Nestesuranoj, II. — 191, 192.

Вѣрный принятой имъ ролѣ, Царь отвергалъ всѣ почести.

Два первые Бургомистра города спросили однажды переводчика, въ присутствіи самого Царя: не угодно ли будетъ Государю покушать у нихъ, по Саандамски, рыбы? — Имъ отвѣчали, что Государь еще не пріѣхалъ.

Купецъ Блемъ хотѣлъ очистить для Царя свой довольно просторный домъ, съ садомъ. «Мы простые люди (сказано ему въ отвѣтъ), и довольны нашимъ теперешнимъ жилищемъ.»

Извѣстіе о пребываніи здѣсь Царя казалось въ Амстердамѣ столь невѣроятнымъ, что подало поводъ ко многимъ спорамъ и закладамъ. Чтобы разрѣшить ихъ, двое купцовъ, бывавшихъ въ Москвѣ, и видавшіе тамъ Царя, отправились въ Саандамъ. Встрѣтивъ Монарха, они изъявили Ему свое удивленіе. — «Вы видите!» сказалъ Петръ, улыбаясь.

Какъ домашній другъ, обѣдалъ Онъ, однажды, съ Саандамскими купцами Кальфомъ и Блемомъ; послѣ обѣда ѣздилъ съ ними по морю, и, вышедъ на берегъ, близъ строившейся крупчатой мѣльницы, взялъ топоръ и сталъ работать вмѣстѣ съ другими плотниками. По этому случаю, мѣльница сія называется еще и нынѣ *Великимъ Княземъ*, или *Велико-Княжескою* (Grootfürst, der Grossfürst).

Желая быть рѣже предметомъ любопытства зѣвакъ, Петръ купилъ, за 450 гульденовъ, небольшую яхту, сдѣлалъ для нея, собственными руками, переднюю мачту, и, въ званіи Штурмана, подходилъ на ней къ Амстердаму, гдѣ зрѣлище безчисленнаго множества судовъ, съ обширнымъ лѣ-

сомъ мачтъ, доставляло Ему неописанное удовольствіе.

Однажды, когда Онъ хотѣлъ пристать, въ Саандамѣ, къ берегу, нѣкто Мартценъ помѣшалъ Ему въ этомъ, и пылкій Царь ударилъ его по щекѣ. — «Мартценъ посвященъ теперь въ рыцари!» (Martzen ist jetzt zum Ritter geschlagen worden) говорили предстоявшіе, — и прозваніе Рыцаря присвоилось пристыженному Мартцену навсегда.

Въ другой разъ, одинъ корабельщикъ, изъ любопытства, подошелъ на парусахъ слишкомъ близко къ Царской яхтѣ, и разгнѣванный этимъ Петръ началъ бросать къ нему порожнія бутылки.

Отважность Царя, при такихъ морскихъ прогулкахъ, возбуждала удивленіе въ самыхъ опытныхъ морякахъ; но едва не погубила Его: однажды, въ сильную погоду, Онъ не такъ, какъ слѣдовало, повернулъ парусъ, и опрокинулъ свою шлюбку. Подоспѣвшіе пловцы спасли Его.

Въ Субботу, наканунѣ отъѣзда Царя изъ Саандама, назначенъ былъ спускъ, черезъ плотину (Дейхъ), вновь отстроеннаго корабля, принадлежавшаго купцу Кальфу. Приглашенный присутствовать при этой церемоніи, Царь, замѣтивъ, что кровли и окна домовъ заняты любопытными, желавшими видѣть только Его, остался въ своей квартирѣ. — Бургомистры хотѣли провести Его такъ, чтобы Онъ могъ видѣть все, не бывъ видимымъ самъ. Царь согласился, но отворивъ двери, вскричалъ: «много народу! много народу!» — и захлопнулъ ихъ снова.

Нѣкоторые Историки говорятъ, что Царь прожилъ въ Саандамѣ недѣль шесть, или семь; но та-

Ризвикскаго Конгресса, въ это время съѣхался туда цѣлый сонмъ Дипломатовъ, и слишкомъ блистательный пріемъ новымъ гостямъ могъ подать поводъ къ неудовольствіямъ. Почему и было объявлено, что самъ Царь, съ Воеводами (Намѣстниками) Новгородскимъ и Сибирскимъ, находится при Посольствѣ. Для помѣщенія онаго наняты Генеральными Штатами домы, и на предварительные расходы, по угощенію, ассигновано 100,000 гульденовъ.

Послы продолжали, между тѣмъ, путь свой чрезъ Вестфалію, и въ Везелѣ (4 Августа) оказаны имъ послѣднія почести со стороны Бранденбургскаго Двора.

Въ городѣ Клевѣ ожидалъ ихъ Церемоніймейстеръ фанъ Динтеръ, съ Депутатами и трубачами.

Въ Нимвегенѣ (12 Августа) Послы вступили на приготовленныя для нихъ яхты, проѣхали 13 числа Варкамъ, 14 Дортрехтъ, 15 Гоуду, и 16 прибыли въ Амстердамъ, бывъ встрѣчены у самой пристани, за полмили отъ города, Старшинами и блестящею гражданскою стражею (¹).

Отрядъ богато убранныхъ Амстердамскихъ

«Высокомочности безъ замедленія. При семъ Мы Великій Государь, Наше Царское Величество, Ваше Высокоможество во охраненіе Господу Богу предаемъ.— «Писанъ Государствія Нашего во Дворѣ, въ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра «7205 (1697), мѣсяца Марта 8 дня, Государствованія «Нашего 15 года. — Петръ.» — *Голиков.* Дополн. IV. 281, 282.

(¹) *Голиков.* Дополн. IV, стр. 346 — 349. — Scheltema II, стр. 170 — 180.

юношей открывалъ шествіе; за ними слѣдовали четыре Калмыка, шесть трубачей, четырнадцать Русскихъ Дворянъ, шестнадцать лакеевъ, двадцать четыре гайдука и множество парадныхъ каретъ. Въ первой сидѣли Лефортъ и Меньшиковъ, во второй другіе Послы, съ Амстердамскимъ Бургомистромъ, а въ одной изъ послѣднихъ Царь, инкогнито. Русскіе гости были угощаемы въ Посольской квартирѣ. Торговый городъ, въ воспоминаніе выгодной для него торговли съ Россіею, учредилъ великолѣпные праздники и торжественные пиры, надѣясь польстить тѣмъ юношескимъ чувствамъ чужеземнаго Государя ([1]).

На другой день, т. е. 17 числа, Посольство посѣтило театръ, на коемъ представленъ былъ очаровательный балетъ Армида. 18-го данъ былъ фейерверкъ, на рѣкѣ Амстелѣ, гдѣ, прикрѣпленныя одно къ другому, суда составляли искусственный островъ, съ тріумфальною на немъ аркою, окруженный Тритонами, кораблями и другими эмблемами. Царь, изъ ближней таверны, смотрѣлъ на это огнедышущее освѣщеніе, и громогласно изъявлялъ свое удовольствіе. — Но для многихъ наслажденіе сего вечера было бѣдственно: отъ тѣсноты обломились желѣзныя перила моста, и увлекли съ собою въ рѣку немалое число зрителей, изъ коихъ не всѣ спасены подоспѣвшими лодками.

Не Театръ и не фейерверки привлекли Петра въ Амстердамъ: Онъ желалъ съ бо̀льшею пользою употребить драгоцѣнное для Него время.

([1]) По Русскому счету (*Голиков.* Дополн. IV, стр. 351), первое угощеніе Пословъ стоило Амстердаму 207 ефимковъ.

что Царь находится въ своемъ Государствѣ, и что тамъ будутъ доложены Его Величеству представленія Саксонскаго Двора ([1]).

Въ новомъ жилищѣ своемъ, Монархъ вставалъ по-утру весьма рано, самъ закупалъ на рынкѣ съѣстные припасы, готовилъ для себя кушанье, и не имѣлъ опредѣленнаго времени обѣда; короче сказать: жилъ, какъ послѣдній изъ простолюдиновъ. Никто не смѣлъ называть Его иначе, какъ *Саандамскимъ плотникомъ Петромъ*, или *мастеромъ Петромъ*.

Одинъ, заслуживающій вѣроятіе, морякъ разсказывалъ, еще въ 1754 году, что онъ часто видалъ Царя въ одеждѣ корабельнаго плотника — то работающимъ въ Адмиралтействѣ, то сидящимъ у топора, и разговаривающаго съ другими мастерами.

Однажды, когда Англійскій Лордъ (вѣроятно, Пемброкъ) посѣтилъ Адмиралтейство, нѣсколько рабочихъ несли мимо отдыхавшаго Царя тяжелое бревно. «Чтожъ ты не пособляешь, Саандамскій плотникъ Петръ?» сказалъ главный мастеръ. — Царь немедленно повиновался, подставилъ свои плечи, и, вмѣстѣ съ прочими, понесъ бревно.

Для усовершенствованія себя въ любимыхъ своихъ предметахъ, Царь бралъ уроки: у Математиковъ Дама и Гартцоккера, у корабельныхъ мастеровъ Вейсселера, Кардннаала, Реенена, Петра-Поля и у корабельнаго рисовальщика Адама Сило.

Дня черезъ два послѣ потѣшнаго морскаго сраженія, Петръ отправился на своей яхтѣ въ Саандамъ, гдѣ въ это время хотѣли спускать корабль. Онъ со вниманіемъ осматривалъ устрой-

([1]) *Голиков.* Дополн. IV, стр. 356.

ство машинъ, а въ свободное время закупилъ и перенесъ на яхту разные припасы. На верьфи, взявъ изъ рукъ Меньшикова топоръ, Государь отдѣлалъ мачту.

Потомъ, черезъ шесть дней, Петръ, Витсенъ и Лефортъ, ѣздили не надолго въ Утрехтъ, для переговоровъ съ Наслѣднымъ Штатгалтеромъ и Королемъ Вильгельмомъ Оранскимъ.

Посвящая свое вдохновеніе лишь предметамъ высокимъ, каковы напримѣръ, докъ камелей и проч., Петръ посѣтилъ прибывшую съ ловли китовъ флотилію, взошелъ на одинъ корабль, осматривалъ бочки съ ворванью, разспрашивалъ обо всемъ, относящемся до сего промысла, и на возвратномъ пути, въ веселомъ расположеніи духа, описалъ завоеваніе Азова, набросавъ тутъ же на бумагу и рисунокъ, который хранится еще и нынѣ у Якоба Конинга.

Витсенъ показывалъ Царю храмы различныхъ религіозныхъ сектъ, госпитали и воспитательные домы. Петръ, по своему обыкновенію, записывалъ все, что казалось Ему новымъ или довольно важнымъ.

Витсенъ сопровождалъ Его къ знатнѣйшимъ Амстердамскимъ Ученымъ. Они съ изумленіемъ отвѣчали на вопросы Монарха, по части Физики, Химіи, Ботаники, Анатоміи, Географіи и Математики.

Анатомическій Кабинетъ Рюйша былъ для Царя предметомъ необычайнаго удивленія. Казалось, что Рюйшъ изучилъ у древнихъ Египтянъ искусство предохранять тѣла отъ разрушенія.

«Поцѣловавъ трупъ улыбавшагося еще и въ «смертномъ снѣ малютки». (говоритъ помянутый

Анатомикъ), «Царь долго стоялъ какъ окаменѣлый. «Съ трудомъ можно было вывести Его изъ ком«наты.»

Анатомическій театръ въ госпиталѣ Св. Петра до крайности увлекъ вниманіе Монарха.

Весьма часто видали Его у механика Фанъдеръ-Гайдена; но ни онъ, ни сынъ его не согласились на предложенія Царя, звавшаго ихъ въ Россію.

Не однѣ Науки, но, какъ сказано уже, и ремесла и фабрики занимали Петра. То видали Его за шкацкимъ станомъ, то съ кузнечнымъ молотомъ, то съ топоромъ и скобелью въ рукахъ. Онъ писалъ истину, въ письмѣ къ Патріарху Адріану, отъ 10 Сентября: «Мы послѣдуя слову Бо«жію, бывшему праотцу Адаму, трудимся; что «чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣ«тенія морскаго пути, дабы искусяся совершенно, «могли возвратиться, и противъ враговъ имени «Іисусъ Христа побѣдителями благодатію Его «быть.»

И безъ сего замѣчательнаго письма, легко можно видѣть, сколь высоко цѣнилъ Монархъ корераблестроеніе — изъ того, что онъ, вмѣстѣ съ товарищами, большую часть времени проводилъ на Амстердамскихъ верьфяхъ, желая, чтобъ эти товарищи не пренебрегали ничѣмъ, что только могло быть полезнымъ для Россіи ([1]).

Между тѣмъ, Царь ошибся, написавъ отъ 31 Августа къ Ромодановскому, что всѣ поименован-

([1]) Изъ Царскаго письма, отъ 31 Августа, къ Князю Ромодановскому, мы узнаемъ имена работавшихъ вмѣстѣ съ Петромъ Его спутниковъ и ихъ занятія: «Min Her «Kenig! Которые посланы по указу вашему учиться,

ГЛАВА VI.

Царское Посольство въ Гагѣ.

Ризвикскіе переговоры въ Голландіи, занимали въ это время умы многихъ Дипломатовъ, и Русскимъ оставалось цѣлыхъ четыре недѣли для приготовленій къ аудіэнціи.

Царь-плотникъ отбросилъ (16 Сентября) топоръ, чтобъ быть въ Гагѣ при торжественной аудіэнціи своихъ Пословъ, отъѣхавшихъ туда въ 60-ти парадныхъ каретахъ. Витсенъ, вмѣстѣ съ Царемъ и двумя Бургомистрами, отправился въ собственномъ экипажѣ. Петръ хотѣлъ непремѣнно взять съ собою одного изъ своихъ карликовъ (по показанію же другихъ, шута (¹)), и на слова, что «карета не слишкомъ просторна для шетерыхъ,» отвѣчалъ: «онъ можетъ сидѣть у меня на колѣняхъ.»

Чтобы избѣжать толпы народа, Царь выѣхалъ въ другія городскія ворота, мимо гранильной фабрики, которую однако же не могли показать Ему, потому что въ это время хозяинъ находился въ отлучкѣ, и фабрика была заперта.

Не подалеку отъ Гарлема увидѣлъ Онъ Гидравлическую машину, служившую для снабженія окрестности водою, и не взирая на то, что долженъ

(¹) Zyn Gek, пишетъ Схельтема (Peter de Groote, I. стр. 176), по одному старинному Голландскому дневнику.

былъ промочить ноги, не могъ не удовлетворить своей жаждѣ къ познаніямъ.

Въ Гарлемѣ любопытные толпились вокругъ кареты; чтобы укрыться отъ нихъ, Царь закутался плащемъ.

По ту сторону Гарлема, увидѣвъ красивый загородный домъ одного богатаго Амстердамца, Петръ желалъ осмотрѣть внутренность этого дома; настаивалъ однако же на томъ, чтобы владѣлецъ онаго (знакомый Витсену), и всѣ его домашніе вышли покамѣстъ вонъ; что и было исполнено.

Поздно вечеромъ, подъ самою Гагою, карета сильно пошатнулась. Царь спросилъ о причинѣ. «Карета наѣхала на перевозный ботъ,» отвѣчали спутники. — Царь тотчасъ приказалъ остановиться, вышелъ изъ кареты, осмотрѣлъ, при свѣтѣ фонаря, устройство бота, и записалъ мѣру длины его, ширины и вышины.

Къ одиннадцати часамъ прибылъ Петръ въ гостинницу. Назначенная для него постель показалась ему слишкомъ роскошною. Отвели другую, въ верхней комнатѣ, — та была ни куда негодна. Онъ велѣлъ запречь снова лошадей, и поѣхалъ въ Посольскій домъ. Увидѣвъ тамъ одного изъ своихъ служителей, уснувшаго на медвѣжьей кожѣ, онъ закричалъ ему: «вставай! вставай! здѣсь лягу я!» — и занялъ потомъ это уступленное ему ложе.

Въ день аудіэнціи (25 Сентября), Петръ былъ въ голубомъ съ позументами платьѣ, въ парикѣ и шляпѣ съ плюмажемъ. Витсенъ заблаговременно провелъ Государя въ смежную съ аудіэнц-залою комнату, откуда Онъ могъ видѣть все, сквозь стеклянныя двери.

Генеральные Штаты выслушали Лефортово привѣтствіе, произнесенное на Русскомъ языкѣ. Между тѣмъ, Возницынъ поднесъ, на алой тафтѣ, Царскую грамоту, въ коей Государь изъявлялъ желаніе тѣснѣйшей дружбы и торговыхъ связей съ Генеральными Штатами, къ общей пользѣ всего Христіанства.

Петръ былъ весьма доволенъ пріемомъ, оказаннымъ Его Посламъ, и обращеніемъ съ ними (1).

Такъ какъ вся торжественность Посольства сопровождалась одними пустыми желаніями и увѣреніями, не доставя притомъ Россіи никакой явной дипломатической выгоды: то смѣло можно предполагать, что Царь хотѣлъ только, въ видѣ частнаго человѣка, посѣтить знатнѣйшіе Дворы того времени, и собрать запасъ познаній, полезныхъ и Ему, и Его Государству.

Между тѣмъ, во время аудіэнціи, взоры любопытныхъ до того встревожили Царя, что Онъ непремѣнно хотѣлъ выйти.— Изъ той комнаты, гдѣ находился Петръ, не было другаго выхода, какъ черезъ залу; почему Онъ и поручилъ Витсену просить Генеральные Штаты, чтобы они, когда Онъ будетъ проходить, оборотились къ нему спиною; но получилъ въ отвѣтъ, что собраніе уже кончилось.

---

(1) The present condition etc. p. 54, 55. — *Голиков.* Дополн. IV, стр. 373 — 395. — Русскій Историкъ упоминаетъ здѣсь подробно о многихъ, до аудіэнціи относящихся мѣлочахъ, какъ-то: о спорѣ на счетъ церемоніала пріема Пословъ; о сдѣланныхъ имъ посѣщеніяхъ Шведскимъ, Французскимъ и другими Посланниками; о томъ, какимъ образомъ каждый изъ нихъ былъ принятъ, какъ далеко его встрѣтили, какъ далеко провожали, и проч.— Такихъ мѣлочей болѣе не читаютъ.

Тушъ нахлобучилъ Онъ на лице свой огромный парикъ, и пустился черезъ залу бѣгомъ, до самой кареты ([1]).

Отказываясь отъ тамошнихъ увеселеній, Петръ вторично посѣтилъ Наслѣдственнаго Штатгалтера и Короля, равно Голландскихъ Министровъ: Гензіуса, Слингеланда, Вальде, Гарена, Фагеля и Генерала Кугорна, который доставилъ Ему многихъ Инженерныхъ Офицеровъ, но самъ отказался отъ неоднократнаго предложенія вступить въ Царскую службу.

Въ это же время Петръ познакомился съ двумя славнѣйшими мужами: Левенгукомъ и Боергаве.

Левенгукъ былъ, съ своимъ микроскопомъ, на Царской яхтѣ, и показывалъ Государю кругообращеніе крови въ угрѣ; а Боергаве водилъ Монарха въ анатомическій театръ.

20-го Октября Русскіе Послы оставили Гагу. Они были одарены золотыми цѣпями: первый вѣсомъ въ 10 фунтовъ, второй въ 8, а третій въ $5\frac{1}{2}$ фунтовъ. Дворяне Посольства: Петръ Лефортъ и Богданъ Приставъ, получили цѣпи же, въ три фунта; а переводчики: Петръ Вульфъ и Петръ Шафировъ, въ 42 червонца. Цѣпь Священника Поборскаго вѣсила 30 червонныхъ. — Послы поднесли Генеральнымъ Штатамъ драгоцѣнныя матеріи и собольи мѣха ([2]).

([1]) The present condition etc. p. 55, 56.

([2]) Scheltema II, стр. 227 — 257. — *Голиков.* Дополн. IV, стр. 425 — 426. — Mémoires du régne de Pierre I, vol. II. p. 208.

ГЛАВА VII.

Дальнѣйшее пребываніе Царя въ Амстердамѣ.

Царь возвратился въ Амстердамъ, — и Амстердамъ видѣлъ снова Царя, то въ обществѣ тамошнихъ ремесленниковъ, Художниковъ и Ученыхъ, то на рынкѣ, въ обществѣ зуболомовъ, знакомившихъ Его съ тайнами Дантистики, подобно тому, какъ Рюйшъ знакомилъ Монарха съ тайнами Хирургіи (для чего въ послѣдствіи Онъ носилъ съ собою, и употреблялъ въ дѣйствіе необходимые къ тому инструменты), — или въ кругу фигляровъ, изъ числа коихъ болѣе извѣстные были приглашаемы, хотя и безъ успѣха, сопутствовать Ему въ Россію.

Страсть Монарха — видѣть и дознать, на самомъ дѣлѣ, все новое, все достойное вниманія, двукратно подвергала самую жизнь Его опасности.— Однажды взобрался Онъ на одинъ изъ Амстердамскихъ *крановъ* (машина для поднятія тяжестей на корабли), и упалъ оттуда такъ несчастливо, что нѣсколько дней не вставалъ съ постели. — Въ другой разъ, Онъ схватился было за машину въ пильной мѣльницѣ, и спокойно перенесъ заслуженную за то, грубую брань спасшаго Его Голландца.

Среди такихъ занятій, радовали Царя успѣхи Его оружія, ознаменованные двумя счастливыми битвами: въ Іюлѣ, съ Татарскимъ Ханомъ, ко-

торый, по сопротивленіи, продолжавшемся четыре часа, бѣжалъ за рѣку Кагальникъ,— и, въ Августѣ, съ соединенными силами Хана и Сераскира, оставившими на полѣ сраженія до 7,000 человѣкъ изъ 30-тысячнаго своего отряда (1). Петръ торжествовалъ сіи побѣды великолѣпными празднествами (2 Сентября и 28 Ноября), которыя сопровождались танцами, иллюминаціями и фейерверками (2).

Въ Сентябрѣ, Австрійская армія, подъ предводительствомъ двадцати - восьми - лѣтняго Принца Евгенія, одержала рѣшительную побѣду надъ Турками при Центѣ, гдѣ болѣе 20,000 непріятелей легло на мѣстѣ, и самъ Верховный Визирь лишился жизни. — Царь отправилъ о семъ формальное донесеніе къ мнимому Царю въ Москву, и, поздравляя его съ столь счастливымъ событіемъ, просилъ: *«дабы по благодареніи Богу, всякое веселіе при стрѣльбѣ пушечной и мушкетной отправлено было»* (3).

Въ то же самое время, Петръ получилъ убѣдительнѣйшую просьбу союзника своего Августа — поддержать вооруженною рукою права его на Польскій Престолъ, потому что Принцъ Конти, подкрѣпляемый Французскимъ войскомъ и могуществомъ Кардинала - Примаса, угрожалъ воспрепятствовать, въ Краковѣ, его коронованію, совершившемуся 6 Сентября (4).

Проѣздъ Принца Конти черезъ Зундъ, и прибытіе его въ Данцигъ, побудили Монарха отправить (30 Октября) къ Магистрату сего Ганзейскаго города грамоту, въ коей снова доказывался

(1) Amphitheatrum Turc. p. 118. — Gordon I, стр. 122.
(2) *Голиков.* Дополн. IV, стр. 359 — 361.
(3) *Голиков.* Дѣян. XI, стр. 35.
(4) *Голиков.* Дополн. V, стр. 14 — 18.

вредъ, могущій послѣдовать для всего Христіанства, если Польскій скипетръ будетъ въ рукахъ Короля, покровительствуемаго Франціею ([1]).

Подобныя представленія подкрѣплялъ, на Литовской границѣ, Князь Михаилъ Ромодановскій — и такъ сильно, что Данцигъ прислалъ къ Царю (отъ 23 Декабря ст. стиля) благодарственную грамоту, за утвержденіе Августа на Польскомъ тронѣ, и за оказанную торговлѣ защиту ([2]).

Не взирая на близость мира съ Турками, Русское Посольство просило (впрочемъ без успѣха) Генеральные Штаты о вспомогательныхъ деньгахъ, для продолженія войны съ Портою.

Тогда же получено изъ Москвы извѣстіе о заключенномъ 17 Іюля на рѣкѣ Камышинкѣ, съ Калмыцкимъ Ханомъ Аюкою, договорѣ, которымъ обѣщано Калмыкамъ пособіе, доставленіемъ огнестрѣльнаго оружія противъ Бухарцовъ, Киргизовъ и Каракалпаковъ; а Ханъ обязывался помогать Русскимъ въ случаѣ нападенія Крымцевъ ([3]).

Оконченный Царскимъ топоромъ гальётъ (изъ котораго нѣкоторые Писатели состроили цѣлый линѣйный корабль), подаренъ былъ Амстердамомъ Русскому Монарху. Гальётъ сей названъ именемъ Великаго своего Строителя, и въ слѣдующемъ году, съ разными военными припасами ([4]) и многими ли-

---

([1]) *Голиков.* Доплнен. V, стр. 14 — 18.

([2]) Дѣла Московскаго Архива, касающіяся Данцига, N. 1.

([3]) Позднѣе донесено Царю объ отправленіи (18 Декабря) въ Томскъ Грека Левендіани, съ десятью помощниками, для испытанія тамошнихъ серебряныхъ рудъ. — *Чулковъ*, — Историч. Описаніе Росс. Коммерц. II. стр. 88.

([4]) Военные снаряды были покупаемы не только въ Амстердамѣ, но и въ Любекѣ. Въ семъ послѣднемъ мѣстѣ

цами, вступившими въ Русскую службу, отправленъ въ Архангельскъ. Въ царствованіе Елисаветы Петровны сгорѣлъ этотъ памятникъ дѣятельности мудраго ея Родителя.

Царь умѣлъ привлечь къ себѣ сердца всѣхъ Амстердамцевъ. Число предлагавшихъ Ему свои услуги, превышало число принятыхъ Петромъ въ дѣйствительную Русскую службу ([1]).

Онъ писалъ тогда къ Ромодановскому: «Min «Her Kenig! Письмо твое Государское Октября въ «9 день мнѣ отдано, за которую вашу Государскую «милость многократно благодарствую, и о здѣш«немъ возвѣщаю: холопи ваши Адмиралъ Францъ «Яковлевичъ съ товарищами и со всѣми при нихъ «будучими далъ Богъ въ добромъ здоровьи. — Пока«жи милость, что у васъ сдѣлалось надъ Боярами, «и померли и перебѣсились. — У насъ, слава Богу,

---

куплено 22 металлическихъ пушки, за 10,523 рейхст. Матросы и прочіе морскіе служители были нанимаемы даже въ Шведскихъ городахъ. *Голиков.* Дополн. V, стр. 34 — 35.

([1]) «The present condition etc. p. 58. — At his spare hours his greatly delight used to be, to take a view of any thing that vas curious, or worthy his observation in private persons houses, where he lay'd hold of all oportunities, to enter into a familiar discourse with them, in so obliging a manner, that the Hollanders *who are extreamly taken with familiar convrsation* were charm'd with his frank behaviour, which had this effect upon them, that it is almost incredible, how many voluntarily offer'd themselves to serve him; Ihaving been an eye-witness myself, that a great number of able and well decerving persons could not be admitted into the service, besause the intended levies were compleated in much less time tham was expected.» —«Въ часы досуга находилъ онъ особенное наслажденіе въ разсматриваніи вещей любопытныхъ и

«всѣ здоровы, только многіе, чаю, покупать, а «иные, чаю, и покупили шпалеры Французскія, ко«торыя здѣсь въ Шпильгюйсѣ зѣло дешевы, да не«прочны. — Генерала нашего братъ Иванъ Михай«ловичъ совокупился на сухоручкѣ, а самъ мало «видитъ; и такъ цѣлое гнѣздо увѣчныхъ: не зна«емъ, что съ ними дѣлать (1).»

Въ другомъ письмѣ Царь снова благодаритъ, такъ называемаго, Господина Короля, за полученное отъ него извѣстіе, и проситъ, *дабы онъ и впредь не презрѣнъ былъ отъ его милости* (2).

Въ третьемъ изъявляетъ свое сожалѣніе о томъ, что не можетъ сообщить ничего новаго, и обѣщаетъ увѣдомлять обо всемъ, что случится (3).

Въ четвертомъ, Государь, благодаря Ромодановскаго за полученное отъ него письмо, *бьетъ* за то *челомъ до земли,* и извѣщаетъ о покупкѣ разныхъ вещей (4).

Отъ 31 Декабря, Царь писалъ, между прочимъ,

чѣмъ либо заслуживающихъ Его вниманіе. Въ домахъ частныхъ лицъ, пользуясь всевозможными случаями, вступалъ онъ въ короткую бесѣду съ хозяевами, съ такою обязательностію, что Голландцы, *восхищенные таковымъ дружескимъ разговоромъ*, были внѣ себя отъ сего откровеннго обращенія; оно имѣло на нихъ такое сильное вліяніе, что почти невѣроятно, сколь многіе добровольно изъявляли желаніе быть въ Его службѣ. Я самъ видѣлъ, что множество способныхъ и искусныхъ людей не могли быть приняты въ службу, по причинѣ занятія въ кратчайшее, нежели какъ того ожидать можно было, время, вакантныхъ мѣстъ.»

(1) *Голиков.* Дѣян. XI, стр. 35, 36.
(2) Тамъ же, 36.
(3) Тамъ же, 37.
(4) Тамъ же, 37.

къ Механику Крафту: «Мы, Богу изволившу, поѣдемъ «на будущей недѣлѣ въ отечество твое (Англію).— «Пожалуй поклонись Петру (Патрику) Ивановичу «Гордону, понеже и онъ оттуда, также и прочимъ «нашей компаніи (1).»

---

(1) *Голиков.* Дѣян. XI. 40.— Въ тотъ же день Петръ I писалъ къ Ромодановскому: «Min Her Kenig! Письмо Ваше Государское, Ноября въ 12 день писанное, мнѣ «отдано Декабря въ 14 день, въ которомъ изволишь «писать о книгѣ, чтобы сыскать Вашему Величеству «достойную, въ чемъ непремѣнно труждаюся и сыс«киваю, и сколько могъ, здѣсь сыскалъ; также и гдѣ «индѣ буду, и не облѣнюсь вашъ указъ исполнить.— «При семъ доношу, что хорошо вновь строить, а и «старое, которое хорошо, не надобно бросать, поне«же нынѣ по указу вашему строится флотъ морской; «есть же въ Переславлѣ корабль, которой *Класъ* дѣ«лалъ, и мню, что онъ по новинѣ своей и ве«личинѣ годенъ будетъ въ вышерѣченной флотъ; и «того для прошу васъ Маестатъ, дабы указалъ оной «въ грядущую весну сквозь рѣки Вексу и Сумино озеро «и Нерль въ Волгу провесть; и хотя оной провозъ и «не безъ труда копаніемъ береговъ къ Вексѣ, но она«го мѣста немного (о чемъ самому Вашей Свѣтлости «извѣстно), и вешняя вода можетъ гораздо къ тому «способствовать; а когда до Сумина озера придетъ, «то оттуда безъ труда Нерлью, понеже оная рѣка «довольной ширины есть, а хотя мѣлка и камениста, «но въ полую воду довольной глубины будетъ.— Еще же «не хочу не возвѣстить и того Вашей Свѣтлости, «что на веснѣ всегда ледъ на озерѣ долго плаваетъ, и «того ради невозможно вскорѣ провести корабль, а по«ка ледъ разобьетъ, тогда уже рѣки спадутъ, и невоз«можно будетъ сего исполнить; о чемъ я наи«покорнѣйше доношу свое мнѣніе, дабы въ конецъ сей «зимы корабль починать проводить съ пробиваніемъ «льда и поставить у рѣки Вексы, и когда рѣки вскро-

Отъ 8 Февраля 1698, писалъ онъ изъ Лондона, къ нему же Карфшу: «Ракъ! будь здоровъ, а мы въ отечествѣ твоемъ слава Богу здоровы.»

———————

«ются, тогда тотчасъ его весть; еще же и для того «пристойно зимою весть, понеже отъ города Переславля въ озеро, также и изъ озера въ Вексу проходы «зѣло мѣлки, и того для, когда пробьютъ путь кораблю, «тогда удобно съ обѣихъ сторонъ того пробою людемъ песокъ разгребать, также и на томъ льду по «сторонамъ же поставить переносные вороты (которыхъ воротовъ образецъ есть на пильной мѣльницѣ), «и блоки привязать большіе (которыхъ образецъ есть «на той же пильной мѣльницѣ и у меня на дворѣ); а «естьли ихъ не довольно будетъ, можно ихъ сдѣлать «съ образца, и тянуть, какъ и здѣсь въ Амстердамѣ «большіе корабли, которые глубиною въ 22 фута ходятъ, а въ пристань въ 8 только футовъ глубины такимъ же образомъ втягиваютъ; но понеже здѣсь тина, «а тамъ песокъ, и того для труднѣе, однакожъ мню «съ разгребаніемъ песка сіе исполнится можетъ, а «хорошо бъ къ тому взять изъ иноземцовъ изъ матросовъ, или изъ плотниковъ, которые позаобычнѣе тому дѣлу; о чемъ не сомнѣваюсь, что то все высокимъ «и премудрымъ вашимъ повелѣніемъ исполнено будетъ.— «За симъ въ дальнія услуги предая себя вашей милости, всегдашній и покорнѣйшій слуга вашей Свѣтлости: — Piter.» — *Голиков.* Дѣян. XI, стр. 38 — 40.

ГЛАВА VIII.

Пребывание Царя въ Англіи.

Петръ I, посѣтивъ, въ исходѣ Октября, вмѣстѣ съ Лефортомъ, въ третій разъ Короля Вильгельма Оранскаго, изъявилъ ему желаніе побывать въ Англіи.

По возвращеніи въ Лондонъ, Вильгельмъ III послалъ, подъ командою Вице-Адмирала Митчеля, яхту за своимъ Царственнымъ гостемъ, который, съ Меньшиковымъ и пятнадцатью другими спутниками, выѣхалъ, 8 Января 1698, изъ Гельветслюйса, сопровождаемый еще посланнымъ съ нимъ почетнымъ соглядатаемъ, морскимъ Голландскимъ офицеромъ, Арнольдомъ Дикомъ.

По трехдневномъ плаваніи, Русскіе путешественники вошли въ Темзу. Королевскій замокъ Соммерсетъ былъ назначенъ для жительства Царя; но Царь, желавшій остаться и здѣсь простымъ корабельнымъ плотникомъ, отказался отъ этой великолѣпной квартиры, и нанялъ себѣ, близь Адмиралтейства въ Деттфордѣ, у нѣкоего Эвелина, небольшой домикъ, изъ котораго незамѣтно можно было проходить на рабочій дворъ (1).

14 Января посѣтилъ Монарха Вильгельмъ III; а на другой день былъ у Него Кронпринцъ

(1) Perry. — s. 258.

Георгъ [1]. 23 числа Петръ отдалъ имъ визиты; потомъ осмотрѣлъ Товеръ, гдѣ обратили на себя особенное Его вниманіе Артиллерійскій и Монетный дворы [2]; былъ въ Нижнемъ и Верхнемъ Парламентахъ, и восхищался въ Гринвичѣ тамошнимъ морскимъ госпиталемъ. Прежній, великолѣпный дворецъ Королей Англійскихъ служилъ теперь убѣжищемъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ моряковъ [3].

Петръ являлся, корабельнымъ мастеромъ, въ кофейныхъ домахъ и въ театрѣ, куда привлекали Его не столько драматическія зрѣлища, сколько знаменитая въ то время драматическая актриса, дѣвица *Кроссъ*, для которой, впрочемъ, знакомство сіе не было слишкомъ выгоднымъ, потому что мощный почитатель ея пребылъ вѣрнымъ своей страсти къ Адмиралтейству: съ восхожденія солнца Онъ проводилъ тамъ иногда по цѣлымъ днямъ, и нерѣдко говаривалъ: «безъ Англіи я былъ бы плохой мастеръ!» [4].

Изъ новыхъ друзей своихъ Петръ особенно отличалъ Адмирала Маркиза Лорда Кармартена, Вице-Адмирала Митчеля и корабельнаго мастера

---

(1) Одинъ Французскій Писатель заставляетъ Царя говорить, при этомъ случаѣ Вильгельму III рѣчь, исполненную высокопарныхъ выраженій, которыя Петру I никогда не могли придти въ голову.

(2) Perry. s. 260.

(3) На вопросъ Короля: «какъ нравится Ему этотъ госпиталь?» Петръ, будто бы, отвѣчалъ: «чрезвычайно! и я совѣтовалъ бы Вашему Величеству обратить дворецъ вашъ въ госпиталь, а этотъ госпиталь снова переименовать во дворецъ.»

(4) Perry. — s. 260.

Антона Дина. Изъ обращенія съ ними Монархъ извлекалъ немалую пользу для своихъ изысканій. — Въ Спитгедѣ, куда Петръ ѣздилъ съ Маркизомъ осматривать флотъ, Онъ былъ до того восхищенъ морскими маневрами, что, изумленный, вскричалъ: *«еслибъ я не былъ въ Россіи Царемъ, то желалъ бы въ Англіи быть Адмираломъ!»* (¹).

Черезъ день Царь возвратился въ Лондонъ; 26 числа (Марта) осматривалъ достопамятности Виндзора и Гамптонкурта; — 8-го Апрѣля посѣтилъ Оксфордскій Университетъ (основанный еще во времени Рюриковы, Королемъ Альфредомъ). Изумленный такимъ посѣщеніемъ, Университетъ принялъ Монарха отлично, и хотѣлъ возвести его на степень своего Магистра (²).

Еще въ Голландіи врученъ былъ Петру (24 Октября 1697) Графомъ Пемброкомъ меморіалъ отъ имени Англійскаго купечества, которое, за просимое дозволеніе ввоза въ Россію табаку, предлагало значительныя суммы, не взирая на то, что сей предметъ торговли былъ еще тамъ противенъ господствующимъ постановленіямъ. Лордъ Кармартенъ возобновилъ теперь это предложеніе въ Лондонѣ,

---

(¹) Perry, s. 251—«Лучше быть Адмираломъ въ Англіи, чѣмъ Царемъ въ Россіи!» вотъ восклицаніе, приписываемое Петру Англичаниномъ.

(²) Царь отклонилъ отъ себя это, несоотвѣтствующее Его званію, Академическое отличіе, и подарилъ Университету большую золотую медаль, выбитую во времена Бориса Годунова. Медаль сія была на свѣтлозеленомъ шелковомъ, затканномъ золотомъ снуркѣ. S. Christ. Martini's Nachrichten aus Russland. 8. Frankf. und Leipz. 1731. s. 106, 107. The present state of the church of Russia by Thomas Consett.

шаніе, Бурнетъ находитъ въ Немъ: *недостатокъ разсудка, непостоянный характеръ, духъ ремесленничества, склонность къ механическимъ работамъ и черченію корабельныхъ фигуръ, обнаруживающую болѣе хорошаго корабельнаго плотника, нежели Великаго Монарха.* — Далѣе Архіепископъ называетъ Его *неспособнымъ привести въ исполненіе великое предпріятіе — смирить Оттоманскую Порту Азовскимъ флотомъ,* и говоритъ, что *хотя Онъ старался узнать догматы Англійской Церкви, но едва ли перемѣнитъ что-либо, касательно религіи, въ своемъ отечествѣ;* — потомъ изображаетъ Царя человѣкомъ пылкаго нрава, преданнымъ скотскимъ вожделѣніямъ, пристрастнымъ къ водкѣ, которую Онъ гонитъ самъ, и подверженнымъ корчамъ, равно падучей болѣзни. Бурнетъ полагаетъ, что Государь сей дѣйствительно думалъ водворить въ Россіи Науки, просвѣтить своихъ подданныхъ; называетъ Его храбрымъ, и, въ тоже время, думаетъ, что Онъ мало имѣетъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ, по тому что даже вовсе не старался узнать его (?). «Имѣвъ случай видать Его часто (заключаетъ Бурнетъ), и обращавшись съ Нимъ довольно долгое время, я не могъ не удивляться непостижимости Божественнаго Провидѣнія, возведшаго столь свирѣпаго человѣка (such a furious man) на степень неограниченнаго властелина бо̀льшей части свѣта!»

Архіепископъ, которому было поручено познакомить Царя съ догматами Англійской вѣры, можетъ статься, слишкомъ многаго надѣялся отъ этого для своей Церкви; можетъ статься, слишкомъ много полагался на свой даръ убѣжденія; можетъ статься, слишкомъ много распространял-

ся о любимомъ своемъ предметѣ, и когда Царь, занятый важнѣйшимъ, не былъ столь внимателенъ, какъ того желали: то Прелатъ и счелъ себя въ правѣ упрекать Его въ непостоянствѣ характера. Менѣе всѣхъ заслуживалъ этотъ упрекъ Великій Петръ! Поприще Бурнета не было поприщемъ Царя. Ничтожное, мелочное, ремесленническое—вело Его къ высокой цѣли, и Онъ счастливо достигъ ея. Время совершенно оправдало Монарха въ столь необдуманныхъ сужденіяхъ о Немъ Архіепископа. Тотъ, *кто не имѣлъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ, и не любилъ его,* — основалъ величіе своего Государства, на преобразованной Имъ однимъ воинской силѣ; — тотъ, *кто заставилъ Бурнета удивляться непостижимости Божественнаго Провидѣнія,* владычествомъ душевной силы оживилъ половину двухъ частей Свѣта!

ГЛАВА IX.

Возвращение Царя въ Голландію.

Въ бытность Царя въ Англіи, остававшіеся въ Амстердамѣ Русскіе безпрерывно посѣщали Саандамъ, и увѣковѣчили тамъ память своихъ вакханалій. Первый Посолъ прослылъ вездѣ и первымъ гулякою.

Гости становились въ тягость разсчетистымъ хозяевамъ, которые начали уже обнаруживать неудовольствіе, напоминали объ отъѣздѣ, и ожидали только возвращенія Царя.

Четверо сутокъ носимый моремъ, Петръ, во время жестокой бури, спросилъ своихъ спутниковъ: «слыхали ли они когда нибудь, чтобы Царь Московскій утонулъ въ морѣ, близъ Голландіи?» Напослѣдокъ, 27 Апрѣля, достигъ Онъ берега у Гельветслюйса; 28 осмотрѣлъ Дельфтъ, знаменитый гробницами героевъ Батавіи, а 29 прибылъ въ Амстердамъ, и въ тотъ же самый день, вмѣстѣ съ Лефортомъ, посѣтилъ увеселительный замокъ Лоо.

Нѣсколько вооруженныхъ, по приказанію Царя, судовъ были нагружены военными и морскими снарядами, и, вмѣстѣ съ принятыми въ Русскую службу 640 человѣками, отправлены въ Архангельскъ.

Не безъ негодованія взирали Голландцы на отъѣздъ отличнѣйшихъ своихъ корабельныхъ мастеровъ и ремесленниковъ, увозившихъ съ собою разныя модели и запасы, къ явному вреду туземной промышленности.

Въ числѣ вступившихъ въ Царскую службу находились: мореходецъ Корнеліусъ Крюйсъ, Контръ-Адмиралъ Іоганнъ Рейссъ; бывшій въ послѣдствіи Директоръ Русскаго Литейнаго Пушечнаго двора; и строитель Екатериненбурга,—Геннинъ; Подполковникъ Каспаръ Меллинъ, Маіоръ фанъ-деръ-Гольтъ, Хирургъ Гови, и, сдѣлавшійся извѣстнымъ во время Сѣверной войны, изображеніями военныхъ предметовъ, граверъ Пикардъ.

Сверхъ того достались Монарху два каютныхъ мальчика: Португалецъ Девьеръ и Арабченокъ Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ.

Къ числу отправленныхъ въ Архангельскъ, безъ досмотра, и, согласно желанію Царя, безъ платежа пошлинъ, вещей принадлежали 260 ящиковъ всякаго оружія, множество кипъ парусины, бумаги, слоновой кости, и 200 досокъ чернаго дерева.

Передъ отъѣздомъ изъ Амстердама, Царь былъ извѣщенъ, чрезъ Варшавскаго своего Резидента Никитина, о томъ, что Генеральные Штаты и Король Англійскій, посредничествуя о мирѣ между Турціею и Австріею, совершенно пренебрегли, при семъ случаѣ выгодами Россіи.

Въ это же самое время, Голландія хотѣла заключить новый торговый трактатъ съ Россіею, для прикрытія расходовъ, сдѣланныхъ по случаю прибытія Посольства. — Расходы сіи слишкомъ

преувеличены показаніемъ, будто они простирались до пяти милліоновъ. — По исчисленію Схельтемы, содержаніе Посольства стоило Генеральнымъ Штатамъ 210,000, и городу Амстердаму 300,000 гульденовъ. — Царь обнаружилъ свое неудовольствіе на мирные переговоры съ Турками тѣмъ, что Онъ, сколько извѣстно, ничего не отвѣчалъ на предложенія Голландцевъ, и—или вовсе отвергъ новый трактатъ, или отложилъ утвержденіе его до другаго времени.

Трактатомъ симъ Голландцы требовали для себя свободнаго пребыванія во всей Россіи, съ тѣмъ, чтобы корабли ихъ, домы, конторы и складочные анбары не подвергались осмотру; чтобы всѣ споры ихъ съ Русскими подданными рѣшались не иначе, какъ только въ Посольскомъ Приказѣ, чтобы предоставлено имъ было право продавать свои товары какъ внутри Государства, такъ и отсылать ихъ къ Азіятскимъ народамъ, и проч. ([1]).

Еще тогда же дошли изъ Россіи до Амстердама вѣсти о безпокойствахъ Стрѣльцовъ ([2]),—без-

---

([1]) *Голиков.* Допол. V, стр. 106, 107.

([2]) «Min Her Kenig! Письмо ваше Государское, Апрѣля 8 «дня писанное, я принялъ Мая въ 8 день, и выразумѣвъ, «за милость вашу благодарствую, и впредь прошу, да«бы не былъ оставленъ. Покупки всѣ и наемныхъ лю«дей отпустили къ городу (Архангельску), и сами по«ѣдемъ на сей недѣлѣ въ четвергъ въ Вѣну. Пожалуй «сдѣлай то, о чемъ тебѣ станетъ говорить Тихонъ «Никитичъ (Стрѣшневъ.) для Бога. — P. S. Въ томъ «же письмѣ объявлено бунтъ отъ Стрѣльцовъ, и что «вашимъ правительствомъ и службою солдатъ усми«ренъ, зѣло радуемся, только зѣло мнѣ печально и до«садно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не

покойствахъ, укрощенныхъ, но неуничтоженныхъ излишнею умѣренностію Правительства. Петръ I, въ письмѣ къ Князю-Кесарю, отъ 9 Мая, не могъ не изъявить негодованія за такое малодушіе своего Намѣстника.

«вступилъ: Богъ тебя судитъ; не такъ было говорено на загородномъ дворѣ въ сѣняхъ, для чего и Автамона (Головина) взялъ какъ не для этого; а буде думаете, что мы пропали (для того, что почты задержались), и для того боясь, и въ дѣло не вступаетесь; воистинну скоряе бы почты вѣсть была, только слава Богу ни одинъ не умеръ, всѣ живы. Я не знаю, откуды на васъ такой страхъ бабій; мало ль живетъ, что почты пропадаютъ, а се въ ту пору была и половодь; неколи ничего дожидать съ такою трусостью. Пожалуй не осердись, воистинну отъ болѣзни сердца писалъ.» *Голиков.* Дѣян. XI, стр. 41, 42.

придворной кареты. Желая, чтобы никто не видалъ Его въ лице, онъ закрывался своимъ чернымъ беретомъ, и почти пробѣжалъ въ назначенные для него покои.

Въ отсутствіе Короля - Курфирста, Штатгалтеръ его, Князь Фирстенбергъ, распоряжалъ пріемомъ Посольства. Услужливостію и разными увеселеніями, онъ умѣлъ удержать Царя въ Дрезденѣ до 4 Іюня. Петръ посѣтилъ обѣихъ Курфирстинъ, поцѣловалъ въ колыбели малютку - Курпринца; потомъ ѣздилъ съ Фирстенбергомъ осматривать Кенигштейнъ, и, черезъ Прагу, продолжалъ путь свой въ Вѣну ([1]).

Здѣсь господствовали еще недоумѣнія, на счетъ пріема Пословъ. Напослѣдокъ, отправленъ къ нимъ на встрѣчу Камеръ - Совѣтникъ, съ отрядомъ гражданской стражи, но безъ трубъ и литавръ, потому что, какъ говорили Австрійцы, всѣ трубачи и литаврщики находились тогда въ арміи.

По пятидневныхъ соглашеніяхъ о церемоніалѣ, Посольство въѣхало въ Вѣну (15 Іюня), въ тридцати присланныхъ для сего парадныхъ каретахъ, сопровождаемое двумя эскадронами драгунъ и гражданскою стражею. Посольская квартира была отведена близь Императорскаго увеселительнаго дворца.

Послѣ церемоніальныхъ визитовъ: Канцлеру Кинскому, Вице - Канцлеру Кауницу и Военному Министру Штарембергу, Послы пожелали узнать, не забыты ли, при мирныхъ переговорахъ съ

([1]) Das glorreiche Leben und (die) Thaten Friedrich Augusti des Grossen (?), von D. F. 8. Hamburg und Frankfurt, 1733, — s. 292 — 295.

Турками, союзники Императора, и какое именно назначалось имъ удовлетвореніе?

Графъ Кинскій, 25 Іюня, лично объяснялся объ этомъ съ Царемъ, въ Посольской квартирѣ. Петръ, въ званіи перваго Дворянина Посольства, съ жаромъ защищалъ свое и Государства своего дѣло, представляя необходимость обезпеченія границъ со стороны Турціи, и взвѣшивая сдѣланныя Россіею для войны сей издержки.

«Еще ничего не постановлено рѣшительно о «мирѣ,» отвѣчалъ Кинскій: «Австрія ни въ ка«комъ случаѣ не пренебрежетъ выгодами своихъ «союзниковъ, и употребитъ всѣ средства къ то«му, чтобы Турція впредь не могла быть опас«ною Христіанскимъ Державамъ.»

Тщетно напоминалъ Царь объ одержанной, 25 Мая, Долгорукимъ и Мазепою, подъ Очаковомъ, побѣдѣ надъ Турками; о прогнаніи Сераскира, и объ искательствѣ Молдавскаго Господаря, желавшаго, какъ писалъ Мазепа, вступить подъ покровительство Россіи (1). Вѣнскій Кабинетъ былъ глухъ къ этимъ представленіямъ: онъ желалъ мира.

Царь хотѣлъ говорить съ самимъ Императоромъ. Свиданіе было назначено, 28 Іюня, въ увеселительномъ зáмкѣ Фаворитѣ (2). Графы Валленштейнъ и Дитрихштейнъ находились тогда при Императорѣ; Лефортъ сопровождалъ Государя.

Императоръ желалъ мира, Царь желалъ войны; напослѣдокъ оба согласились на томъ, что-

(1) Отвѣтъ Царя Мазепѣ, въ Малороссійскихъ дѣлахъ Московскаго Архива, No 14.

(2) Leben und Thaten Leopold's I, von Mencken. 8. Leipzig, 1711. S. 660.

бы не заключать мира, съ ущербомъ выгодъ союзниковъ ([1]).

Въ слѣдующій день праздновано тезоименитство Русскаго Монарха. Онъ присутствовалъ во время Божественной службы въ Католической церкви, гдѣ Езуитъ Вольфъ произнесъ, на Славянскомъ языкѣ, слово, заключивъ его желаніемъ, чтобы Вседержитель Богъ, вручившій Святому Апостолу Петру ключи рая, вручилъ нынѣ соименному съ нимъ Царю ключи, кои бы отверзли Ему врата Оттоманской Порты. — За столомъ, къ которому были приглашены знатнѣйшія особы Императорскаго Двора, играла музыка, и при питіи за здоровье союзниковъ, и за успѣхи оружія надъ невѣрными, производилась пушечная пальба. — Ввечеру, въ увеселительномъ замкѣ Фаворитѣ, была дана опера, въ которой отличались первые Императорскіе артисты ([2]).

Въ отношеніи мирныхъ переговоровъ съ Турками, Австрійскіе Министры сообщили (30 Іюня) Посламъ свое мнѣніе, состоявшее между прочимъ въ томъ, что Польша, въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ, не дѣлаетъ ничего для общихъ выгодъ союзниковъ; что Венеція начинаетъ также слѣдовать этому примѣру, и что Австрія, утомленная пятнадцатилѣтнею войною, должна желать мира, съ тѣмъ однако же, чтобы всѣ завоеванныя Русскими мѣста остались за ними ([3]).

Образчикъ нравовъ того времени представляетъ намъ маскерадъ, данный Императоромъ

(1) *Голиков.* Допол. V, стр. 142.
(2) Тамъ же, стр. 142 — 144.
(3) Тамъ же, стр. 123 — 140, 144 — 146.

1-го Іюля, подъ простымъ названіемъ *домашняго быта* (Wiıtschast). — Болѣе 300 придворныхъ особъ представляли ремесленниковъ и поселянъ разныхъ націй. Одежды этихъ мнимыхъ простолюдиновъ блистали жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями.— Императоръ и Императрица, въ лицѣ хозяина и хозяйки, угощали гостей, сидѣвшихъ пестрыми рядами.— Петръ, одѣтый въ платье Фрисландскаго поселянина, былъ отличаемъ всѣми, и бесѣдовалъ съ своими маскерадными спутницами, Фрейлинами Турнъ и Таксисъ. — Императоръ провозгласилъ здоровье Царя Московскаго, и подавая Ему драгоцѣнный кубокъ съ виномъ, сказалъ: «мнѣ извѣстно, что вы коротко знаете этого Государя!» — «Съ лица и наизнанку!» — отвѣчалъ мнимый Фрисландецъ: — «я такой другъ ему, такой врагъ его «врагамъ, что за его здоровье готовъ бы осу«шить этотъ бокалъ и тогда, когда бы въ немъ «было даже не вино, а ядъ!» — Опорожненный кубокъ подаренъ, въ память этого вечера, Фрисландцу, который, вызывая на питье юнаго Римскаго Короля Іосифа, говорилъ ему: *«что понеже онъ еще молодъ, и можетъ вино сносить лучше, нежели отецъ его, то онъ надпьется, что онъ въ здравіяхъ его не выдастъ!»* — По восьми бокаловъ осушили они вмѣстѣ; наконецъ Петръ поднялъ Іосифа на руки, и обнялъ его ([1]).

Царскіе подарки, составлявшіе въ то время необходимую принадлежность публичныхъ аудіэнцій, не были еще присланы въ Вѣну, и Русское По-

---

([1]) Leben und Thaten Lopold's I, S. 661—666.—Rabener's Geschichte Peter's des Grossen, s. 49.—*Голиков.* Дополн. V, стр. 146 — 148.

Петръ безостановочно продолжалъ путь свой чрезъ Польшу. 20-го Августа осмотрѣлъ укрѣпленія Смоленска; 23 проѣхалъ Вязьму, и на другой день прибылъ въ любимое свое село Преображенское.

КНИГА ПЯТАЯ.

1698—1700.

ГЛАВА I.

Послѣдній Стрѣлецкій бунтъ.

Августъ II былъ утвержденъ на Польскомъ Престолѣ, и Стрѣлецкіе полки, вмѣстѣ съ прочими войсками, бывшими на Литовской границѣ, долженствовали размѣститься по разнымъ городамъ Россіи.—Привязанные къ Москвѣ—привычкою, родственными связями и выгодами торговли, Стрѣльцы роптали на сію мѣру. — Мятежные начальники воспользовались этимъ расположеніемъ умовъ, и распространяли слухи, покорившіе имъ сердца всѣхъ противниковъ нововведеній. «Царь, говорили они, «ведетъ съ собою иноземную армію, «чтобы съ помощію ея, принудить Россіянъ «брить бороды, носить чужеземную одежду, упо«треблять табакъ, и вводить обычаи, противные «разуму и совѣсти.» — Подобныя Московскія [illegible] сти сообщены изъ столицы [illegible] и [illegible] [illegible]

[illegible]

другихъ, самыхъ буйныхъ и отчаянныхъ, и, съ возрастающими каждодневно силами, грозно приближаются къ столицѣ. — Изгнанные начальники ихъ извѣстили, между тѣмъ, Правительство о дѣйствительности мятежа, и это извѣстіе, поселивъ въ однихъ страхъ и ужасъ, оживило въ другихъ скрытную радость и преступныя надежды.

Ближе и ближе собиралась туча надъ Москвою. Правительственный Совѣтъ повелѣлъ, чтобы всѣ Стольники, Стряпчіе, Дворяне Московскіе и Жильцы записывали имена свои въ Розрядѣ, и были готовы къ выступленію, вмѣстѣ съ новыми Царскими полками. Бояринъ А. С. Шеинъ назначенъ предводителемъ этого войска; но онъ не хотѣлъ выступить изъ Москвы, пока не получитъ на то повелѣнія за подписомъ всѣхъ Членовъ Совѣта, въ коемъ царствовало еще разногласіе, въ разсужденіи средствъ предупредить угрожавшую столицѣ опасность. Одни считали за лучшее—укрѣпиться въ Москвѣ, и стараться успокоить бунтовщиковъ увѣщаніями и обнадеживаніемъ въ Царской милости; другіе—хотѣли немедленно послать противъ нихъ войска, и, въ случаѣ сопротивленія, поступить съ мятежниками, какъ съ непріятелями.

Во время этихъ безполезныхъ споровъ, приближавшаяся къ Москвѣ ватага бунтовщиковъ, съ каждымъ днемъ становилась ужаснѣе. Шеинъ, напослѣдокъ, увидѣлъ, что онъ рискуетъ гораздо болѣе, ожидая тщетно Царскаго Указа, нежели приступивъ къ дѣлу и безъ онаго. — Онъ рѣшился выступить съ войскомъ изъ столицы.

Выступленіе сіе, по свидѣтельству Александра Гордона (зятя Патрика Гордона), послѣдова-

ло 13 Іюня, а по свидѣтельству другихъ, болѣе достовѣрному, двумя - тремя днями позже (1). Число всего войска полагается не менѣе 8000 и не болѣе 18,000 человѣкъ (2).

Шеинъ ободрилъ своихъ воиновъ рѣчью, изобразивъ въ ней ужасныя слѣдствія, если совершатся замыслы мятежниковъ, и увѣщавалъ — пользу отечества ставить выше всѣхъ связей родства и дружбы.

Генералъ П. Гордонъ, съ передовымъ отрядомъ изъ 200 человѣкъ, успѣлъ, между тѣмъ, еще до прибытія бунтовщиковъ, занять укрѣпленный Воскресенскій монастырь, въ 46 верстахъ отъ Москвы (3), и, въ сопровожденіи малочисленной свиты, подъѣхавъ къ Стрѣльцамъ, спросилъ ихъ: чего они хотятъ? и куда они идутъ?

« Мы хотимъ » — отвѣчали Стрѣльцы: — « повидаться съ женами и дѣтьми, послѣ долгой съ ними разлуки. »

---

(1) Гордонъ въ своемъ показаніи, вѣроятно, смѣшиваетъ приготовленія къ выступленію съ самымъ выступленіемъ: иначе покажется непостижимымъ то, что на переходъ только 46 верстъ употреблено четверо сутокъ.

(2) Въ одномъ актѣ показано число Царской пѣхоты въ 5300 человѣкъ; кавалерія же немогла составлять 6000, какъ утверждаютъ иные.

(3) Монастырь сей (во имя Воскресенія Христа), называемый также Новымъ Іерусалимомъ, находится на дорогѣ къ Волоколамску, близь принадлежащаго къ нему села Воскресенскаго. — Онъ основанъ Патріархомъ Никономъ въ 1656; главное же каменное зданіе окончано только въ 1685 году. Милости и набожность Русскихъ Государей обогатили монастырь сей многими драгоцѣнностями. — *Амвросій*, Ист. Росс. Іер. II, стр. 306—365.

Гордонъ совѣтовалъ имъ обратиться къ своему долгу, и представлялъ послѣдствія, какія ожидали ихъ при дальнѣйшемъ упорствѣ.

«Мы не воротимся! (былъ отвѣтъ) Москва уже близка.»

Переговоры сіи происходили близь рѣки Истры, раздѣлявшей, въ теченіе ночи, оба войска (1).

Поутру, Гордонъ правымъ крыломъ примыкалъ къ небольшому возвышенію; Бояринъ Шеинъ расположился съ лѣвымъ у опушки лѣса; а Полковникъ Артиллеріи Грошъ (2), съ 27 орудіями, прикрывалъ центръ.

На разсвѣтѣ Стрѣльцы, съ десятью пушками, при звукѣ барабановъ, переправились черезъ Истру. Гордонъ, съ нѣсколькими захваченными гонцами бунтовщиковъ, снова подъѣхалъ къ нимъ, и тщетно старался склонить ихъ къ повиновенію. Приписывая боязни мирныя представленія Генерала, Стрѣльцы заставили его возвратиться ни съ чѣмъ (3).

Бояринъ Шеинъ, не взирая на сіе, пытался еще, убѣжденіями и обѣщаніями, смягчить ожесточенныхъ. Онъ посылалъ къ нимъ Генерала Князя Кольцова-Масальскаго и Воеводу Ржевскаго, но тщетно. — Бунтовщики, какъ бы желая привлечь на свою сторону и Царское войско, отправили Стрѣльца Зорина съ письмомъ къ Генералу Гордону, и требовали, чтобы оное было прочтено въ большомъ полку. Письмо сіе испол-

---

(1) *Голиков.* Дополн. V, стр. 203 — 210.

(2) Корбъ называетъ его *Гражемъ*,—точно также, какъ Князя Масальскаго Княземъ *Масатоки.*

(3) *Голиков.* Дополн. V. стр. 210—213.— Gordon. s. 133—135.

нено клеветы и ругательствъ на распоряженія, бывшія подъ Азовомъ, на бритье бородъ, куреніе табаку, и другіе ужасы, грозившіе совершеннымъ ниспроверженіемъ благочестія въ Россіи! ([1])

. Все это, если не клонилось къ миру, то показывало, нѣкоторымъ образомъ, желаніе перемирія. Не взирая однако же на сіе, въ станѣ мятежниковъ поютъ молебенъ, оружіе ихъ кропится Святою водою, они пріобщаются Христовыхъ Таинъ, даютъ взаимныя клятвы — единодушно стоять и умирать другъ за друга, и осѣненные знаменіемъ креста, идутъ на бой, призывая въ помощь Бога и Святыхъ его Угодниковъ. — Попы предшествуютъ буйной толпѣ, съ крестами и иконами; знамена вѣютъ, и гремятъ барабаны.

Тщетно Шеинъ, желавшій избѣжать кровопролитія, хотѣлъ устрашить дерзновенныхъ, приказавъ пустить черезъ нихъ нѣсколько ядеръ. — «Господь Богъ (взываютъ попы) защищаетъ правое дѣло, и не попускаетъ оружію еретиковъ вредить православнымъ!»

Ободренные и ожесточенные этимъ еще болѣе, Стрѣльцы даютъ залпъ изъ ружей, убиваютъ двоихъ, ранятъ нѣсколькихъ солдатъ, и потомъ съ остервѣненіемъ бросаются на Царскіе полки; но выстрѣлъ сихъ послѣднихъ распространяетъ ужасъ и замѣшательство въ рядахъ бунтовщиковъ; конница довершаетъ ихъ пораженіе, и такъ какъ силы мятежниковъ состояли изъ одной только пѣхоты, то немногіе изъ нихъ избѣгли смерти

([1]) *Голиков.* Дополн. V, стр. 214—217.

(3 Октября) отъ смертной казни, и, заклейменные знаками преступленія, сосланы въ дальніе города. — Мятежные попы казнены висѣлицею, передъ церковью Св. Троицы, — и болѣе 200 Стрѣльцовъ повѣшены, на 30 висѣлицахъ, передъ самымъ монастыремъ Царевны Софіи—такъ высоко и такъ близко къ ея окнамъ, что она, изъ рукъ троихъ переднихъ— могла принять просьбы о вступленіи ея на престолъ, писанныя при началѣ мятежа.

Почти всѣ находившіеся подъ Воскресенскимъ монастыремъ, и признанные виновными, Стрѣльцы, имѣвшіе болѣе 18 лѣтъ отъ рода, заплатили жизнію за свое преступленіе. — Прочіе должны были продать въ Москвѣ свои домы, и удалиться въ другіе города, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, кромѣ взрослыхъ уже сыновей, которые поверстаны въ новые полки. — Но съ симъ не истребилось названіе Стрѣльцовъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые иностранные Писатели, потому что мы увидимъ еще Стрѣлецкіе полки въ Сѣверной войнѣ.

Должно предполагать, что и супруга Монарха, Царица Евдокія Ѳеодоровна—или изъ ревности, или по излишней привязанности къ старинѣ — участвовала въ помянутомъ заговорѣ. Имя ея включено въ приговоръ. Она сослана въ Суздаль-

ad desperationem auxisset, nisi *Alexasca* (Александръ Меньшиковъ) securi melius infelicis rei collum tetigisset. Princeps Romodanowski, cujus imperio quatuor ista regimina ante tumultum subjecta erant, ut turbas Polonicas in confinibus observaret, ex quolibet regimine unum jussus decollavit. Cæterum ad Bojarinos singulos singuli ducebantur Strelizii, quos capite plecterent; ipse Tzarus in sella sedens totam tragœdiam inspectabat.

скій Покровскій монастырь, гдѣ пострижена въ монахини, и наречена Еленою.

Царевна Марѳа Алексѣевна, равномѣрно, должна была заключиться въ стѣнахъ отдаленнаго монастыря — но не за участіе въ заговорѣ, а по другимъ семейнымъ причинамъ.

Тѣла казненныхъ были выставлены на позорище; потомъ зарыты, близь разныхъ дорогъ, въ ямы, надъ которыми воздвигнуты каменные столбы, съ желѣзными досками, на коихъ изображались вины и казнь преступниковъ.

ГЛАВА IV.

Царь въ Воронежѣ и на Дону. — Возвращеніе Царя въ Москву. — Продолженіе суда надъ Стрѣльцами.

Вслѣдъ за сими кровавыми сценами, Нарышкинъ и Лефортъ угощали у себя Царскій Дворъ и весь Дипломатическій Корпусъ.

Записки одного очевидца этихъ веселыхъ празднествъ, живо изображаютъ намъ духъ того времени.

Въ домѣ Нарышкина, Петръ разсказывалъ о Польскомъ Артиллеристѣ, которому въ ротъ ударилъ черепокъ гранаты—и прошелъ въ затылокъ, на вылетъ: всего удивительнѣе было то, что раненый жилъ еще девять дней. — Датскій Посланникъ, желавшій блеснуть своими познаніями, доказывалъ, по правиламъ Анатоміи, что это невѣроятно. — Царь призвалъ Генерала Карловича, который подтвердилъ слова Его. — «Вѣришь ли теперь?»—спросилъ Монархъ, съ нѣкоторою досадою, Посланника: — «если же сомнѣваешься еще, то я напишу объ этомъ къ Польскому Королю, и онъ поручится тебѣ въ справедливости сказаннаго мною!» — За столомъ зашла рѣчь о преимуществахъ и недостаткахъ разныхъ націй. Датскій Посланникъ снова вмѣшался въ разговоръ, и порицалъ многое, видѣнное имъ въ Москвѣ.

«Счастье твое,»—возразилъ Царь:—«что ты не изъ моихъ подданныхъ!»—Послѣ стола, когда открылся балъ — напоенный допьяна Посланникъ долженъ былъ танцевать съ Государевымъ шутомъ, и Петръ, шутя серьезно, далъ ему порядочную пощечину ([1]).

23 Октября, Монархъ явился въ домѣ Лефорта позже обыкновеннаго, отослалъ на покой говорливыхъ Бояръ, отказался отъ пиршества, простился съ гостями, и, въ тотъ же вечеръ, вмѣстѣ съ Крюйсомъ, Карловичемъ и, только произведеннымъ въ Бригадиры, Адамомъ Вейде ([2]), отправился въ Воронежъ.

Въ званіи корабельнаго плотника Петра Михайлова, Царь собственноручно заложилъ въ Воронежѣ военный корабль; въ званіи сухопутнаго военачальника, обучалъ экзерциціи вновь набранныхъ солдатъ; потомъ посѣтилъ Азовъ, и недовольный строившимися тамъ укрѣпленіями, отослалъ Инженернаго офицера Лаваля, подъ крѣпкою стражею, въ Москву ([3]).

По возвращеніи въ столицу, 18 Декабря, кромѣ дипломатическихъ и другихъ трудовъ, занимало Государя продолженіе суда надъ Стрѣльцами. Значительное число виновныхъ, въ особенности съ Дона, привезены, окованные, въ Москву.

Большая часть ихъ были Стрѣльцы, находившіеся въ Азовѣ; въ томъ числѣ одинъ попъ: ему, 23 Декабря, отрубили голову.—Въ тотъ же самый день казнили смертію шестерыхъ дѣлате-

---

([1]) Korb,—90—91.
([2]) Korb, 91—92,—*Голиков.* Дополн. V, стр. 248.
([3]) *Голиков.* Дополн. V, стр. 251.

лей фальшивой монеты, вливъ имъ, по Уложенію, въ горло растопленное олово.

Старые и новые преступники — Стрѣльцы, подстрекаемые боязнію, или местію, или ослѣпленіемъ, къ мятежнымъ замысламъ, наполнили между тѣмъ собою темницы села Преображенскаго (¹).

3-го Февраля (1699), многіе изъ нихъ пали подъ сѣкирою палача. Судебный приговоръ былъ прочтенъ предварительно въ разныхъ мѣстахъ: Правительство не желало скрывать отъ народа того, что побуждало его къ такимъ мѣрамъ строгости (²).

(¹) Korb, 108, 109.

(²) Korb, 109, 110. — Quidam rebellionis complex quæstioni pœnali subjiciebatur; ejus lamenta dum colligaretur patibulo spem faciebant, posse per tormenta exprimi verum; sed eventu multum contrario: quam primum enim corpus fune distendi coepit, praeter membrorum, quae naturalibus suis juncturis evellebantur, horribilem fragorem ipse, ad sebsecutos etiam triginta Knuttarum ictus, mutus persistebat, quasi doloris major moles esset, quam ut sensus affligeret. Credebant omnes in homine nimia calamitate contrito gemendi loquendique facultatem periisse; patibulo ergo et infami fune solutum, mox interrogant: num nosceret, qui adessent? Singulorum nomina ad stuporem accurate recitavit. Sed ad ingestam denuo de perfidia quaestionem, alterum iterum obmutuit, nec silentium solvit, dum integro quadrante (цѣлыхъ четверть часа) Tzari jussu torreretur ad ignem. Quam sceleratissimam perfidi obstinationem Tzari indignatio diutius non ferens, baculum, quem tunc forte gerebat, furiose sustulit, ut eo violenter intruso obfirmatas silentio fauces effringeret ad vocem et loquelam. Uti et verba haec, quae furenti exciderent: *Fatere bestia! fatere!* iracundiae magnitudinem palam eloquebantur.

Издѣваясь надъ Правосудіемъ, осужденные хладнокровно шли на смерть, не воспользовавшись даже позволеніемъ проститься съ родными. Только одинъ изъ нихъ подалъ рыдающей женѣ перчатки и платокъ, на память этаго ужаснаго дня.

Трое преступниковъ пощажены—за что, что они сознались въ винѣ своей. Напротивъ того многіе, на самой уже плахѣ, считали казнь сію незаслуженною ими.

«Умри злодѣй!» — сказалъ Монархъ одному изъ нихъ, который обнаружилъ сіи мысли:—«если ты невиненъ, то—да будетъ кровь твоя на мнѣ!»

Это достопримѣчательное изрѣченіе и величіе души Великаго Царя, заставляютъ насъ не охуждать даже того образа мыслей, съ которымъ Онъ (17 Октября 1698) сказалъ своему Двору: что «нѣтъ Богу пріятнѣе жертвы, какъ кровь беззаконниковъ!» ([1]).

На мѣстѣ казни лежали кругомъ плахи. Ряды осужденныхъ слагали на нихъ свои головы.

Петръ стоялъ здѣсь такъ близко, что одинъ изъ приговоренныхъ къ смерти Стрѣльцовъ закричалъ Ему: «прочь отсюда, Государь! здѣсь мое мѣсто!» ([2])

([1]) Korb, 88.

([2]) Korb, 112—113.— Peracta executione Tzareae Majestati apud Generalem Gordonium coenam sumere placuit; laeti autem animi indicium nullum dedit, reorum obstinationem et pertinaciam multis exaggerans; Generali Gordonio praesentibusque Moscis magnatibus indignante narratione exposuit, aliquem ex damnatis tantae pervicaciae fuisse, ut trabi incubiturus, Tzarum propius forte adstantem his verbis aggredi ausus fuerit: cede, Domine, meum est, hic jacere.

4-го Февраля легли на Преображенскомъ полѣ сто пятьдесятъ бунтовщичьихъ головъ — уже не отъ сѣкиры, но отъ меча казни. Нѣкоторые иностранные Писатели утверждаютъ, будто Царь собственною рукою срубилъ 84 преступныя головы:—извѣстiе нелѣпое, не взирая на то, что ревность къ правосудiю, что духъ вѣка, извиняли бы — и даже совершенно оправдывали — сей поступокъ.

Девять каменныхъ столбовъ, воздвигнутыхъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на разныхъ къ Москвѣ дорогахъ, означили новыя могилы Стрѣльцовъ, казненныхъ смертiю (¹).

Сколь могущественно должны были врѣзаться въ сердце народа царственныя добродѣтели Монарха,

(¹) Корба можно упрекнуть только въ томъ, что онъ давалъ, иногда, вѣру пустымъ разсказамъ, напримѣръ, утверждая, будто Сатана ухаживалъ за тѣломъ умершаго Лефорта, или говоря, что Царь въ 1694 году, во время опасности на морѣ, далъ обѣтъ идти на поклоненiе въ Римъ. – Но при всемъ томъ, свидѣтельство сего Писателя о казняхъ Стрѣльцовъ, какъ очевидца, обнаруживаетъ въ немъ человѣка безпристрастнаго. Корбъ оправдываетъ строгость Петра, и, превознося достохвальныя качества Великаго Монарха, на стр. 178, пишетъ: «Studia et voluntates gentis suae ita occupaverat, ut contentiosis multorum suffragiis fratri suo Ivano Alexiowiczio palam praeferretur, quem primogenitura ad aviti solii fastigium sancta gentibus lege vocabat. Mortem et vitae pericula, quorum metus caeteros examinat, perpetua sui fiducia contemnit. Proditores et in salutem suam conjuratos saepe solus adiit, et aut sceleris cogitati magnitudine, aut divulgatae proditionis metu et conscientia ad majestatis suae conspectum trepidantes Unus coërcuit, et, ne pestis periculosa sui propagatione longius serperet, vinculis et custodiae dedit.» —

когда и подобныя сцены ужаса не ослабили того благоговѣнія, съ какимъ чтили Его истинные сыны Россіи!

Впрочемъ, что строгія мѣры правосудія Петръ I считалъ въ то время необходимыми, доказывается письмомъ Его, отъ 4 Августа 1700 года, къ Іерусалимскому Патріарху Досиѳею. «Стрѣльцы уже въ третій разъ въ 19 лѣтъ бунтовали» (пишетъ Царь), «и воистинну только пакостники, «а не воины были, которыхъ мы по возвращеніи «своемъ иныхъ казнію, иныхъ наказаніемъ смирили, «прочихъ же, съ двадцать тысячъ, принуждены были отставить, опасаяся впредь смятенія, и по «отставкѣ оныхъ, новыхъ лучшихъ въ службу набирать повелѣли, которыхъ уже нынѣ нарочитое «число при помощи Божіей имѣемъ, и едва сего «году въ доброе состояніе привести возмогли.»

ГЛАВА V.

Рекрутскій наборъ.— Петръ I въ Воронежѣ.— Смерть Лефорта.

Прежній образъ вести войну, созывая для сего въ случаѣ надобности войско, годился только противъ грубой храбрости дикихъ племенъ, но не былъ успѣшенъ противъ регулярныхъ силъ другихъ непріятелей. — Петръ видѣлъ это, и, въ Августѣ 1699 года, приступилъ къ первому рекрутскому набору.— Духовенство должно было поставить съ 25 крестьянскихъ дворовъ по одному человѣку. Знатные господа, равно служащіе на Воеводствахъ и Приказахъ, также вдовы и недоросли, давали съ 30 дворовъ по одному конному и по два пѣшихъ рекрута; столько же ставило со 150 дворовъ среднее Дворянство. Мѣлкіе помѣщики, имѣвшіе отъ 10 до 15 дворовъ, обязывались вступать въ службу сами, или откупаться отъ оной, платя по рублю за каждаго семьянина, и по 25 копѣекъ съ крестьянскаго двора. Отставные платили за себя по 1 рублю 50 копѣекъ съ человѣка, и по 25 копѣекъ съ крестьянскаго двора. Путешествовавшіе за границею, для образованія своего, Дворяне долженствовали ставить по одному пѣшему воину. За тѣмъ, не только находившіеся въ военной службѣ, но даже Митрополиты Сибирскій и Астраханскій, и владѣльцы горныхъ заводовъ, если не желали

спавипь рекрупъ напурою, обязывались плапипь по одинадцапи рублей за человѣка ([1]).

Изъ эпого рекрупскаго набора сосппавилось двадцапь девяпь пѣшихъ и конныхъ полковъ. — Мундиры были: въ Бупырскомъ полку красные, въ Преображенскомъ зеленые, а въ Семеновскомъ синіе, съ красными въ обоихъ послѣднихъ обшлагами и камзолами ([2]). Впрочемъ, вообще зеленый цвѣпъ принадлежалъ пѣхопѣ, а синій конницѣ.

Подобныя учрежденія необходимо были сопряжены съ новыми расходами, для прикрыпія коихъ пребовались новые доходы, а для извлеченія сихъ послѣднихъ — новые должноспные люди. Соопвѣпспвенно своему званію, назывались они *Прибыльщиками.* Главный изъ нихъ, Алексѣй Курбаповъ, вѣдѣнію коего ввѣрены были пакже Оружейная Палапа и всѣ денежные сборы, умножилъ немедленно Государспвенные доходы, вычепами изъ окладовъ Дьяковъ и Приказныхъ служипелей, равно учрежденіемъ гербовой бумаги, для письма на ней крѣпоспныхъ акповъ, челобипныхъ и проч. ([3]).

Въ слѣдующемъ году возрасли уже Государспвенные доходы чрезъ распроспраненіе монаспырскихъ сборовъ и поспановленія о Сибирской поргловлѣ ([4]).

([1]) *Голиков.* Дополн. V, спр. 291 — 292, и 336 — 338. *Голиковъ* пропиворѣчипъ здѣсь самъ себѣ; но эпо пропиворѣчіе само же собою и уничпожаепся.

([2]) Семеновскому полку данъ, въ послѣдспвіи, зеленый же мундиръ, но съ синими обшлагами и камзолами. *Голиков.* Дополн. V, спр. 254, въ примѣчаніи.

([3]) *Голиков.* Дополн. V, спр. 292.

([4]) *Голиков.* Дѣян. I, спр. 287, 288. *Чулков.* Юрид. Слов. I, спр. 92.

На будущее время горные заводы обѣщали новые источники богатства. Но между тѣмъ, въ поощреніе владѣльцевъ земель, предоставлялось имъ право пользоваться и всѣми подземными, въ ихъ владѣніяхъ, сокровищами. Такимъ образомъ, открытые въ сіе время Тульскіе желѣзные рудники доставляли Казнѣ несравненно менѣе выгодъ, нежели частнымъ домамъ Бахмана, Миллера и Вахрамея. Къ устроеннымъ ими заводамъ приписано значительное число смежныхъ крестьянъ (¹).

Надежды на выгодный миръ съ Турками придали большій блескъ празднику Рождества Христова, 1698 года. Прибытіе (13 Января 1699 года) чрезвычайнаго Прусскаго Посла фонъ-Принцена (писавшаго о видѣнныхъ будто бы имъ въ С. Петербургѣ произшествіяхъ, въ то время, когда С. Петербурга не было еще и въ поминѣ), подало поводъ къ новымъ торжествамъ. Посолъ имѣлъ публичную аудіэнцію, 30 Января, въ домѣ страдавшаго уже болѣзнію Лефорта, и въ тотъ же самый день былъ угощаемъ, въ своей квартирѣ, 50 блюдами кушанья, присланнаго съ Царской кухни.

Трогательно было прощаніе Царя (18 Февраля) съ Лефортомъ. Монархъ, какъ бы предчувствовалъ, что Онъ на вѣки разстается съ своимъ другомъ. Въ тотъ же день Петръ отправился въ Воронежъ (²), сопровождаемый многими, обучавшимися за границею дворянами, долженствовавшими дать отчетъ въ своихъ успѣхахъ, и Прусскимъ Посломъ, который однако же вскорѣ

(¹) *Голиков.* Допол. V. стр. 293.
(²) *Голиков.* Дополнен. V. стр. 297, 298.

выѣхалъ изъ Воронежа, а потомъ и изъ Москвы ([1]); но прибылъ снова, въ Іюнѣ 1701 года. Первое Посольство имѣло цѣлію: поздравить Царя съ счастливымъ возвращеніемъ въ отечество, возобновить доброе согласіе между обѣими Державами, постановить церемоніалъ пріема Пословъ, исходатайствовать имя *Брата* будущему Королю, и присоединить къ Пруссіи городъ Эльбингенъ, бывшій въ залогѣ отъ Польши ([2]). Второе и послѣднее Посольство относилось къ дѣламъ предстоявшаго коронованія; при чемъ Посолъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Андрея Первозваннаго.

Оставленный въ столицѣ Намѣстникомъ, Князь Черкасскій каждодневно доносилъ Государю о состояніи здоровья Его любимца. Получивъ извѣстіе, что Лефортъ скончался 2 Марта, Петръ тотчасъ бросилъ свои любимыя занятія, и за 484 версты, поскакалъ въ Москву, чтобы отдать послѣдній долгъ тому, кто 15 лѣтъ сряду былъ неразлучнымъ Его спутникомъ.

«Я лишился лучшаго изъ друзей моихъ,»— говорилъ Монархъ: — «и въ такое время, когда онъ столь много для меня нуженъ!»

Петръ I не могъ не охуждать послѣдняго поступка своего друга, который, на смертномъ уже одрѣ, почерпалъ все утѣшеніе изъ одной Гораціевой Оды ([3]), и отшелъ въ вѣчность при звукѣ трубъ и литавръ.

([1]) Korb, стр. 121.

([2]) Прусскія Дѣла въ Московскомъ Архивѣ No 11.

([3]) Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem, non secus in bonis
Ad insolenti temperatam
Laetitia, moriture, Delli. — *Hor. Od.* II. 3.

Въ день погребенія, печальная процессія открывалась Лефортовымъ полкомъ, при унылыхъ звукахъ флейтъ и барабановъ. Потомъ шелъ Монархъ, въ траурномъ шарфѣ, имѣя въ рукахъ копье обвитое чернымъ крепомъ. Знатнѣйшіе военные чиновники несли жезлъ, лапы, шишакъ, шпагу, шпоры, перчатки, гербъ и Адмиральскій флагъ покойнаго. Пять Евангелическихъ Священниковъ шли передъ гробомъ, несомымъ попеременно 28 Полковниками. За гробомъ слѣдовали: двоюродный братъ Лефорта, за нимъ 24 Боярина, множество Придворныхъ, Дипломатическихъ и военныхъ особъ, а напослѣдокъ вдова Адмирала, поддерживаемая двумя Генералами, и сопровождаемая знатнѣйшими дамами и кавалерами.

Государь слушалъ, въ чужеземной церкви надгробное слово; на чужеземномъ кладбищѣ велѣлъ снова открыть гробъ, еще разъ облобызалъ покойника, и оставался тамъ до окончанія церемоніи (1).

Большая часть Бояръ неохотно присутствовали при погребеніи Лефорта. Изъ частныхъ видовъ, они не любили его при жизни; изъ религіозныхъ предразсудковъ, ненавидѣли его по смерти; но, въ угодность Монарху, явились и въ домъ покойника, гдѣ приготовленъ былъ для всѣхъ обѣденный столъ. Между тѣмъ, Царь вышелъ на минуту изъ покоевъ, и Бояре, воспользовавшись этимъ случаемъ, хотѣли разойтись по домамъ. Петръ остановилъ ихъ на крыльцѣ, и, приказавъ войти опять въ залу, сказалъ имъ: «вы дождаться не «можете того времени, чтобы вамъ, пришедши

(1) *Голиков.* Дополнен. V, стр. 300—307.

«въ домы, не порадоваться о смерти Адмиральской; «вы боитесь быть на семъ печальномъ пиршествѣ, «чтобы притворная ваша печаль, которую вы «принимаете на себя принужденно, вамъ не измѣ«нила, и внутренней радости вашей не обнаружи«ла въ моемъ присутствіи. Неблагодарные! вы «торжествуете, какъ будто бы одержали великую «побѣду смертію того, который мнѣ былъ столь«ко любезенъ, и который служилъ мнѣ съ толи«кою вѣрностію!»

Въ томъ же году скончались участники Лефортовой славы: Бояринъ Шеинъ и Генералъ Гордонъ. Тѣла ихъ Монархъ предалъ землѣ съ таковыми же почестями. День наканунѣ погребенія Лефорта (10 Марта 1699), ознаменованъ учрежденіемъ ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго ([1]). Генералъ-Кригсъ-Коммиссаръ Головинъ, въ тотъ же самый день, первый получилъ знаки сего ордена; потомъ, пожалованы они, 8 Февраля 1700, на-

([1]) Извѣстія о времени учрежденія сего ордена несогласны между собою. Въ Краткомъ описаніи всѣхъ обстоятельствъ, относящихся до Азова (стр. 229), у Голикова (въ I т. Дѣян. стр. 330) и у Галема (т. I стр. 330), случай сей относится къ 30 Августа; другими же Писателями къ 30 Ноября 1698 года. Дневникъ Корба не оставляетъ намъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что справедливо позднѣйшее показаніе объ учрежденіи ордена въ 10 день Марта 1699. Корбъ, на стр. 122, именно говоритъ: 1699 Mart 20 (N—st.) Tzarea Maj. instituit Ordinem equitum Sancti Apostoli Andreae.— На одной сторонѣ креста изображено было вензеловое имя Первозваннаго, а на другой имя учредителя ордена. Императрица Анна Іоанновна въ 1730 году замѣнила имя Императора своимъ именемъ. Елисавета Петровна возобновила прежній крестъ. Императоръ Павелъ

ходившемуся тогда въ Москвѣ Гетману Мазепѣ, который однако же, въ послѣдствіи, 26 Октября 1708, лишенъ ихъ — и лишенъ по заслугамъ ([1]).

Вскорѣ Государь снова уѣхалъ въ Воронежъ, гдѣ Генералы: Артамонъ Головинъ, Адамъ Вейде и Никита Рѣпнинъ, въ присутствіи Его Величества, обучали *солдатскому строю* ввѣренные имъ отряды войскъ.

Сколь дѣятельно и въ сей разъ Монархъ занимался кораблестроеніемъ, видно изъ писемъ его къ Стрѣшневу, Ромодановскому и Крафту.

«А мы (пишетъ Царь къ первому изъ нихъ), «по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ «потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой.»

Въ письмѣ къ Ромодановскому онъ говоритъ: «изволь во всѣ компанствы сказать, чтобъ везли «припасы корабельные; а буде кто къ шестой не«дѣлѣ (поста) не поставитъ здѣсь, вели деревни «ихъ описать;» и заключаетъ письмо сіе словами: «вашъ нижайшій подданный, Piter Schippermann.»

Получивъ извѣстіе о смерти корабельнаго мастера Дина младшаго (см. кн. IV, гл. 8), Царь отвѣчалъ на сіе Крафту выраженіями, выказывающими чувствительное сердце Монарха, и приказывалъ, не приступая безъ Него къ погребенію покойника, запечатать и сберечь всѣ его бумаги ([2]).

Петровичъ, первый далъ сему ордену Статутъ, котораго недоставало ему почти сто лѣтъ. Составленные въ 1720 году Статуты (и помѣщенные въ Историческомъ собраніи списковъ четырехъ Росс. орденовъ) не были утверждены Государемъ.

([1]) Историч. собр. списк. кавалер. стр. 59.

([2]) *Голиков. Дополнен.* V, стр. 308—310.

Въ началѣ Апрѣля, Петръ, съ десятью фрегатами и двумя галерами, отплылъ внизъ по Дону къ Азовскому морю, проводивъ такимъ образомъ Русскаго Посла, на пути его въ Константинополь ([1]).

Новый флотъ поступилъ подъ начальство пожалованнаго на мѣсто Лефорта въ Генералъ-Адмиралы Өедора Алексѣевича Головина, который едва ли не столько же былъ малосвѣдущъ въ Морскомъ Дѣлѣ, какъ и предмѣстникъ его.— Вице-Адмиралъ Крюйсъ былъ совѣтодателемъ Адмирала, но достойнѣе явилъ онъ свои способности съемкою Нижняго Дона и смежныхъ рѣкъ, съ ихъ берегами. Трудъ сей начатъ немедленно, и оконченный, въ послѣдствіи, изданъ въ 17 картахъ ([2]).

Въ это же время, Петръ I собственными руками садилъ около Таганрога дубовые жолуди, желая въ этой безлѣсной сторонѣ развести деревья, которыя предпочиталъ Онъ другимъ ([3]).

Прейдя молчаніемъ пребываніе Царя на Дону, послѣдуемъ за нимъ въ обратномъ пути Его въ Москву, черезъ Воронежъ, гдѣ Онъ пробылъ нѣсколько дней, для изслѣдованія жалобъ, принесенныхъ на тамошняго Воеводу Димитрія Полонскаго, который найденъ виновнымъ, высѣченъ кнутомъ, и сосланъ въ Азовъ на работу ([4]).

Тогда же изданы, въ 40 статьяхъ, Таможенныя правила: какъ-то: о взиманіи денегъ, объ от-

---

([1]) *Голиковъ.* Дѣян. 1, стр. 340—345.
([2]) *Голиковъ.* Дѣян. 1, стр. 345—346.
([3]) *Голиковъ.* Дополн. V, стр. 316.
([4]) *Голиковъ.* Дополн. V, стр. 317.

вращеніи обмановъ въ мѣрѣ и вѣсѣ, объ отыскиваніи скрытыхъ товаровъ, и проч. ([1]).

Обнародованнымъ въ то же время Указомъ опредѣлялась величина герба гербовой бумаги, сообразно суммѣ, въ какую писали на ней денежные акты: большаго герба бумага употреблялась для сдѣлокъ на сумму свыше 50 рублей, меньшаго (напримѣръ величиною съ червонецъ) на незначительные акты, или, на общественныя челобитныя, а самаго малаго герба на челобитныя, подаваемыя отъ одного лица. Сорты такой бумаги стоили тогда: низшій $\frac{1}{2}$, средній 1, и высшій 10 копѣекъ за листъ. Въ послѣдствіи времени, цѣна за бумагу возвысилась отъ 25 до 50 копѣекъ. Доходами завѣдывала Оружейная Палата, подъ управленіемъ Алексѣя Курбатова ([2]).

([1]) *Голиков.* Дѣян. I, стр. 340—341.
([2]) Тамъ же, стр. 367, 368.

ГЛАВА VI.

Мирные переговоры въ Карловицѣ.

По отъѣздѣ Царя изъ Вѣны, Возницынъ долженъ былъ одинъ продолжать начатые мирные переговоры.

Турки и Австрійцы равно желали мира: — какія надежды могли еще льстить имъ, когда, воюя двадцать лѣтъ сряду, ни та, ни другая сторона ничего не завоевали?

Турецкій Уполномоченный находился уже на пути къ Бѣлграду, для веденія тамъ мирныхъ переговоровъ; а Возницынъ, съ 1 по 20 Августа, все еще спорилъ, съ Австрійскимъ Канцлеромъ Графомъ Кинскимъ, о прелиминарныхъ пунктахъ.

Возницынъ поставлялъ на видъ: дѣятельное участіе своего Монарха въ войнѣ противъ Турокъ; издержки, употребленныя на сооруженіе новаго флота, состоявшаго изъ 70 военныхъ судовъ, и надежды на новые успѣхи Русскаго оружія въ будущемъ году, для чего войска были уже собраны въ окрестностяхъ Тавани, Кизикирменя и Азова; но соглашался, напослѣдокъ, и на миръ, если онъ будетъ соотвѣтствовать выгодамъ его Государя.

Съ Австрійской стороны отвѣчали общими терминами, которые были такъ неудовлетворительны, что Царскій Посолъ не хотѣлъ ѣхать на конгрессъ, пока не будутъ предварительно взвѣшены выгоды каждаго изъ союзниковъ. — Впрочемъ,

когда Возницыну сообщили о заключенномъ уже перемиріи, онъ сталъ нѣсколько уступчивѣе, и отправился, Дунаемъ, на когрессъ въ Карловицѣ, находящійся близь Бѣлграда и Петерварадина. — Австрійскій Дворъ назначилъ отъ себя Русскому Послу на его расходы по 500 гульденовъ въ недѣлю (1).

Во время происходившихъ въ Карловицѣ переговоровъ, Петръ I посылалъ многихъ курьеровъ къ Возницыну, требуя отъ него свѣдѣній: объ устройствѣ и содержаніи Императорскаго войска, отъ перваго Генерала до послѣдняго солдата; о Вѣнскомъ Дворѣ, о Придворной аптекѣ (сколько состоитъ при ней аптекарей, ихъ помощниковъ, и изъ какихъ доходовъ получаютъ они жалованье?), равно и о прочихъ аптекахъ въ Вѣнѣ. Царь предписывалъ также: сколько именно, обучающимся въ разныхъ мѣстахъ Европы, Россіянамъ отпускать на содержаніе денегъ, кому поручать ихъ въ смотрѣніе, и подтверждалъ, чтобы эти молодые люди, чтя отечественную вѣру, не перенимали чужеземныхъ пороковъ, и не дерзали бы, съ развращенными нравами, показываться въ Россію (2).

Султанъ Мустафа II, со времени пораженія войскъ его при Центѣ, всего болѣе желалъ прекращенія войны. Главный переводчикъ Порты, Александръ Маврокордато, подъ видомъ, будто бы дѣлаетъ это по собственному побужденію, взялся вывѣдать расположенія Вѣнскаго Кабинета. — Послы Англійскій и Голландскій увѣрили Маврокордато, что Императоръ Леопольдъ охотно согласится

(1) *Голиков.* Дополн. V, стр. 170 — 187.
(2) Тамъ же, стр. 257 — 259.

На возвратномъ пути Посолъ былъ принятъ въ Ригѣ отличнымъ образомъ. Онъ отправился, чрезъ Москву, въ Азовъ, гдѣ 15 Іюля 1699, словесно отдалъ Царю отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

ГЛАВА VII.

Мирные переговоры въ Константинополѣ.

Послѣ Карловицкаго конгресса, Петръ I счелъ выгоднѣйшимъ заключить миръ съ Турками, нежели продолжать войну безъ союзниковъ. Другія, важнѣйшія обстоятельства обратили на себя вниманіе Монарха.

До начатія борьбы съ новымъ противникомъ, должно было обезпечить себя со стороны прежняго; почему Думный Дьякъ Емельянъ Украинцовъ и былъ отправленъ въ Константинополь.

На 40-пушечномъ фрегатѣ, Посолъ отплылъ изъ Воронежа, 1 Августа 1699. Самъ Государь сопровождалъ его до Керчи.

Появленіе Русскаго военнаго судна, на которомъ, въ числѣ Посольской свиты, находилось 200 человѣкъ регулярной пѣхоты, изумило Турокъ, и, по видимому, оправдало показаніе Крымскаго Хана о послѣдовавшихъ въ Царскомъ войскѣ перемѣнахъ.

Этотъ Ханъ желалъ, чтобъ миръ не состоялся вовсе. Спокойная домашняя жизнь, обуздывавшая обычные набѣги, не нравилась ему и его Татарамъ.

Русскіе старались поспѣшнѣе привести къ окончанію мирные переговоры; Турки, напротивъ

того, всячески ихъ замедляли, и требовали настоятельно возвращенія Азова.

Въ такой неизвѣстности, между миромъ и войною, Царь занимался улучшеніями разныхъ отраслей Государственнаго Управленія: издавалъ законы, набиралъ войско, и вооружалъ флотъ. — Давъ публичную аудіэнцію Молдавскому Посланнику Кастріоту — который въ Москвѣ столько же подстрекалъ Россіянъ противъ Турокъ, сколько Ханъ Крымскій, въ Константинополѣ, старался поджечь Турокъ противъ Россіянъ — Петръ I, въ къ концѣ Февраля 1700, снова отправился въ Воронежъ (1), гдѣ окончивъ и оснастивъ начатый имъ прежде военный корабль, назвалъ его *Предестинаціею*. — На кораблѣ семъ была сдѣлана слѣдующая достопримѣчательная надпись: «*положенъ киль* 1698 *Ноября* 10, *спущенъ* 1700 *Апрѣля* 28, *безъ дѣла былъ* 8 *мѣсяцовъ, дѣлалъ Петръ Михайловъ съ товарищи*» (2).

Изъ Воронежа Петръ I посылалъ къ Украинцову Указы, коими предписывалось ему старать-

(1) Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, по повелѣнію Царя, прибылъ тудаже, и пожалованъ въ это время *Адмиралтейцемъ* (Admiralitätchef), въ каковомъ званіи оставался онъ до кончины Адмирала Ѳедора Алексѣевича Головина. — Предъ отъѣздомъ своимъ въ Воронежъ, Государь поручилъ этому Головину заготовить для него на почтовыхъ станціяхъ извѣстное число лошадей, для чего и далъ роспись; но лошади не вездѣ были найдены Монархомъ. — Головинъ, сознавался въ своей оплошности, просилъ прощенія, и Петръ I написалъ на его докладѣ: «*Богъ проститъ, а роспись я далъ.*»

(2) Корабль сей такъ понравился Монарху, что Пикардъ долженъ былъ выгравировать на мѣди рисунокъ онаго

ся о скорѣйшемъ заключеніи, на извѣстныхъ правилахъ, съ Портою мира; писалъ въ Москву, повелѣвая отпустить Молдавскаго Посланника, обнадеживъ его покровительствомъ Россіи, и приказывалъ имѣть при Саксонскомъ Генералѣ Графѣ Флемингѣ надежнаго человѣка (Паткуля?), для того, чтобъ Русскій Кабинетъ могъ получать свѣдѣнія обо всемъ тамъ происходящемъ.

Меньшиковъ былъ уже любимцемъ Государя. Это доказывается письмомъ Петра, писаннымъ къ нему въ Февралѣ 1700, съ надписью: «*отдать Алексаитъ.*» Самое письмо было слѣдующаго содержанія: «Mein Herzenskind!» (буквы s и d пропущены въ подлинникѣ) «Какъ тебѣ сіе письмо вручится, «пожалуй осмотри у меня на дворѣ, и вели вычи-«стить вездѣ и починить. Также вели въ спаль-«ной сдѣлать полъ липовой, да и въ другихъ вели «новые полы передѣлать, также вели пиво слобод-«ское и другое, Андреево, въ ледъ засѣчь. Также «вели сдѣлать вновь погребъ подъ тѣмъ мѣстомъ, «гдѣ ботъ стоитъ, или гдѣ старая баня. Также «и во всемъ осмотри и прикажи. А самъ для Бога «не мѣшкай; а для чего, самъ знаешь. За симъ «предаю васъ въ сохраненіе всѣхъ Хранителя Бога. «Piter.»

Девять мѣсяцевъ длились мирные переговоры въ Константинополѣ. Напослѣдокъ, 3 Іюля 1700, заключенъ тридцатилѣтній миръ, по которому Азовъ, и всѣ владѣнія на Дону, оставались за Россіею; Днѣпровскія крѣпости, по срытіи ихъ, возвращались Туркамъ, съ тѣмъ, чтобы впредь не возобновлять оныхъ (1).

---

(1) Турецкія Дѣла. N. 7.

Князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ доставилъ въ Константинополь, 30 Декабря 1700, Царскую ратификацію; но Москва и Россія еще 18 Августа торжествовали заключеніе мира.

ГЛАВА VIII.

Улучшенія, сдѣланныя Царемъ въ 1700 году.

Сравнивая дѣятельность Нѣмцевъ, расторопность Голландцевъ и предпріимчивость Англичанъ, съ бездѣйствіемъ своихъ поданныхъ, съ ихъ ненавистію ко всѣмъ нововведеніямъ, съ ихъ отвращеніемъ отъ чужеземнымъ нравовъ, обычаевъ и учрежденій— Петръ I выводилъ изъ этого необходимость своихъ предначертаній объ улучшеніи Государства.

Свергнувъ оковы старины, Монархъ праздновалъ 1-го Января (годомъ ранѣе, нежели какъ бы слѣдовало) новое столѣтіе, и тѣмъ ввелъ Юліанское лѣтосчисленіе въ Россіи, гдѣ, до того, новый годъ начинался всегда съ 1-го Сентября — въ томъ неопредѣленномъ предположеніи, что Божественная премудрость не могла избрать лучшаго времени, чтобы первосозданныхъ обитателей земли предоставить ихъ собственной участи, какъ время осени, которая, впрочемъ, не вездѣ одинаково расточаетъ дары свои. Новость сія обнародована за 16 дней до 1-го Января 1700; всѣ домы столицы долженствовали быть убраны зелеными вѣтьвями (1). Ровно въ полночь, колокольный звонъ

---

(1) *Чулков.* Юрид. Слов. II, стр. 208. — Выписываемъ здѣсь вполнѣ Указъ, изданный по сему случаю. *Переводч.* «208 года Декабря въ 15 день Великій Государь Царь

ствіи приняты за образецъ костюмы Нѣмцевъ и Голландцевъ. Образцовые кафтаны и другіе принадлежности были развѣшаны по всѣмъ городскимъ воротамъ. Закоснѣлымъ *старообрядцамъ* (кромѣ Духовенства, крестьянства и Азіятскихъ племенъ, которые вообще освобождались отъ послѣдованія новой модѣ) на улицахъ обрѣзывали полы ихъ дѣдовскихъ кафтановъ. Нехотѣвшіе разстаться съ бородами (также кромѣ Духовенства и проч.) платили ежегодно штрафы, по мѣрѣ своего состоянія [1]. Такой штрафъ простирался: за пѣшехода до 4 коп., а за всадника до 2 рублей. Впрочемъ, постановленіе сіе еще усилено Указомъ отъ 4 Января 1700 года [2].

Петръ I, однообразіемъ одежды, надѣялся искоренить въ народѣ ненависть ко всему иноземному, и преобразовалъ чрезъ то своихъ Русскихъ въ иностранцевъ, а иностранцевъ въ туземцевъ въ Россіи.

Но такое преобразованіе стоило Монарху великаго труда. Въ доказательство сего приведемъ шутку Меньшикова съ Членами Воронежскаго Магистрата. Послѣ безполезныхъ увѣщаній перемѣнить платье и обрить бороды, Меньшиковъ, наканунѣ праздника Пасхи, призвалъ этихъ Членовъ къ себѣ, и объявилъ имъ небывалый имянный Указъ: если они не перестанутъ упорствовать— отправить ихъ немедленно въ ссылку. Закоснѣлые въ предразсудкахъ Члены Магистрата, со слезами умоляли Меньшикова о заступленіи, говоря: что имъ легче потерять головы, нежели бороды, и

(1) *Голиков.* Дополн. VI, стр. 6, Дѣян. I, стр. 356.
(2) *Чулков.* Юридич. Слов. II, стр. 209.

тѣмъ *растлить образъ Божій.* Напослѣдокъ, послѣ долгой борьбы съ самими собою, они рѣшились покориться необходимости, и хотя безъ бородъ и въ Нѣмецкомъ платьѣ, остаться на родинѣ. Увидя ихъ у заутрени, такъ сказать, преображенныхъ, Петръ былъ пріятно изумленъ, подошелъ къ нимъ, и похристосовался съ каждымъ (1).

Съ новою одеждою, Царь желалъ водворить въ Россіи и новыя Европейскія увеселенія.

Труппа Нѣмецкихъ актеровъ прибыла въ это время въ Москву, и увеселяла зрителей драматическими представленіями, кои посѣщалъ иногда и Монархъ, не взирая на то, что они мало Его занимали (2).

Умягченію нравовъ много способствовалъ прекрасный полъ, освобожденный отъ своего тяжкаго ига. Русскія женщины не являлись прежде публично безъ покрывала, и никогда не принимали участія въ общественныхъ увеселеніяхъ. Отмѣною этого обычая Царь не только снискалъ ревностныхъ защитницъ вводимой имъ реформы нравовъ, въ благодарныхъ Россіянкахъ, видѣвшихъ уже основу семейственнаго счастія въ воспреще-

---

(1) *Голиковъ.* Дополн. XVII, стр. 61—65.

(2) Объ этой Нѣмецкой труппѣ можно судить по одному анекдоту, который вмѣстѣ характеризируетъ и духъ того времени. — Актеры объявили однажды, что будетъ дано представленіе совершенно новое и никогда невиданное. Стеченіе зрителей было многочисленно. Самъ Царь находился въ театрѣ. Напослѣдокъ, поднимается занавѣсъ, и на бѣлой стѣнѣ видна только надпись: «*Первое Апрѣля.*» Обманутый, вмѣстѣ съ прочими зрителями, Царь засмѣялся и сказалъ: «Театральная вольность!» — (*Штелинъ.*)